

The background of the image is a dark, atmospheric scene. On the left, a doorway is brightly lit from within, casting a warm, golden glow that fills the room. In the foreground, a staircase with dark steps leads upwards towards the doorway. The overall mood is one of hope and transition.

НОН**КОН**ФОРМИСТ

Алик Толчинский

Алик Толчинский

НОНКОНФОРМИСТ

БОСТОН • 2011 • BOSTON

Алик Толчинский
Нонконформист

Alik Tolchinsky
Nonconformist

Печатается по оригинальному авторскому тексту

Copyright © 2011 by Alik Tolchinsky

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-934881-50-7

Library of Congress Control Number: 2011920504

M·GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com
mgraphics.books@gmail.com

Дизайн и подготовка к печати: М. Минаев
Фото обложки: ©shutterstock.com

Printed in the United States of America

НОНКОНФОРМИСТ

7

ОБРЕТЁННЫЙ РАЙ

107

САРКАСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ

157

О ПРАВЕ ЧИТАТЕЛЯ
НА ИНТЕРЕСНУЮ КНИГУ

185

НОНКОНФОРМИСТ

Обращение к читателям

Дорогие мои читатели, перед вами книга, которая не имеет конца, и потому каждый из вас имеет полное право закончить её по собственному вкусу. Я всех вас беру в свои соавторы. «Сочтемся славою», — как говорил великий поэт. Если книга, любая книга, хоть чего-то стоит, она есть процесс — сначала прочтения и осмысливания, а потом домысливания. Особенно это выпукло видно на примере научной литературы. В процессе домысливания совершаются порой удивительные открытия. Смелее, друзья мои, вперед и вверх или как говорили раньше: *Сквозь тернии — к звездам!*

* * *

В нашей природе заложено следование за авторитетом, будь то превосходство ума, силы или обаяния. Возьмем, к примеру, парадокс Ферми, крупнейшего физика наших дней. Приведу материал из «Википедии»:

Если в нашей галактике должно существовать множество развитых цивилизаций, тогда «Где они? Почему мы не наблюдаем никаких следов разумной внеземной жизни, таких, например, как зонды, космические корабли или радиопередачи?» ...то есть или наше понимание природы, или наши наблюдения неполны и ошибочны...

Позвольте возразить. Кто знает, какой интервал времени разделяет нас и инопланетян? Может быть, там, на далёкой планете еще бродят динозавры или наоборот — их цивилизация старше нашей на десяток миллионов лет. Мы сделали гигантский скачок за 300 лет и не можем предста-

---

вить, что будет на Земле через триста лет. О каких радиопередачах может идти речь? Это же примитив. Это всё равно, как сравнивать в качестве источников света горящую спичку и лазерный луч.

В декабрьском 2009 года выпуске «Дежурный по стране» Жванецкий прокатился по адресу президента Медведева с его призывом к модернизации. С начала объявленной перестройки прошло 25 лет и, судя по партийным лозунгам, ничего существенного в жизни России не поменялось.

Со злорадством цитируют в прессе Медведева, который объявил, что его *слова отливают в граните*. Каково!

Возвращаюсь к мысли о «жизни» в СССР в предвоенные годы. Я смотрел впервые «Мастера и Маргариту» десять лет спустя после выхода фильма. Вот где советский ад показан потрясающе. Воланд с компанией выглядят на этом фоне такими безвредными душечками.

Приятелю Яше в январе 72. А мне было в сентябре 70. Чем мы измеряем прожитую жизнь? — вот вопрос. С младенчества всё ясно. Он раньше пошел ножками, раньше перестал писаться, раньше пошел в первый класс. А дальше как-то затерялись эти почти два года разницы, потому что в институт мы поступили одновременно и закончили тоже. Где-то он потерял два года преимущества. Закончил, правда, музыкальную школу, мечтал стать скрипачом...но и я мог вполне закончить одновременно с десятилеткой.

Д. старше Л. на 9 лет. Она видела жизнь до войны, но не понимала. После войны они приехали в Москву и там она пошла в школу, поступила в педагогический институт и потом стала учить детей математике. Учит и сейчас, когда ей стукнуло 79. Л. пошла в школу, окончила педагогический институт и потом стала учить детей биологии и химии. Оставила работу в 55 лет и с тех пор отдыхает. Сейчас ей 70. Куда делся тот бесценный опыт, который Д. успела накопить за 9 лет до рождения сестры? Если бы два человека строили пирамиды, каждый свою, и скорость строительства

была одинакова, то у Д. пирамида оказалась бы выше, скажем, на 9 слоев кирпича. Если одно дерево старше другого на 9 лет, то у него на 9 годовых колец больше. Хоть какой-нибудь да результат. А у людей, кажется, ничего, кроме степени испорченности желудка или печени и сравнивать невозможно.

Вот и получается, что сравнивать можно лишь результативность жизни, а она от возраста зависит мало. Боже, какая банальная мысль! Нам, обделенным высоким талантом или удачей, и им, носителям таланта и удачи, одинаково хочется жить. Но всё проходит, великое и незначительное. Остается только тоска по вечности...

Один человек, придя к старости, так тосковал по вечности, что ушел странствовать. Однажды он увидел дом возле кургана, который раскапывали люди.

— Зачем вы это делаете? — спросил он.

— Нам сказал один святой человек, что мы будем жить, пока не сровняем курган с землей. Лет на триста нам работы хватит.

— А спустя триста лет все умрут, — подумал человек и огорчился.

Пошел человек дальше и на берегу моря увидел хижину, в которой сидела женщина и вышивала на пяльцах. Все стены хижины были утыканы иголками.

— Зачем ты это сделала? — спросил человек, указывая на иголки.

— Приходил святой человек и сказал, что пока я не источу на пяльцах все иголки, я буду жить. На тысячу лет мне иголок хватит.

— А спустя тысячу лет ты всё равно умрешь, — подумал человек и огорчился.

Пошел человек дальше и приблизился к волшебному замку, защищенному глубоким рвом со всех сторон. Остановился он напротив ворот и стал звать стражника. Тот перекинул мост через ров, и человек вошел в замок. Внутри гуляли хорошо одетые люди. Кругом было полно магазинов, где бесплатно давали всё, что пожелаешь. Спросил человек у прохожего, что это за место.

— Это место не простое, — ответил прохожий, — здесь всё есть для бессмертной жизни, только нельзя выходить из замка.

— Вот я и нашел место, где можно вечно жить, — сказал человек и остался в замке.

Много ли прошло времени, или очень много, никто сказать не может, но однажды так наскучила человеку вечная жизнь, что ушел он из замка. Пошел он искать курган, чтобы посмотреть, много ли осталось копать. Нет ни дома, ни кургана и никто не помнит, был ли он на самом деле. Пошел человек к морю — нет там никакой хижины, и никто не помнит о женщине, которая вышивала на пяльцах. Понял тогда человек, что прошло много больше тысячи лет и стало ему тошно, и позвал он Смерть. И прилетела Смерть, и освободила его навечно.

Нашел у Кушнера — о Цветаевой:

«...Её обращение со словом не только восхищает, но и подавляет: что она делает с ним, откручивает суффиксы, приставки, привинчивает их, собирает и разбирает... Слово согнуто в бараний рог, кричит от боли. Мужская хватка в сочетании с эмоциональной взвинченностью дает яркий, но несколько однообразный эффект...».

«Эмоциональная взвинченность» (а какая она еще бывает? — А. Т.) также у Соломона Волкова, когда он говорит с Бродским о Цветаевой.

Сидя в туалете, изучаю рекламный журнал охотников «FIELD STREAM». На обложке — красавец олень. Белая опушка вокруг глаз, носа, нижней губы и на шее. Могучая шея, как коринфская колонна, уходит вниз к телу. Красоту шерстяного покрова невозможно передать словами. Корона рогов доказывает, что перед нами царь парнокопытного мира.

И вот этих *царей* журнал предлагает истребить на мясо и трофеи в течение недели, причем 11 ноября 2009 года считается *the best deer day of 2009!* Обожравшиеся бифштексов с кровью человеческие самцы могут приобрести *супер-*

ружья с оптическим прицелом, способные пробить лобовую броню танка, не то, что грудь красавца-оленя. Можно купить и суперсовременные луки с хитроумной системой натяжения стальной тетивы, которая посылает тяжеленную стрелу со скоростью 360 футов в секунду (примерно 130 м/с, или 460 км/час!).

Но этого мало! Выпустив пары, двуногие желают славно отпраздновать неделю охоты в постели с женщиной, и для этого журнал предлагает им пилюли, способные увеличить эрегированный орган чуть ли не вдвое против обычного и надолго, чтобы человеческая самка успела испытать *супер-оргазм*. Брюхастые, потные и волосатые, с мешками спермы между ногами, засунув свои слюнявые языки в рот своим самкам и тиская их вымя, они будут упиваться их стонами наслаждения и сравнивать их с предсмертными стонами красавцев оленей, которых они погубили в своё удовольствие, перечислив господину-Государству полтора десятка серо-зеленых бумажек с изображением Франклина.

Перечитываю «Мастера и Маргариту». Как я раньше не замечал, что люди в романе непрерывно звонят и пишут в КГБ и непрерывно исчезают без следа! Какое страшное повествование! Ни Воланд, ни Господь ничего не могут поделать с этим кошмаром. А для чего вообще Воланд приехал в Москву? Какие жалкие проделки и неумные притом! Читать, правда, жутко интересно.

Неясно мне, почему Храм Господень в Ершалаиме украшен золочеными идолами. Ведь евреям строго-настрого запрещено изображать и лепить человека и всё живое... А башня Антония вообще на несколько веков моложе.

Вспомнил, как в школе мои русские одноклассники, желая сделать мне комплимент, говорили, что я совсем не похож на еврея. У меня был курносый нос, голубые глаза и соломенного цвета волосы. В возрасте лет 30 я скорее напоминал чертами лица римлянина времен императора Веспасиана. Однако в возрасте 65 я стал выглядеть несомненным евреем и заметил это, когда увидел свою фотографию в кипе

за столом со своим старшим внуком в еврейской школе, куда был приглашен на утренник. Наверное, к старости многие люди приобретают «еврейские» черты лица, а все вместе — мы становимся всё более похожими на обезьян.

За последние сто лет «среднестатистический» облик еврея сильно переменялся и перестал соответствовать средневековым описаниям: крючковатый нос, толстые и тяжелые веки, морщинистое лицо, толстая и выпяченная нижняя губа, густая шевелюра и прочее. Причиной тому, возможно, смешение с другими народами, которое шло, начиная с 19 века, пусть не столь быстро, но шло и идет с ускорением. Идет растворение среди других народов, и как бы ортодоксы не противились, будущее человечество потеряет типичные национальные черты. Я лично никакой катастрофы в этом не вижу.

Мой знакомый Г. К. заметил, что во всей громадной живописи, иллюстрирующей Библию, нет ни одного радостного, улыбающегося лица. Церковники утверждают, что Христос никогда не улыбался. Как это можно доказать?

Думаю, что до 33 лет он был женат и имел детей. В противном случае он стал бы паршивой овцой в еврейском стаде и не пользовался бы никаким уважением. Правда, была секта ессеев, которая требовала безбрачия, но ведь Христос не был ессеем...

Я живу в многоквартирном субсидальном доме. Время от времени мэрия устраивает проверки состояния жилья. К каждой проверке наше домоуправление моет шею под глубокое декольте. Вот уже неделю все рабочие без выходных трут, моют, красят, ремонтируют сантехнику — устраивают «потемкинскую деревню». В точности, как это было в СССР!

Невежество почти всегда — воинствующее.

Вчера Дэвид В. сказал, что Эйнштейн из 613 заповедей Торы выбрал себе 13. Я про это ничего не знаю, но как может быть 613 заповедей? Я читал Ветхий Завет, но ни одной

заповеди, кроме Моисеевых десяти, не помню. Речь идет о правилах поведения, подобно тому, как составляли правила вождения автомобилей, чтобы уменьшить число несчастных случаев? Тогда они должны быть приведены в Талмуде, а не в Торе. Позвонил Яше Гринбергу. Разумеется, я был прав: 613 правил жестко регламентируют жизнь евреев (если они их соблюдают), но называть их заповедями глупо, потому что заповеди — от Бога, а правила поведения — от религиозных учителей, которые хотели выслужиться перед Господом.

Кстати, ортодоксы-христиане вместо 7 смертных грехов составили список из 90 или около того. И делятся они на грехи против Бога, грехи против ближнего и грехи против самого себя. Должен сказать, что осуждение многих из них, с моей точки зрения, совершенно справедливо. К примеру, осуждаются сплетни, подслушивание чужих разговоров, наглое поведение в отношении ближнего, скупость, леность и небрежность в работе и так далее. Не знаю, приведет ли соблюдение христианских правил на небо, но дать покой душе может вне всякого сомнения. Не знаю, входят ли эти правила в число 613 правил Талмуда.

Смотрел фильм «Глаз Тигра». Неописуемая жестокость. Никакого облегчения, несмотря на победу положительного героя. Негодяи организовали под городом укрепленный и вооруженный лагерь. Там их человек двести. Они гоняют на мотоциклах и творят бессмысленный беспредел. Вопрос, который невольно задаешь, — неужели никто из жителей города не может позвонить в ФСБ, чтобы прислали войска и ликвидировали насильников? Интересно, как воспринимают фильм американцы. Сила Зла показана во всей красе, о растлевающем влиянии на детей и говорить нечего. Кстати, неужели право носить оружие распространяется и на гранатометы, стингеры и прочую гадость, которую бандиты применяют против безоружных людей?!

По телевизору либо жрут (реклама), либо пачкают природу, либо избивают друг друга. Современные Йети.

---

*«Храни меня мой талисман», —
Писал бы Игорь Губерман,
Когда бы Пушкиным родился.
Но новый гений не случился, —
Коль образ с «ж...» тесно слился.
О том горюет Шеридан.*

Читаю отрывки из Мазхора. Мракобесие и мракобесие.

Властелин мира, Который царствовал (еще) до того, как было сотворено всё сущее. Когда же всё было сотворено по воле Его, Он **был назван** царем. (Кем он был назван??). И после того, как все исчезнет, Он **один, грозный**, будет царствовать... (Над кем??)

Евреи непрерывно и нудно просят прощения за грехи:

И за грехи, за которые мы подлежим четырем смертным карам (по решению) бет-дина (суд раввина—А. Т.): побивание камнями, сожжение, обезглавливание и удушение — за (нарушение) заповедей запретительных (!). И эту возмутительную антигуманную гадость предлагают, как высшую ценность для почитания современному цивилизованному человеку.

Спрашивается, за какие такие грехи еврейский народ подлежит истреблению и бездетности? Так ведь и господин Гитлер тоже считал, что евреи недостойны жить ...

...На нас (возложено) прославлять Господина всего (сущего), возвещать о величии Творца (всего) первоизданного, за то, что Он не создал нас подобными народам стран и не поставил нас подобно земли, и не поместил наш удел, как их (удел), и нашу судьбу — как всего множества их ...

Мракобесие и мракобесие! И низость перед другими народами Земли, которые ничуть не хуже евреев.

Как нежно называется хлесткое слово *мракобесие* на английском — *обскурантизм*! Чувствуется в нем бой курантов.

Сегодня вспомнил, что в голодные послевоенные годы мама, которая получала 600 рублей в месяц (папа около тысячи) ухитрялась нанимать домработницу, которой платили

сто пятьдесят рублей плюс харчи. Можно представить себе кошмарную жизнь в деревне. Ели домработницы остатки с барского стола — селедочную голову и хвост, и жир с крошечной прослойкой говядины. Свинину мы не ели, хотя были полными атеистами.

Однажды Межибовские пришли к нам в гости и отец моего приятеля возмущался, что его сын Марик отказался есть говяжий жир в супе, на что моя мама со смехом сказала: «А наш Алик никогда его не ест!»

Сейчас я думаю: «Хорошо, что домработницу не кормили сеном или соломой. Какая была бы экономия!» Мама всегда воевала с ними, и они часто менялись. После очередного ухода мама всегда повторяла: «Враг в доме! Враг в доме!» Дом представлял собой 14-метровую проходную комнатку с косыми полами в коммуналке с керосинками и единственной ржавой раковиной на кухне. Совсем не в традициях российской интеллигенции.

Читаю притчи царя Соломона. Практически повторение десяти заповедей. Наставления жуются по двадцать раз — порой одними и теми же словами, порой другими словами. Так, наверное, учитель объясняет урок тупому ученику в надежде, что тот, наконец, поймет. Судя по тому, что человечество и по сей день всё делает вопреки десяти заповедям — убивает, крадет, прелюбодействует, не чтит родителей и Бога, оно в моральном плане безнадежно. Мой друг Мишка считал, что все достижения науки и техники ничего не стоят, потому что человек остается таким же, как и тысячи лет назад.

Выходит, что биология сильнее морали. И это — фундаментальный Закон. Преодолеть его означает то же, что преодолеть закон всемирного тяготения. Уж не заведет ли биология человечество в тупик?

Перечитываю Мандельштама 1913–1916 годов. Составившийся лицеист Пушкин. Картонные стихи с картонными декорациями, подражает Гумилеву, только Гумилев путешествовал и видел своими глазами, а этот высасывал

из пальца. Упоминание *Киприды* после Пушкина как-то неловко читать.

Есть что-то в имени Киприда вкусное и хрустящее сочным яблоком. Как её звали бы на Крите — Критида? А в других местах? — Ионида? Пелопонида?

Вспомнил давнюю историю моих «отношений» с генеральным директором нашего почтового ящика Н. С. Лидоренко. Я с ним иногда ехал вдвоем в лифте — он до своего четвертого этажа, а я — до пятого. Я здоровался, он отвечал. Он никогда не спрашивал меня, кто я такой, а я не смел к нему лезть. Он вообще никогда не снисходил до общения с людьми ниже уровня начальника отдела.

Однажды судьба меня свела с Костей Чикановым, сыном главного бухгалтера нашей фирмы. Костя был выпускником *Физтеха* — самого элитного ВУЗа в СССР. Он действительно всё умел — спаять измерительную схему, написать дифференциальное уравнение, прочесть статью по полупроводникам и понять её, он был молодым членом партии и начальником лаборатории, но без кандидатской степени. И никак не мог придумать, на чем бы защитить диссертацию. Я же был беспартийным кандидатом наук и начальником лаборатории. Когда-то, в молодости я проработал три года в Институте Кристаллографии, и это не раз помогало мне на научном пути.

В разговоре с Костей о материале для солнечных батарей я упомянул, что могу диагностировать внутренние механические напряжения, которые являются причиной растрескивания солнечных элементов в космосе. Сказано — сделано. Через две недели я принес Косте оптические штуки, которые называют поляризаторами, он заказал на нашем опытном заводе примитивное устройство, которое вручную перемещало ленту кремния мимо инфракрасного луча, и быстренько нарисовал и спаял схему усиления сигнала. Едва мы с ним записали первую диаграмму напряжений, он помчался вниз, привел своего начальника отдела Виктора Сушко и торжественно продемонстрировал ему работу нашего макета. Виктор был одним из са-

---

мых молодых выдвиженцев, которому Лидоренко симпатизировал. Тот также горел желанием выслужиться перед генеральным. Уже через два часа он с Костей поволок макет с регистрирующими приборами в кабинет директора. Дело закрутилось. Я, естественно, во всей этой возне участия не принимал. Не хотел. Я знал цену генеральному и его блюдолизам.

Знаете, если ваша мамаша работает главным бухгалтером фирмы, то все ваши заказы на опытном заводе идут, как по маслу. У меня на пробивание заказов ушли бы годы. Спустя три месяца наш макет превратился в солидное электромеханическое устройство.

И вот, наступил день, когда генеральный решил ознакомиться с тематикой работ подчиненного отдела. Мне по этому случаю достался новенький белый халат, который украли во время объявленной Перестройки. Я должен был представлять творческий коллектив, а Костя должен был объяснять и демонстрировать работу под названием «Измерение внутренних напряжений в полупроводниковых материалах методом фотоупругости». Время шло, хотелось есть, но директору всё было некогда. Наконец, в половине седьмого (мы заканчивали в пять) он появился. Как всегда, ни тебе здрасьте, ни вам спасибо. Костя кинулся «служить». Показывал работы своей лаборатории и на закуску повел генерального к нашему устройству. Его пояснения с множеством научных терминов были настолько заумными, что даже я, создатель сего «чуда» ничего не уразумел. Про генерального и говорить нечего. Спустя пару минут он сказал почти умоляющим голосом, глядя на диаграммы напряжений: «Когда же ты, наконец, напишешь диссертацию?!»

Прошло изрядно лет и зим, наступила Перестройка. Генерального задвинули на какую-то почетную должность с медной табличкой на двери на восьмом этаже нашего почтового ящика. Во главе фирмы стал директор нашего Краснодарского филиала, сын начальника КГБ всего Краснодарского края. Я ухитрился защитить докторскую, пользуясь тем, что всем стало не до науки и не до научных интриг.

Защитился и вскоре свалил в один из институтов Газпрома. Но одна научная дама меня не забыла и однажды пригласила на докторский ученый совет по случаю чьей-то защиты. Меня не очень-то баловали участием в ученых советах, да я и не любил их, потому что это дело скучное и приходится по несколько часов дремать в неудобной позе, ловя на себе злые взгляды других, не спящих членов совета.

В этот раз я участвовал в первом после собственной защиты докторском совете и посему надел единственный выходной костюм. Все давно собрались, но Лидоренко не появлялся. Он всегда делал необходимую паузу, чтобы подчеркнуть свою значимость. Но вот, он появился, сел в заготовленное для него кресло и хозяйским взглядом окинул бывших своих рабов и блюдолизов.

И вдруг он заметил меня. Я сидел к нему в профиль и краем глаза видел, как он бесцеремонно стал опрашивать соседей, что это за фрукт появился в его поле зрения. Знали меня среди его своры немногие, а задать вопрос своему бывшему заместителю через широченный научный стол даже он не решился. Так мы и досидели до конца совета. Я знал, что он собой представляет, а он терялся в догадках.

Сейчас, когда я осмысливаю прожитую жизнь, я считаю, что если за двадцать лет работы в его фирме я ни разу не вышел на его уровень, ничем его не заинтересовал, то мне грош цена, как ученому, и тут совершенно неважно, что он в научном смысле был полным ничтожеством. Наверное, он был прекрасным советским администратором, он был хамом и хулиганом на работе, он был крепко выпивающим коммунистом, но у него хватало мозгов не преследовать своих талантливых евреев. Так, среди девяти замов у него был Григорий Фроимович Мучник (Григорий Федорович *по-нашенски*).

Однажды меня пригласили на защиту диссертации нашего сотрудника А. М. Он закончил инженерно-физический, много лет разрабатывал датчики концентраций калия, нитрата и других ионов в воде, в крови и других биологических жидкостях. Для этих датчиков самым главным

свойством была селективность, то есть способность определять концентрации одних ионов в присутствии других.

Руководителем диссертации был наш генеральный. Ясно, что ничем руководить в науке он не мог в силу своей полной некомпетентности, но с уверенно-наглым видом полез на трибуну, чтобы дать свой отзыв руководителя о диссертанте. Там он с важностью сообщил, что А. М. работал над диссертацией семь лет и что столько и надо работать, а потом стал рекламировать датчики, разработанные А. М. При этом оказалось, что генеральный смешивает селективность и селекцию (в самом примитивном сельскохозяйственном смысле), откуда следовало, что А. М., вроде бы, является учеником и последователем Мичурина. Я оглянулся в зал и увидел, что заведующий кафедрой общей химии МХТИ, который давал официальный отзыв, искренне радуется всем открывшейся глупости генерального. Сидевший за столом президиума Григорий Мучник быстро смекнул, что невежество хозяина стало совершенно очевидным уважаемым оппонентам и половине членов ученого совета, и поспешил на выручку. Он понес наукообразную ахинею о проблеме преобразования энергии, упирая на то, что хозяин имел в виду именно этот аспект науки. Члены ученого совета согласно кивали головами.

У Заболоцкого нашел:

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти не похожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изошренность известная есть.

.....
.....

И возможно ли русское слово
Превратить в *щебетанье щегла*,

Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Уверен, что это он о нашем теперешнем кумире Мандельштаме. Есть, кстати, у кумира одно великолепное стихотворение, но с совершенно идиотическим финалом:

*Ну, а в комнате белой, как прялка стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, —
Не Елена, другая, — как долго она вышивала?*

Во-первых, это бессмысленное «Ну», во-вторых, тишина, стоящая почему-то прялкой, и в-третьих, Пенелопа не лезла в размер и её многословно заменили на Елену, к тому же, Пенелопа ткала ковер, а не вышивала!

Начало фантастического рассказа.

Пришелец завис над дорогой в штате Массачусетс и заносит свои впечатления в бортовой журнал: «На четырех конечностях движутся существа, потребляющие кислород и расходующие углеводородную смесь для своего жизнеобеспечения. Внутри каждого существа находится паразитирующая личинка, тоже потребляющая кислород. Конечная цель передвижения пока не ясна.

Личинки способны и к самостоятельному, вне хозяина, существованию. Изредка наблюдаю их вертикально стоящие окукленные формы возле гнезд, имеющих четырехугольную форму. Вполне вероятно, что в этих гнездах происходит партеногенетическое размножение».

Вспомнил любимую поэму «Анна Снегина». Такой грустью и теплом наполнилось сердце. Россия приняла «королевича» сразу и навсегда, облекла его стихи в музыку и в какую музыку! Клянусь всеми святыми, что русский народ в массе своей никогда не примет Мандельштама, как бы его ни старались привить к дереву русской поэзии. Не знаю, где его место в будущем... Как бы я ни любил поэзию, но

не могу не отметить, что *великая четверка* не смогла создать ни одной величественной поэмы. Пастернак был близок к свершению, но его поэмы пересыщены описаниями природы, сюжет топчется на месте, нет ясности. «*Поэма без героя*» напоминает рыхлый сугроб, много невнятицы, скучно. Сейчас, спустя пятьдесят лет, понятно, что в России пять стихов великолепной четверки не будут. Время доживает последние остатки воспоминаний о кошмарах сталинско-ленинско-гитлеровской эпохи. Настает пора новых событий в жизни и поэзии.

Американцы отпускают пиво и вина в непрозрачных мешках. Несешь, словно купил презервативы. Детская стеснительность. Выпивая зелье на свежем воздухе, рискуешь нарваться на штраф. Если хочешь пить и озирать окрестности, иди в бар, садись за столик на улице и плати за ту же бутылку вдвое-втрое. Так происходит накрутка, с которой государство получает деньги на войну и другие глупости. Если потребляешь выпивку дома, то поступаешь непатриотично.

Однако медицинские расходы в Америке, на мой взгляд, страшнее войны. Больные и престарелые невольно объедают здоровых и молодых, которым тоже предстоит быть старыми и немощными. Я вовсе не против того, чтобы врачи были состоятельными людьми, но всё же надо знать меру.

Середина марта. Вышел из дома и с жадностью вдыхал прохладный солнечный воздух. Никогда раньше не замечал, какое это наслаждение — дышать. И вспомнил «перед смертью не надыхишься», и испортил себе настроение.

Взял том Ильи Сельвинского. Читал «Улялаевщину». Здорово! Жаль, что он пригладил с бриолином свою поэму 1928 года. Был у меня значительный кусок того издания, да я подарил его Дмитрию. Он был ценителем старых изданий. По его поэме можно судить о накалившейся обстановке, едва не приведшей к краху большевиков. Ленин,

---

умнейшая сволочь, понял, что перегнул палку со своей продразверсткой, и заменил её продналогом. Но каких это стоило жертв!

У Сельвинского есть блистательные стихи, он создал свой стихотворный размер. Наши «эстеты» не могут простить ему, что он восславлял Ленина и партию. Как будто, великая четверка не грешила тем же. Время было такое, страшное. Они и Маяковского хотели бы закопать поглубже. Военные стихи Сельвинского высоко профессиональны по стилю, по содержанию и просто очень интересны.

Из брачной жизни Н. Н.: усвоил две вещи — нельзя чтобы жена бегала на аборт, и нужно непрерывно мыть посуду и выносить мусорное ведро. Это было время, когда полиэтиленовые пакеты стирали с мылом и сушили. Непонятным осталось, как из двух ведер воды образуется пять ведер помоев.

Сочинить притчу легко или трудно?

Жила-была в Америке Анечка Рувимчик 86 лет отроду и был у неё сыночек Миша, который был миллионером и жил с женой в Нью-Йорке, снимал там квартиру за 12 тысяч долларов в месяц. Анечка в то время уже давно жила в доме для бедных и получала от государства помощь всего 550 долларов в месяц.

Счастье переменчиво. Потерял Миша свои миллионы. Уехал в маленький городок неподалеку от мамочки, поселился в собственном домике на восемь комнат и стал жить так скромно, что мамочка стала ему помогать со своих жалких денег, отказывая себе в последнем. Она через два года умерла, и все соседи её очень жалели. Особенно сокрушалась её близкая подружка, которая считала, что если бы Мишенька подарил мамочке виллу за пять миллионов десять лет назад, то сейчас эти денежки ему очень бы пригодились.

Пришла эта правдивая история мне в голову, когда я стоял возле стены в спортивном комплексе, читал на мраморных досках имена благотворителей, на чьи пожертвова-

---

ния комплекс был выстроен (иные дали больше двух миллионов), и гордился этими людьми, которые высокими делами оправдывают нас всех — мелких и грешных перед лицом Господа Всевышнего.

Чтобы что-нибудь иметь в виду, нужно хоть что-нибудь иметь.

Смотрел фильм «Андрей Рублев». Убожество жизни 1400-х показано гениально. Вода и земля слились, образуя непролазную грязь. И над всем этим гениальные строки из книги Экклесиаста, которые читает наизусть монах. Свет 2500-летнего разума над темнотой и убожеством жизни русских мирян. В Европе, особенно в Италии, — всё было не так контрастно, как в России. Каменные дома, храмы, скульптуры, Ренессанс...

Но вот, фильм «Имя Розы» по роману Умберто Эко. Там тоже жуткие для современного глаза реалии XI–XIII веков. Скотская жизнь среди скотов. Через что прошли, чтобы увидеть свет в конце туннеля!

Опять теракты в Московском метро: 40 погибло, 90 ранено. Чеченский вопрос не закрыт! Валерия Новодворская опять выступила. Привела пример с евреями, которых фараон не отпускал, из-за чего Господь придумал для устрашения египтян египетские казни. Вот, мол, пора и нашим фараонам отпустить Чечню. Смех и грех.

Разве дело в том, что чеченцев кто-то держит? — Удивляешься отсутствию исторической памяти у господ демократов. Когда-то, давным-давно Россия выиграла кавказскую войну, договорившись с кавказскими князьями. Наступил мир. Но ничто не вечно, а человеческие отношения — в первую очередь. Хотя все люди — братья, национальные особенности существуют и еще какие. Один брат храбрый и дикий, жизнью своей не дорожит; другой брат цивилизованный и трусливый, у первого ментальность тринадцатого столетия, а у другого — двадцать третьего, но все они живут в одну историческую эпоху.

Let my people go! По аналогии с Чечней Моисей должен был потребовать у фараона еще и солидный кусок Египетской территории... Дело же в том, что после объявленной Перестройки произошло резкое ослабление центральной власти. Чеченский генерал и вождь Джохар Дудаев решил, что настало время образовать независимое государство. Он рявкнул: «24-я дивизия вон из Чечни, в чем мать родила!» — и центральная власть испугалась и отозвала дивизию, оставив в руках решительного генерала все оружие, все боеприпасы и амуницию. Признаемся, что российская власть всегда была дуболомной, жестокой со слабыми и бездарно-бессильной с сильным противником. На то, чтобы просчитать последствия принятых решений, и надеяться нечего. Коротче — отдали всё добро, которое наживали всей Россией.

Генералы во всем мире вести хозяйство не умеют и по-сему для жизни нужны хозяйственники. Ленин это понимал, но он был там наверху один. Больше с той поры умники на самый верх не попадали. Вот и Дудаев основал государство нового типа, которое стояло на пяти экономических китах. Первый — нефть, которую качали теперь не для всей России, а лишь для маленькой Чечни. Хорошее начало! Но этого показалось друзьям-соправителям Дудаева мало. Да и работать надо, потом умело торговать... Вторым китом стало широкомасштабное печатание фальшивых долларов под государственной чеченской крышей. Третьим китом стала свободная торговля наркотиками, где Чечня играла роль перевалочного пункта, на все четыре стороны света. Бесконтрольная торговля оружием стала четвертым китом. В качестве побочного заработка для улучшения жизни населения стало широко практиковаться похищение людей с целью получения большого выкупа (часто без гарантии сохранения жизни), иногда с целью вечного порабощения. Это стало пятым китом.

Как организовать вокруг свободной Чечни непроницаемую границу, российские власти придумать не смогли. В результате, вооруженные чеченцы с наркотиками и фальшивыми долларами свободно проникали на территорию России и прокручивали там бандитские операции, захва-

---

тывая рынки, рестораны и казино, всё-всё, что приносило огромный неконтролируемый доход. Проникали в банки и по фальшивым документам получали миллиардные суммы. Полудохлая от перестройки Россия, ведомая скрытыми коммунистами и импотентами-демократами, летела в пропасть анархии. Что было делать? Генералы рвались в бой — поставить Чечню на колени! У власти не было ни одной светлой мысли, чтобы предложить другую политику. И вот, началась бесконечная и бездарная война, которая развратила и разложила армию и Россию.

Никита Михалков отчетливо показал, что эта война была беспредельно жестокой (фильм «12»). Чеченцы — народ особый, сильный духом и одолеть их можно только при условии подавляющего превосходства в живой силе и технике, но эти все победы лишь на время. Снова и снова собираются отряды бесстрашных бойцов, и снова и снова Россия терпит унижение и поражение в мелких стычках. Михалков рассказывает сладкую сказочку, как майор пригрел чеченского мальчика, стал ему отцом. В этой сказочке страшная ложь. Мальчик потерял всё — родителей, родных, дом по вине этих добреньких майоров и подчиненных им солдат.

Но где же достойный великой страны выход? Ах, если бы майоры и их начальники знали, что такое истинный патриотизм! Если бы россияне любили отечество *до боли сердечной! Любовь к отеческим гробам* стала нынче понятием стыдным, ибо, как с восторгом повторяют наши интеллигенты, — патриотизм есть *«последнее прибежище негодяев»*. Тогда и слово **Мать** тоже должно вызывать стыд и негодование, потому что оно непрерывно употребляется в русской ненормативной лексике.

Эх, люди-люди! Везде вы одинаковы. Здесь бомбят Грозный, а там бомбят Белград...

Я человек эпохи Москошвея.
Я должен жить, дыша и большевея.
С высокой нежностью грядущих к нам веков
И белозубостью любителей стихков.
Полу-Мандельштам

Квартира тиха, как бумага...

Стихотворение наполнено ненавистью к советской власти и созданной ею атмосфере страха и отчаяния. Нам, ближайшим потомкам того страшного времени, все абсолютно понятно, каждая деталь. Мы восхищались этим стихотворением в эпоху застоя, потому что презирали (хотя побаивались) и власть, и карающий «щит и меч».

Но это было тогда, а сейчас, если убрать проклятия советской власти и тирана?

Если квартира тиха, как бумага, или как прялка стоит тишина, то и волна может падать «стремительным домкратом».

Если уж вспомнил Ильфа и Петрова, то позвольте привести из «12 стульев» — «в соседнем «пенале» ржал примус и целовались...». У нас, студентов послесталинских пятидесятых эта фраза вызывала жеребьячье веселье, хотя многие тоже жили в страшной тесноте и антисанитарии. Помните знаменитый фильм «Мой друг Иван Лапшин»? Какие там страшные коммуналки-душегубки! Скорее даже ночлежки, потому что слово «жильё» здесь не подходит. От шума и гама можно было сойти с ума.

И вот, Поэту дают квартиру, которая тиха, как бумага... Уж не Бухарин ли её выбил для поэта? Послушаем Александра Кушнера: «Бухарин выбивал Мандельштаму квартиру, книгу 1928 года, пайки, договоры, путевки в привилегированные дома отдыха, перевод из Чердыни в Воронеж...»

Никто не собирается судить или осуждать поэта, жившего в стране, где не только поэтам нечем было дышать, но впадать в эйфорию от поэтической вольности?.. Оксимо-рон на оксимороне —

*А на губах, как черный лед горит
Стигийского воспоминанье звона.*

Клянусь, что в трезвом уме и полной памяти расшифровать этот иероглиф невозможно, а тот, кто толкует его, просто лицемерит.

Толпы любителей и ценителей затоптали животворящий источник — шизоидную и страшную поэзию Мандельштама. Мусолят «Ласточку», ни черта не понимая и дурача других, а «Ламарка», «Батюшкова», «Феодосию» и другие великие стихотворения, которым действительно нужно воздать должное, даже не упоминают.

...Золотое руно, золотое руно...

Одиссей возвратился

пространством и временем полный

Причем тут Одиссей, если за руном плавал Язон (Ясон)?

Если же серьезно, то меня раздражает изобилие деталей из жизни древней Греции и Рима. Они придают стихам Мандельштама напыщенность (как говорят в народе — попросту слова не скажет). Тем более неприятно, что эти слова суть лишь некий эквивалент истинных греческих (древнегреческих) слов и они звучат совсем не так, как их произносят русские. Пиэрия, стигийский, босая Деция летит...

Лучше всего о Мандельштаме написал Блок: *«Его стихи возникают из снов — очень своеобразных, лежащих в областях искусства **только...**»*

Особенно веско здесь последнее слово. Получается в итоге — стихотворная иллюстрация учебника по мифологии древней Греции и Рима. Разумеется, люди, окончившие гимназию, всё эти «реалии» прекрасно понимали, а нам приходится непрерывно лезть в примечания или в Интернет.

Мне скажут: «Стыдно воевать с безответным покойником!» — Я сам за него отвечу, заступлюсь, если хотите: Мандельштам — вечно живой, воистину живой. Только не наводите на него обожающий глянец.

Переложение студенческой песни

На пруд пошел лорд Чаттерлей,
Оставил дома Доротею.
На ноги пару пузырей
Надел он, плавать не умея.

Коварен злополучный рок —
Лорд окунулся с головою,
Что стала тяжелее ног
И оказалась под водою.

Сюда скорей, стряслась беда! —
Жена на помощь поспешила.
Торчали ноги из пруда,
Она ж на берегу застыла.

Прошли года, и вот итог:
Травой зарос пруд Чаттерлея.
Но все торчит там пара ног,
И виден остов Доротеи.

...Из маленького удовольствия, как его ни растягивай,
большого не получишь.

Смотрел передачу о буддизме в Индии. Показали купание верующих в Ганге. Толпы кишат в грязи, заливают воду священной реки во все отверстия. Как они борются с кишечными эпидемиями, просто не представляю. Зрелище тошнотворное. По телевизору не передать всю вонь и жужжание полчищ мух и всяческой летающей и ползающей органической жизни. Мракобесие и мракобесие. Так же отвратительно, на просвещенный взгляд, шествие фанатиков, лупцующих себя до крови во имя Христа или пресвятой Девы или сотни здоровых мужиков, колотящих лбом о каменный пол в мечетях.

Скажи, Творец Миров, для того ли ты создал всё сущее?

*Среди всего, что сотворил **из ничего** Творец Миров,
Мгновенье есть. В чем суть его,*

никто доселе не постиг. —

Все поученья мудрецов — лишь ветер у меня в ушах.

Пока влекут, зовут меня уста,

как сахарный тростник...

Потрясающий перевод Саади. Оригинал могут прочесть единицы.

В свете теории Большого взрыва Вселенная действительно возникла из некоей точки, не имеющей пространства и времени. Три миллиарда лет назад возникла на Земле органическая жизнь, которая в последние полтора миллиона лет достигла уровня человеческого разума. Уже древние шумеры понимали, что добро и зло не могут существовать друг без друга, как плюс и минус, Бог и Сатана. Я верю в Высший разум и Высшую силу, которая сотворила органическую жизнь на Земле с целью придать подвижность мыслящей материи для освоения космического пространства. В моей модели нет места для общения Высшего разума с отдельной личностью. Всё человечество есть биомасса, которая должна развиваться, уметь и осваивать. Все личные обиды, маленькие и большие радости, даже войны до Него, Высшего Разума, не доходят. Один мой знакомый христианин сказал, что ему такой бог совершенно не нужен. Значит, ему и другим, независимо от вероисповедания, нужен Гражданин Начальник (Г-н), которому можно жаловаться и у которого можно бесконечно просить.

Смотрел передачу о несостоявшемся адюльтере Мандельштама с экзальтированной поэтессой, которую даже Ахматова похвалила. Как выяснилось, за его законной супругой в это же время охотился художник и дизайнер Татлин. В результате, получился смешной вегетарианский гадюшник вроде того, что имел место между Блоком и Белым из-за Менделеевой. Однако авторы передачи ничего смешного не нашли и просюсюкали целый час по поводу *чувств*.

Какой унижающий контраст по сравнению с полнокровным сексом Пушкина, не пропускавшего ни одной юбки!

Когда я работал в закрытом почтовом ящике, ничего путного в области медицинской электротехники и электроники там делать не умели, как, впрочем, и сейчас в России, спустя 30 лет.

Я принимал участие в создании опытного образца для диагностики состояния пациента по нескольким случайным показателям для одной клиники. Врачи пробили для нас работу и обещали нашему начальству протекцию по оказанию медицинской помощи. Наши начальники — Генеральный и его 9 *зямов* имели всё, что душа пожелает (как мы сейчас в Америке), кроме здоровья. Вот они и соблазнились. Так мы получили заказ от министерства здравоохранения.

Мы заказали на одном предприятии нечто вроде буфета без дверей, куда напихали громоздкие советские показометры и в качестве украшения — анализатор углекислого газа в выдыхаемом воздухе фирмы «Дженерал электрик». Бумажная работа закипела. Посыпались письма: «На ваш номер — наш номер..., на наш номер — ваш номер...». А что еще мы могли делать!?

И тут — звонок из дирекции: «Завтра в десять утра всем ведущим специалистам прибыть в институт «Почки и Печени» для встречи с представителями фирмы «Дженерал электрик». Сам Генеральный придет.

Мы во главе с Ю. Б., недавно назначенным десятым *зямой*, сбились в кучу в воняющем сырым бетоном и соляркой актовом зале института «Почки и печени». Через полчаса появился медицинский академик и сел, кивнув исключительно нашему начальнику. Через час томительного ожидания привезли американцев. Мистер Грейт был действительно «грейт». Вылитый киношный красавец-ковбой. От его белоснежной рубашки, которую почему-то в магазинах называют сорочкой, шел такой блеск, что глаза слезились. С ним были два его заместителя видом попроще. Он же был начальником отдела. Мистер Грейт курил ароматную «Малборо» и болтал со своими в ожидании нашего Генерального.

Зная, что Америка с Кубой не торгует, я подошел к американцу и протянул ему две пачки крепчайших кубинских сигарет, как презент, в надежде сделать маленький, но приятный обмен. Однако мистер Грейт сказал, что для него эти сигареты чересчур крепки, и я вернулся в смущении

на свое место. Тут раздался звонок из нашей дирекции, что Генеральный не приедет. Б. пошел спасать ситуацию и предложил начать совещание. Американцы скоро поняли, что русская сторона блефует. Деньгами ни академик-медак, ни, тем паче, наш Б. не располагали. Посидели, потрепались и разошлись-разъехались. Мистер Грейт, как я думаю, в своем номере тщательно вымыл тело с душистым мылом после посещения института. Живя в Америке 10 лет и побывав в некоторых госпиталях по необходимости, я отчетливо представляю, какое впечатление на мистера Грейта произвело недавно выстроенное и сданное под ключ вонючее, похожее на гигантский склеп медицинское пространство.

Б. по дороге не устал восхищаться нашим Генеральным: «Какой тонкий политик! Как он прочувствовал ситуацию и не приехал, чтобы не уронить себя!»

Жизнь — это театр (если отвлечься от физиологии). Неплохо сказано, но скорее, жизнь — это цирк с дрессированными свиньями.

Проститутки — это торговки любовью на вынос (take out).

Смотрю многосерийный фильм по рассказам Варлама Шаламова «Завещание Ленина».

Наконец-то воздали памяти Шаламова должное. Где же были все благодетели униженных и оскорбленных раньше? Ведь он освободился в 1957 году и страшно бедствовал до самой смерти. Собратья по перу толклись у корыта и не желали подвинуться ни на пядь.

Смотрю фильм и думаю: указы Петра были написаны кнутом (по меткому замечанию Пушкина). А при Ленине-Сталине выходит — топором палача. А что же народ? — Пепел давно не стучит в их сердца. Проехали — и слава Богу!

Подумалось, что концлагеря для инакомыслящих являются индикатором того, что в социуме идут процессы несовместимые с жизнью, ведущие в тупик и дегенерации поколений. Общество глупеет, тратит силы на бессмысленные работы. Поражает убожество власти и НКВД, которые не смог-

---

ли за столько лет поставить перед системой лагерей задачи, решение которых привело бы к заметному росту экономики.

Это даже не рабство. Рабский труд не был бессмысленным. Раб кормил и обслуживал хозяина и трудящегося раба и, думается, был эффективнее лагерного.

Как это получилось, что древняя история еврейского народа стала настольной книгой всего христианского мира?

России 1000 лет, и есть ли хоть намек на библию русского народа? Что русский народ сделал для христианского мира в плане вечности? Подал (по Чаадаеву) пример, чего делать не стоит? Судя по короткому отрезку времени (меньше 80 лет), русский народ создал кровавый диктаторский режим со всеми признаками рабства и жреческими культами на манер древнеегипетских династий, но с явными пороками развития и нестабильностью, что свидетельствует о глупости и недальновидности творцов. Только не надо кивать на еврейские происки. Почаще в зеркало глядеть надо и не надеяться, что кухарки будут управлять государством. А ведь русский пример был заразителен для слаборазвитых стран (Корея, Китай, Кампучия, Вьетнам).

Он пошел восвосяси. А мы сначала пойдем во-твосяси, а потом во-мосяси.

Если есть Всевышний, то должен быть и Всенижний.

Восстание во плоти есть тягчайшее наказание, ибо плоть всегда смертна. Кто захочет пережить смерть дважды, трижды или более раз? И добро еще если человеком. А если «душа» переселяется в корову, которую обязательно прирежут и скоро?

Во времена моей молодости большинство друзей носило черные сатиновые трусы, которые быстро протирались до дыр и потому назывались яйцевидными. В 1967 мы с Ю. Д. поехали летом в дом отдыха холостяками. Ложась спать, я в первую же ночь заметил, что Ю. ходит в протертых трусах. Я что-то сострил по этому поводу, мол, жена

не побеспокоилась просмотреть гардероб мужа, а ему, глядишь, придется общаться с женщинами... Ю. был, как выяснилось позже, уязвлен страшно и попрекал меня этой на-смешкой многие годы спустя, обычно после пятой рюмки.

Среднестатистический человек стрижется восемь раз в год. Почему у человека волосы на голове непрерывно растут, а у других приматов, например, шимпанзе всегда модная короткая стрижка?

Чудесную статью в нашей «Русской рекламе» я прочел в сентябре 2006 года. Называлась она «Охота на красного коллекционера». Предоставим слово Ларисе Таулевич:

Вечером 3 мая непрезентабельного вида человек в черном спортивном пальто зашел в аукционный зал Sotheby's на Парк-авеню. Его посадили в самом конце зала, на галерке. Он казался совершенно не к месту в торжественной атмосфере вечернего аукциона. Он больше походил на агента КГБ, чем на коллекционера, — вспоминает дилер Ласло фон Вертес, который сидел за ним. Сломанный нос, крашенные волосы и дешевая обувь не вызывали особого доверия...

Короче, оставляя на совести автора массу глупостей, громоздящихся в крошечном отрывке, я прочел, что Он купил одну из самых дорогих картин, когда-либо выставлявшихся на аукционах, — «Портрет Доры Маар с кошкой» работы Пикассо за 95 миллионов долларов.

Но никто не знает его имени, — добавляет Лариса. Дальше идут волнующие обывательское воображение домыслы, откуда у людей такие деньги. На черно-белой репродукции типичный фас-профиль в шляпке с цветами, руки когтистые, как у злой ведьмы из мультфильма, крошечная кошечка размером с мышонка, уместившаяся на спинке стула.

Думаю, что Пикассо слепил этот шедевр за неделю.

Сегодня люди вкладывают деньги в предметы искусства. Давайте проведем анализ рынка и забудем на минуту о шедевре и искусстве вообще. Вот, люди трудятся, добывают, к примеру, алюминий. За год выплавляли всем заводом

алюминия на 15 млн. долларов. Пока работали всем коллективом в 500 человек, получали среднюю зарплату 200 долларов в месяц на человека, что в год составило 1 млн. 200 тысяч. Далее, скажем, дирекция взяла на личные расходы треть суммы, увеличив расходы по зарплате до 1 млн. 600 тысяч. Стоимость всех изделий, изготовленных из алюминия и купленных населением и другими фирмами, составила 70 млн. долларов, прокормив, таким образом, в течение года еще тридцать тысяч человек (из расчета всё тех же 200 долларов на человека в месяц). И вот, в результате всех работ на счету в банке у господина Н. образовалась куча денег. Поскольку алюминий и изделия из него проданы, то у изготовителей и покупателей голова не болит. Но!... Произошел отрыв денег от процесса производства, и они стали лишь символом вещей. Вы, как собственник этой громадной кучи, могли бы воспользоваться тем, что эти деньги пока еще актив, пока еще сила, вложить их во что угодно — производство лекарств или пластмасс, поощрить архитектуру и искусство, вложить их в строительство мостов или дорог, очистку вод, разведение ценных пород животных. Но вы предпочли омертвить эти бумажки окончательно, повесив на стенку кусок холста размером метр на метр, и глядеть на него в одиночестве или же выстроить для холста бронированный сейф и поставить возле него охранника. Все-таки 95 миллионов долларов!

Законы моды являются примером безграничной человеческой дурости, благодаря которой можно продавать сначала узкие брюки, потом широкие брюки, потом шорты, потом мини-шорты и так далее в обратном порядке. Однако законы рынка, должно быть, столь же непреодолимы, как законы физики. Когда я говорю, что великим картинам место в музеях для всеобщего обозрения, так же, как музыка Бетховена звучит для всех — у кого доллар в кармане и у кого счет в банке на сто миллионов, то это во мне кричит жажда дележа общего пирога по *справедливости*. Это уже было, и мы знаем, чем это закончилось. Желание иметь при себе высочайшую ценность понятно, с человеческо-эгоистической точки зрения, а с другой точ-

---

ки зрения есть право на деньги и неважно, абсолютно неважно, что такие деньги невозможно заработать честным путем.

Рынок диктует цены. Никто не должен интересоваться, сколько хлеба, мяса, вина, масла можно произвести, если вложить 95 миллионов. Но я не понимаю, что такое рынок так же, как не понимали в течение 85 лет находящиеся у власти коммунисты. И потому мне досадно.

Нет, дело не в этом! Дело в том, что я и вы, и те тридцать тысяч, что ходили на работу весь год — все мы являемся куском дерьма по сравнению с крашеным холстом метр на метр. А может быть, это и есть высшая справедливость, потому что мы умрем, дети наши умрут, а этот кусок холста всё так же будет храниться в укрепленном месте, как символ человеческой культуры. И в нем будут находить всё новые достоинства. Никто не отважится сказать всенародно и твердо — «Послушайте! Ведь это же просто кусок дурно раскрашенной и натянутой на рамку тряпки! Что же вы перед ней преклоняетесь? Это ведь не Мадона кисти Рафаэля! — Да как же не преклоняться, если в 2006 году за обладание ею заплатили 95 миллионов долларов!..

Вот я и попался. Сказано ключевое слово — Заплатили! Значит, дело не в картине и не в её необычайных достоинствах. Девяносто пять миллионов ушли на счет продавца, и он снова купит картины, скульптуру, поддержит разные фонды (если захочет), заплатит огромные налоги — и деньги ускорят свой бег внутри государства, ибо они есть кровь государства, и они должны бежать по финансовым каналам.

Если бы 95 миллионов предложили за бриллиант в 3000 каратов, я воспринял бы этот факт вполне спокойно. Скорее всего, потому что гигантский алмаз долгие миллионы лет растила и хранила в своей глубине мать-природа, его нужно было отыскать, обработать на самых точных станках по эскизам художника и прочее... А тут — коробка красок за сто франков да полдюжины кистей.

Вся ситуация повторилась на аукционе 2010 года. Теперь за картину «Обнаженная, зеленые листья и бюст» заплатили 106 миллионов долларов. Опять рынок продиктовал цену согласно спросу. Что тут сказать? — Предметы искусства есть товар. Но *не только* товар! И в этом *не только* — вся истинная ценность искусства, ибо именно этим оно вечно.

Чехов в одном из писем сказал: «День тянется, как вечность», предвосхитив «...И дольше века длится день...». Как научиться растягивать время, насыщая его смыслом, размышлениями. Когда интенсивно работаешь, время летит стремительно. Когда ждешь чего-то или кого-то, время ползет.

Человек живет в природе — тривиально и неправильно, потому что человек создал себе внеприродную среду обитания. Он заходит в природу, как в магазин.

Человек живет в пейзаже — правильно только в отношении искусства: на картине, в кино, на сцене.

Из Гая Светония: Веспасиан протянул своему сыну Титу золотой денарий и спросил: «Чем он пахнет?» Тит ответил, что ничем. — А ведь он заработан на моче, — заметил Веспасиан.

Так родилась поговорка — «деньги не пахнут».

А ведь запах денег (больших денег) может свести с ума!..

В похвальной грамоте моей знакомой за 1951 год я прочел, что она училась в *женской* школе. Я, стало быть, учился в *мужской* школе. Откуда же взялась *средняя* школа? Прямо, как в популярном стихотворении тех лет:...я — *девочка*, я — *мальчик*, я — *юный пионер*.

Вчера было 9 мая. Со вкусом отметил 65-летие Победы, выпил четыре рюмки водки, обильно закусывая бутербродами с красной икрой. Сегодня раздраженный звонок моей 94-летней мамочки: как я ухитрился забыть её поздравить!

Её! Ветерана войны! Я-то знаю, что до весны 43-го мы сидели в Башкирии, где мама работала врачом, а потом переехали в Москву. Там мама вскоре устроилась работать детским врачом в поликлинику МВД, где и получила желтую медаль со Сталиным в честь победы над Германией.

Участников боев с фашистами сейчас практически не осталось. Вот теперь на этих немногих изливается поток благодарностей, часто незаслуженных. Кто-то где-то на военном складе или на батарее стратегической артиллерии, не войдя за всю войну в контакт с противником, без единой царапины прошел всю войну. Как говорится, — наказание невиновных и награждение непричастных.

Аналогично, когда мой друг Соколовский участвовал в эксперименте Союз-Аполлон и успешно выполнил своё задание, его наградили медалькой за трудовое отличие, зато бабе из Горкома партии отвалили орден Трудового Красного Знамени.

Выпущены мемориальные марочные листы Гренады в честь 40-летия посадки на Луну. У меня с давних пор восторг и сомнение. Действительно ли американцы совершили ряд посадок на Луну, да еще и с техникой для передвижения? Мне отчего-то кажется, что техника и электроника того времени еще не доросла до таких сложных маневров, как путешествие людей на Луну и возвращение с неё на Землю. Сорок лет назад особенно электроника была просто примитивной по сравнению с сегодняшним днем. Еще было далеко до «Шаттлов», а Россия, напрягая последние силы в соревновании с Америкой, построила нечто громоздкое и даже на вид столь тяжелое, что оно не должно было летать, как говорится, — просто *по определению*. Совершив один полет, советский «Шаттл» примостился рядом с «Авророй».

Впрочем, какие же они молодцы, что на таком низком уровне развития техники и электроники они слетали много раз, привезли образцы и прочее. С другой стороны, смогли же советские люди послать для сбора проб лунного грунта свой аппарат и доставили на землю около килограмма проб...

Размышляю о том, когда возникла письменность у евреев. Во времена пророков, то есть за тысячу лет до царя Соломона, письменность, наверное, уже была, хотя вероятность возникновения её у кочевых народов, на мой взгляд, меньше, чем у оседлых. Так что египтяне, как народ земледельцев, ремесленников и строителей, обладали письменностью раньше, чем древнееврейские племена скотоводов. Древние люди, рисовавшие на стенах пещер животных, на самом деле, писали послания своим соплеменникам, а также и отдаленным потомкам, то есть нам. Первоначально письмо и представляло собой серию картинок, которые превратились со временем в иероглифы, а потом и в буквы. Этих древних людей можно условно назвать оседлыми, поскольку они жили длительное время в пещерах и кормились охотой и собирательством, выходя по радиальным маршрутам вокруг пещеры.

«Мои слабеющие руки тебя старались удержать...». У Пушкина — страдания молодого влюбленного, он не знал старости!

Когда двое стареют и чувствуют, что детям и внукам они уже не нужны, они цепляются друг за друга, но смерть, как всеильный хищник, хладнокровно разлучает их и чем сильнее привязанность, тем сильнее боль разлуки. Привычка к одиночеству облегчает уход, приучает рассчитывать на свои силы. Эгоизм приходит в равновесие с собственной природой и не кажется уродливым, как если бы жить вдвоем или в семье и использовать чужую жизнь для продолжения своей. Поэтому полезно в старости уединяться. Не докучать дорогому человеку жалобами на свои недуги, встречаться для добрых дел и добрых вестей.

А этот, серебристый и матовый —
Разит, как граней игрой аметист.
Обещает — скоро откроет актовый
Спаленный слепую любовью солист.

Грезится — и в пламени при рождении,
Сыпля в души, как в мерку — соль,
Мечтал о радостном воскрешении
Павший на сцене картонный король.

Потратил на писанину пять минут. Было бы желание
оттачивать, потратил бы еще час. Будь я знаменит, на-
шлось бы немало умников, толкующих мой стих и назы-
вающих невеждами и завистниками тех, кто осмелился бы
утверждать, что это галиматья.

Чтобы не возникло у читателя подозрений, что я рису-
юсь, на следующий день без всякого побудительного повода
я создал произведение вдвое длиннее — и тоже за пять ми-
нут. Судите сами —

Затемье, зазеркалье, за-граница.
Баркас, уснувший посреди реки.
Где встретимся — в Париже или в Ницце,
Послав друзьям прощальные гудки?

Сегодня ты, а завтра я, похоже.
Куда идем рассудку вопреки?
На кошелек змея меняет кожу.
Баркас остался посреди реки.
Нас вечность пригласила на побывку.
Приникнув, как дитя, к её плечу,
Прошу — от смерти сделайте прививку.
Она мне отвечает — не хочу.

Штормит Вселенная. Я слышу в этом громе
Весь шум, всю ярость выгоревших звезд.
Идем! Если не мы, то кто же кроме
Оставит след невыплаканных слез.

Ничего поправлять и выправлять я не стану. Я не поэт,
а экспериментатор. Я пытаюсь понять то психологическое
состояние, в котором появляется стихотворная речь, есть ли

здесь элемент чуда или просто надо понять, что в стихотворной речи нет места обычным связям между словами. Хотите пример? — Пожалуйста:

Старик-пастух помешивает уголь,
Облюбовавший мелкий сухостой.
Уж *октябрит*, уходит день на убыль,
Спеленутый разлукою седой.
Подсохли в черни ягоды черемух,
В спираль закручен *опоздавший* лист.
Над лесом *облака идут на помощь*,
И ветер пробует порой *двупалый свист*.
Страна дождя, и *вместе не в обиде*
Толкутся струи, *обогнув* плетень.
В морщинах луж, *рисунок не предвидя*,
Грустит лопух с беретом *набекрень*.
.....

Возражения я предвижу. Тоже мне, — сравнивается с Пастернаком! Отвечаю: речь не об этом. Еще не хватало, чтобы я за пять минут сотворил шедевр, тогда как Мэтр занимался стихосложением всю жизнь. Однако при создании сего «шедевра» я явственно почувствовал изменение ритма работы мозга: что-то стало выталкивать из его глубин целые строчки, открылось какое-то дополнительное пространство, которого раньше не было...

Моя знакомая, зарабатывающая на жизнь уходом за престарелыми, сказала: «Попки так же, как глаза, имеют собственное выражение».

Прочел в Интернете материалы о Городнищком впере-мешку с его восхищением идишем и Израилем. Туда же втиснули его высказывание, что в геологическом времени Израиль станет островом. Серьезный ученый позорит себя в Интернете, в этой помойке для неучей. Неужели так велика потребность лезть на сцену, что даже 75 лет не помеха? Когда это делает Жванецкий, то это его хлеб, он будет сме-шить, пока будут платить.

Если ты в 75 лет действительно поверил в Б-га (как мне нравится это *бга на русском* прежде языка предков и религиозной культуры), то тебе должно быть достаточно осознания, что ты теперь верующий. Это ведь такое таинство, такой *интим интимов*, что стыдно бегать на рынок и всем показывать на манер Маяковского: «Смотрите! Завидуйте!..»

Еврейское море выплеснулось в очередной раз и направило свои воды в Израиль, Америку, Германию. Это были не те люди, которые когда-то унесли с собой носилки со скинией Завета. Это были люди, взявшие в дорогу русский язык и совковые манеры. Многие из них оказались филологами, некоторые по образованию, а некоторые от безделья, и по сей день они творят русские духовные ценности, поскольку на другом языке они создавать не умеют, да и тема окружающим не интересна. Не интересна она теперь и в России. Там сейчас другой народ. Мы все здесь, в эмиграции пишущие и читающие, пишем для самих себя и читаем сами себя и, слава Бгу, наше поголовье падает. Те, кто действительно захочет стать евреем, — дети, внуки — заговорят на иврите; при этом совершенно не обязательно исполнять религиозные предписания. Почему-то укоренилось, что истинный еврей — обязательно верующий.

Те же, кто не сможет почувствовать себя евреями, станут американцами, немцами и так далее до следующего нашествия коричневой, красной, черной чумы, когда вновь начнут проверять чистоту расы.

Американское телевидение сообщает, что половина солдат в Ираке и Афганистане принимает транквилизаторы и (или) снотворное. Спрашивается, что же это за солдаты и на что они годны? Можете вы представить себе Красную армию с каплями Зеленина или валерьянкой? Я не могу.

Я смотрю на чистенькие постельки, на роскошную, по нашим советским меркам, еду, бар-ресторан... Да это же просто дом отдыха повышенного типа с той лишь разницей, что за ограждением могут убить. Бедные дети. Они не понимают главного, — что они там делают. Они приходят в дома партизан, видят грязь и убожество и не понимают,

---

как за это можно взрывать себя, лишь бы убить как можно больше врагов! Их учили добру по-христиански, а затем послали сражаться с мусульманами-фанатиками.

Американская военищина превратила войну в кордебалет с трагическим исходом. Неужели ни один генерал не понял, что самая замечательная техника не дает никакого преимущества в такой войне?

Истина в том, что ведут войну, в конечном счете — люди, а не машины и чем проще психологическая модель мира, тем легче жертвовать собой.

Прочел на монетках 2000 года стран Карибского бассейна: *Let us produce more food*. Восклицательного знака, правда, не стоит. Тут же вспомнил плакат в городе Угра: Угранцы, соберем урожай 1978 года вовремя и без потерь! Думаю, что жители Угры и Ямайки похожи одним — не хотят и не умеют работать.

Из разговора двух студентов: «Помню, что сдал, а что сдал — не помню».

Все-таки как полезно по временам почитать что-нибудь научное! Взял последний журнал «Scientific American», то есть по-нашему — американец, интересующийся наукой. Решил написать письмо ученому соседу. Кого как, а меня вопросы возникновения Вселенной всегда очень волновали. Если верить тем, кто пишет статьи для таких умных людей, как я, то сейчас наука напоминает корову с разбухшим до последних пределов выменем, которое вот-вот лопнет от избытка знаний. На обложке список из 12 научных событий, которые должны в корне изменить нашу жизнь, но никто не берется предсказать, как именно. Среди них мне конечно интересен выход в пятое измерение, поскольку в трех мы живем и здорово их загадили («фауна заср... флору», по меткому замечанию И. Губермана), но к путешествиям по четвертому уже морально готовы. Многие надеются, нырнув в прошлое или в будущее, ухватить себе золотую рыбку, с которой оч-чень не слабо пожить в настоящем.

Сейчас идет дискуссия двух школ физиков относительно времени. Оказывается, было... что именно было — никто не знает, — когда времени не было вообще! Ну, и пространства, наверное, тоже. Короче говоря, пришли к Божественному началу всего сущего. Вообще-то время, как оказывается, нужно только специалистам по квантовой механике, а остальные могут пока обойтись. Боюсь, как бы опять не свалили вину за всё на евреев.

Физики проникли сейчас в глубину времени, которую никаким секундомером не измеришь, подошли к Большому Взрыву на расстояние в десять в минус сорок какой-то степени секунды! Я им пишу: «Поскольку такую малость невозможно представить, давайте считать не секунды, а их логарифмы. Тогда всё, что мы сочиним, уместится на линейной шкале от минус 50 до плюс 50, и для десяти миллиардов лет и для одной десятиллиардной доли года получим одинаковые отрезки относительно чисто арифметического нуля влево и вправо. А для нашей бренной жизни выделим линейный участок без логарифмов на плюс-минус миллион лет». Ну, чем не идея? — Не отвечают. В упор не видят.

Кстати, та же картина с размерами частиц. Протон, нейтрон, атом — измеряют в нанометрах, а кварки, мюоны и прочее имеют размер до десяти в минус девятнадцатой степени метра. А если и пространство отсчитывать в логарифмических координатах, то в случае симметричной картины мира расстояние в положительной части кривой составит 10 в 16-й степени километров, и свет будет преодолевать это расстояние примерно 10 в десятой степени секунд, то есть примерно 10 тысяч лет. И кто сказал, что линейная система отсчета, равно как и метрическая система мер наилучшая? Просто она в нынешнее время самая удобная.

Да, забыл добавить. Те, которые временем занимаются, пригласили какого-то известного философа. Я, как прочел, сразу понял — приехали. Уж лучше пригласили бы нашего ребе из Могилева. Он в Торе и место соответствующее нашел бы, и растолковал, как всё-всё началось и чем кончится.

Для читателей, мало знакомых с проблемой, скажу: Время в системе есть величина, зависящая от скорости идущих в ней процессов. Если в системе ничего не происходит даже *относительно* остальных систем (чувствуете, как я глубоко копаю!), то времени, стало быть, в ней и нет. А если и остальных систем нет? О-о-о, от этого голова пойдет кругом по спирали! И вообще, время есть координата вспомогательная. Как по ней удастся фантастам туда-сюда бегать, не представляю.

Зашел в гараж за темными очками. На лестнице стоит черненький лет трех с папой. Увидел меня и кинулся с радостным криком «Хай!». Я выбросил руки, поднял его на воздух. Так стало мне хорошо на сердце. Вообще-то я предпочитаю благовоспитанных европейских детей. Вспомнил о Моцарте, когда он совсем крошкой играл для Марии-Терезии на клавесине, а потом взобрался к ней на колени, обнял за шею и поцеловал. Почувствовал материнское тепло. И она его поцеловала. А вас, господа-виртуозы, когда-нибудь целовали императрицы? То-то! Потому место рядом с Вольфгангом Моцартом вечно вакантно.

То, что мир тесен, банально. Но сколько вариаций! За столом у знакомых врачей встретился с красавицей армянкой лет сорока пяти. Работает в нашем городке в банке, чужие деньги считает. Оказывается, работала в начале 80-х в Ашхабаде в Институте химии местной Академии наук, анализировала воду из разных источников. Я тогда же наезжал в Ашхабад с нашим анализатором ионов, предлагал местным властям для контроля работы опреснителей. Там с пресной водой большие проблемы. Но забавно, что учились мы практически одинаковой специальности с разрывом лет в 25–30. Она практику проходила на Ереванском заводе резинотехнических изделий, а я — на заводе «Красный Богатырь», где выпускали галоши, резиновые сапоги и всякую мелкую военную продукцию. Вспомнили, как после смены брали тонкую мочалку-полотенце из натурального каучука и драили тело с мылом, иначе сажа от тела

не отставала, а глаза протирали ватой с вазелином, но сажа на веках держалась долго. Зато девчонкам тушь для ресниц была не нужна.

Вот, пожалуй, еще одна притча. О том, что искусство должно высекать огонь из сердец.

Знакомая принесла рассказик из жизни «детского садика». Так у нас называют каждодневные дома отдыха для престарелых евреев, уехавших из бывшего СССР. Их там поят, кормят и развлекают совершенно бесплатно, да еще с собой дают продуктовые пайки. Кроме того, правительство штата перечисляет им так называемые *фудстэмплы* (foodstamps) на сумму более ста долларов в месяц — покупай хоть овсянку, хоть черную икру — никто тебе слова не скажет. Вот только вино и пиво отпускают за наличные, но евреи — народ непьющий и охочий лишь до духовных удовольствий. Пенсию переводят, разумеется, без задержек.

Однажды повезли наших старичков на симфонический концерт в Бостон. Они пошли наслаждаться, а автобус ждет везти их обратно в наш город Л. Тут некая старушенция на костылях пришла раньше и попросилась в автобус. Водитель открыл, и она там притихла. Через полчаса загрузились все и поехали было, да одна бдительная гражданка обнаружила старушку и потребовала у водителя выставить её вон, иначе она пожалуется директору «детского садика». Тут вся публика страшно возбудилась, но не из жалости к инвалидке, а в справедливом негодовании, как смела она залезть в чужой автобус, как своя! Многие, кстати, её помнили, ибо она одно время посещала их «садик», но перестала. Водитель позвонил директрисе, и та гневно потребовала гнать старуху с костылями вон. Старуха стала плакать, появилась полиция. Автобус кипит, как горшок с прокисшими щами: Пошла отсюда! Полицейский по-нашему не понимает, говорит, что бросить пост не может, а то бы отвез её, бедную домой. Что делать?

— Пусть едет на такси! — орёт автобус.

— Нет у меня денег на такси! — плачет старуха.

Тут все стали скидываться ей на такси. Насобирали и выперли вон. Автобус тронулся, и через час все наши с сознанием выполненного долга доехали до дома.

Видел совершенно меня потрясшую постановку «Кармен». Кого я только не видел на сцене, музыку помню со времен «припухших ребячьих желёз», но такого и представить себе не мог. Кармен — крепко сбитая молодая бабенка, недурна собой, живет во всю прыть, во всю силу молодости. Надо было видеть это уверенное в своей неотразимости лицо с горящими хищными глазами. Что говорить о молодых мужиках — Хосе, Капитане, Тореадоре! — Я в свои 70 лет, казалось, ушел бы за ней на край света!

Накал действия достигает предела, когда она, полная любви и благодарности к избраннику, ждет его в опустевшем кабаке. И вот, он приходит, и она хочет доставить ему блаженство, она хочет принадлежать ему здесь и сейчас. У неё праздник сердца, она будет танцевать перед ним одним жгучие цыганские пляски, а потом отдастся ему! И вдруг посреди этого праздника любви он говорит ей, что он должен успеть в казармы до закрытия. Она ему дарит сердце, а он смотрит на часы! Она леденеет в секунду. Он чувствует, что надвигается что-то ужасное и лепечет, что он о ней мечтал все два месяца в тюрьме, показывает ей засохший цветок, который она ему подарила в день их первой встречи, рассказывает, как он берег его. Она уязвлена и не слушает его, она с презрением сдувает с его ладони засохший цветок. Любовь или жива каждую секунду, или мертва! Всё бы печально кончилось для Хосе и очень скоро, но вмешалась Судьба. Капитан вернулся в кабак. Он тоже надеется быть возлюбленным Кармен, но тут за Кармен заходят контрабандисты, видят капитана и связывают его. Для Хосе нет пути назад. Кармен прощает его, хотя любовь и понесла урон, но что может ей дать простой деревенский парень, пошедший от бедности служить и достигший звания капрала? Ему хочется немного уюта и хоть чуть-чуть достатка. Он мечтает быть с Кармен всегда, но той нужен герой. Она приносит своё молодое

тело и любовь, как трофей, заработанный в бою. И никак иначе. Поэтому у Хосе нет никаких шансов. Никто не объяснит ему, что Кармен — не для семейной благополучной жизни. Для неё существует лишь одна ценность — любовь. Она — темная, необразованная цыганка понимает то, что *и не снилось нашим мудрецам*. Режиссер дарит нам сцену встречи Кармен и Эскамильо (раньше я не видел ни в одной постановке), и её лицо снова озаряется пламенем любви, и все мужчины, сидящие в зале, вновь чувствуют огонь ревности и любви, бегущий по жилам. Огонь, который даёт блаженство и страдания даже бессмертным олимпийским богам.

Притча о мышах. Говорят, что в основе лежат материалы реальных исследований.

Мышей поместили в замкнутое пространство, их регулярно кормили и регулярно чистили клетку. Не испытывая ни в чем недостатка, мыши интенсивно размножались. Однако жилплощадь им не увеличивали. И вот, новое поколение выросло необыкновенно агрессивным. Сильные рвали на куски слабых. Клетка превратилась в арену гладиаторов. Следующее поколение выглядело исключительно благополучным. У мышей был хороший аппетит, их шкурки отливали шелком, они предпочитали поменьше двигаться. Единственное — они потеряли интерес к противоположному полу.

Не отсюда ли пошла крылатая фраза наших российских донжуанов — я в неволе не размножусь!

Опять вспомнил нашего гениального Поэта:...*Власть отвратительна, как руки брадобрея...*

Почему у брадобрея должны быть отвратительные руки? Не сам ли ты хвастался:... *как будто в корень голову шампунем мне вымыл парикмахер Франсуа...*

Бриллиантиссимо!

Звонил приятель Яша, немногий из оставшихся. Известный в своём деле человек, консультировал в Канаде и Из-

---

раиле, заработал денег. Потом покатался с женой по Европе, 4 дня в Париже, две недели у младшего сына в Лондоне. Жена счастлива, он доволен. Смотрели, смотрели, смотрели. Слушал их без зависти. Даже с радостью, что людям на излете жизни так хорошо. Хорошие гены смешались, дети получились трудолюбивыми и талантливыми. Сколько открылось для этой семьи пространства после отъезда из СССР!

Там Яша работал в Институте Общей и Неорганической Химии АН СССР. Работал и работал, никого не задевал, никуда не лез, только почему-то попал в книгу «Who is Who» вместе со своим директором, академиком Буслаевым. Вызвали Яшу в Первый отдел (КГБ) и стали пытаться, как он оказался рядом с Буслаевым. Яша на все вопросы отвечал одно — «Понятия не имею».

Прислал мне знакомый Ю. К. статью Св-ой о Шаламове. В толстом журнале *Слово-Word* её охотно издают и очень хвалят. Видел я документальный фильм о жизни Варлама Шаламова по её сценарию. Смотреть можно. Сейчас же она сделала нечто вроде памфлета на ту же тему, но с явно дидактическим уклоном: каким нужно быть культурно подготовленным, чтобы понять прозу Шаламова. Я не удержался и выписал почти страницу из её сочинения. Курсив мой.

«Враги народа» — это полюс Шаламова, у которого статья КРТД (за контрреволюционную троцкистскую деятельность) и «друзья народа» — охранники и уголовники, выходцы из «народа», *яркие его представители*. Именно они после смерти Сталина весной 1953 будут реабилитированы первыми (*это Св-ва, по-видимому, о том, что Берия освободил уголовников в своих планах захвата власти*). Они взойдут на корабль, плывущий через всю страну с Колымы на Большую Землю. С ними вместе займут оставшиеся свободные места «фраера» — интеллигенты, «враги народа», учёные-генетики, биологи и другие (*странный набор, не так ли?*). Шаламов сохранит многие имена. И «друзья народа» убьют интеллигентов, сварят в паровом котле и съедят. Оставив капитана или лоцмана, который будет вести корабль...

Как весь этот текст похож на статью некоего Майбурда, господина с благообразной бородкой и в шляпе, который поливает на чистейшем русском языке, как из трубы золотаря, избранного большинством населения президента Обаму. Думається, этот господин раньше выступал в партийных газетах с обличением врагов Советской власти.

Продолжим.

Не вредно *осознать*, что эти уголовники-людоеды доплыли, сытыми сошли с корабля, разошлись по стране и, осеменяв большое количество одиноких после войны женщин, стали отцами многих детей. *Всмотритесь в лица нынешних активных строителей новой России. Это дети каннибалов. Дети «друзей народа».* Того самого, которого превозносила вся русская литература XIX века. Шаламов одним из первых предъявил *весомые доказательства*, что народ — *мразь*.*

И пусть мне не поют о народе, — оппонирует (*каково словечко!*) он Толстому и Достоевскому. — Народ, если такое понятие существует (*вот до чего можно дописаться!*), в неплатном долгу перед русской интеллигенцией, русским священством. Это первый случай в русской литературе 20 века, когда писатель дает *адекватную оценку своему народу*. (*Я, лично, всегда считал, что интеллигенция и священство — это неотъемлемая часть народа, состоящего из рабочих, крестьян, чиновников и так далее. А. Т.*)

Напрасно Св-ва цитирует Сент-Экзюпери, Бунина, современных философов. Русский народ есть историческая реальность, и его история 20 века — это история его правителей, так же, как в Германии, Италии и т. д., потому что правители дают направление движения народу. Но Сент-Эк-

---

* Интересно было бы узнать у Св-ой — английский, французский, испанский народы — тоже мразь? Представляю себе шум, если бы некто написал, что еврейский народ — это мразь, потому что масса евреев работала в ЧК и НКВД с 1917 по 1937 год. А действительно — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов и сам господин начальник Беломорканала, товарищ Блюмкин — это кто? И что за народ породил этих вырожденков?

зюпери сказал, что отождествлять себя только с лучшими не очень-то честно. И он никогда не сказал бы, что французский народ — это мразь.

Сын за отца не отвечает, правнук вора-каннибала может работать, к примеру, на газовом месторождении и понятия не иметь, чем занимался его прадед; он никогда не согласится поверить в деяния прадеда. Даже если ему предъявят ему бумажки с фиолетовой печатью.

Кстати, на самом деле, никаких отличительных черт правнуки каннибалов по сравнению с детьми Св-ой не несут. Не надейтесь и не всматривайтесь. И вообще зря она пишет на русском языке. Русским в России это и неинтересно, и просто оскорбительно.

Всё величие гуманиста Сент-Экзюпери видно с первых слов: *в небе над Аррасом я почувствовал ответственность*, и всё ничтожество тех, кто взялся судить весь огромный народ от имени великомученика Шаламова, тоже видно из слов, что он дал *адекватную оценку своему народу*. Он-то имел право на резкость суждений, потому что прошел советский ад, а *вы, мадам* на это прав не имеете.

Послал эту страничку Ю. К. и ответ получил мгновенно:

Мне было стыдно и неловко читать это твоё письмо. Откуда нашлось в тебе столько непонимания и злобы в адрес Св-ой? Даже вполне *русское слово* «опонирует» вызывает у тебя раздражение и насмешку.

Я посылая тебе статью Св-ой, чтобы поделиться тем, что мне представлялось и представляется значительным и важным. Не беда, что ты прочел это не так, как я. То ли ты не понял текста, то ли голова в это время была забита другими заботами, но реакция твоя была предельно резкой и грубой. То, что написала Св-ва, есть литературная критика. На мой взгляд — образец литературной критики. То, что написал ты — ни к литературе, ни к критике отношения не имеет. Ты написал пасквиль, который стыдно показывать другим.

Если ты настаиваешь, я готов продолжить этот разговор, но мне кажется, что тебе надо взять тайм-аут...

Вот так. И ни слова о сути — мразь ли русский народ, или что-то другое и что надо понимать под *адекватной* оценкой русского народа. А если бы так об еврейском народе? А может быть, мадам не знает значения слова *адекватный*?...

Прочел я, загрустил и вспомнил в связи с Шаламовым: *... к решеткам памяти уже понанесли посвящений и воспоминаний дрянь...ваше имя в платочки расщеплено...*

Думал было поставить точку, но вспомнил, что «часть друзей народа» именовалась социально близкими. Их перековывали и перевоспитывали. Воспитание подразумевалось в коллективе, хотя не исключались личные внушения, и было, конечно же, трудовым. Попав в сорок лет в клинику неврозов, я сразу же подвергся процессу трудотерапии. Я должен был таскать грязные тяжести в своем единственном приличном костюме, а уж потом идти на лечение гипнозом и лекарствами.

Я не был социально близким, хотя в Сталина верил и после его кончины думал, что империалисты всех стран тут же на нас нападут. Потом я очень хотел стать комсомольцем и верил тому, что написано в газетах. Потом мы развратились материалами 20 съезда и стали постепенно друг другу плохо говорить про нашу власть. Потом мы скопом поехали на целину и жили в совершенно скотских, по современным меркам, условиях, но считали, что так и надо — грязно работать и почти ничего не получать. В конце второго года за наши бесплодные муки убрать урожай мы получили по «бронзулетке» со словами Хрущева, которую с гордостью носили дня два. Потом мы поняли, что страна живет плохо и перестали верить в светлое будущее. Предались мечтам. Я мечтал поступить в аспирантуру.

Смерть Сталина освободила нас всех. Она освободила весь обитаемый мир, хотя и не в один день. У людей появилась возможность встретить смерть по-домашнему, а не пулей в затылок или раздетым догола в рефрижераторе. Адские пытки сменились занудством на собраниях, где нас воспитывали и перевоспитывали, но все участвовали

в процессе, и наши начальники из высоколобых называли эти мероприятия *соблюдением правил игры*. Некоторые подалась в партию, чтобы быть более *информированными*, как они это называли. Это было время эвфемизмов. Но одно я помню абсолютно точно: в разговорах на кухне мы не раз говорили, что в СССР 37-й год может повториться. Тогда я был бы солидарен с Шаламовым, а сейчас не знаю. Времена меняются.

Один раз при чтении статьи Св-ой я задумался. Она писала, что ад создан Богом, как высшая справедливость, карающая за грехи, а люди построили свой ад. И опять же она не права. Бог судит грешные души, а люди судят бедную плоть. В этом кошмарная разница. Душа, кипящая в котле до конца времен, может быть, и страдает. Но пытки плоти очевидны. Страдания сжигаемых на кострах можно легко представить, потому что даже ошпаренная кипятком нога болит нестерпимо. И почему даже церковь не собирается каяться в преступлениях против человеческой плоти. С чего бы тогда палачам из КГБ каяться — они просто работали, выполняли приказ.

Когда-то Людовик-Солнце сказал: «Франция — это я!» А вот товарищ Сталин такого не говорил, хотя весь СССР лежал у его ног. Почему бы это? С Лениным всё ясно. Он славился своей скромностью и человечностью. Хрущеву и Брежневу *такое* никогда бы не пришло в голову в силу природной дурусти. Остальные слишком мало правили.

Есть у Мандельштама сильнейшее стихотворение, написанное в 1931 году: «Еще далёко мне до патриарха...» Ему сорок лет. Ощущение ненужности и, как следствие, полное одиночество.

...Когда подумаешь, чем связан с миром,
То сам себе не веришь: ерунда!
Полночный ключик от чужой квартиры,
Да гривенник серебряный в кармане,

Да целлулоид фирмы воровской.
Я, как щенок, кидаюсь к телефону
На каждый истерический звонок:...

Всё думаешь, к чему бы приохотиться...

То усмехнусь, то робко приосанюсь
И с белорукой тростью выхожу...

А иногда пушусь на побегушки
В распаренные душевные подвалы...

Вхожу в вертепы чудные музеев...

И до чего хочу я разыграться,
Разговориться, выговорить правду,
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду,
Взять за руку кого-нибудь: «Будь ласков —
Сказать ему — нам по пути с тобой!...

Подобные ощущения испытывает человек на закате жизни, покинутый детьми и внуками, забытый такими же престарелыми друзьями. Ощущение ненужности — одно из самых ужасных. Жестока жизнь. Ох, как жестока!

По-видимому, что-то роковое произошло в 1931 году. Пастернак, которому исполнился 41 год пишет два очень сходных по смыслу стихотворения, которые я тоже приведу в отрывках:

Когда я устаю от пустозвонства*
Во все века вертевшихся льстецов,
Мне хочется, как сон при свете солнца,
Припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо.

Незванная, она внесла, во-первых,

---

* Запомните это чудесное слово. Оно должно стоять в другом известном стихотворении: «Но надо жить без самозванства...»

Во всё, что случилось, вкус больших начал...
И вот года строительного плана...

Мы в будущем, твержу я им, как все, кто
Жил в эти дни. А если из калек,
То все равно: телегою проекта
Нас переехал новый человек

Когда ж от смерти не спасет таблетка,
То тем свободней время поспешит
В ту даль, куда вторая пятилетка
Протягивает тезисы души.

...А сильными обещано изжитье
Последних язв, одолевавших нас.

И ещё одно:

Столетье с лишним — не вчера,
А сила прежняя в соблазне
В надежде славы и добра
Глядеть на вещи без боязни.

Хотеть в отличие от хлыща
В его существованье кратком,
Труда со всеми сообща
И заодно с правопорядком

Но лишь сейчас сказать пора,
Величьем дня сравнение разня:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Тридцать первый год. Голодомор на Украине, война
с кулачеством. Что думали наши поэты?

Душа поэта — это очень чувствительный инструмент.
Что движет им в подобной обстановке? Предвидение катастрофы, страх, желание предупредить о страшном и близком?

Как полагает Владимир Горенштейн, невозможность слиться с массами, порождает страх. Пастернак более сдержан, а Мандельштам в прозе — «Всем, к кому я пытался (и еще пытаюсь) хоть как-то присоединиться, с кем примирялся, договаривался односторонне в стихах и прозе, чье существование оправдывал упоминанием и мимоходом, — всем плюнуть в морду, потому что больше невозможно!»

Занятие пастушеством высококочтимо в художественной литературе. Созерцание открытого неба и молчаливое поедание травы парнокопытными настраивает, как полагают, на религиозно-философский лад. Смена сезонов — вот основной тип движения материи вокруг стада. Получается, что пастухи обладают какими-то особыми достоинствами по сравнению с ремесленниками, торговыми людьми и так далее. Менее суетны, что ли...

Читая труд Владимира Горенштейна, я понял, что евреи всё чаще толкуют Мандельштама, с привлечением Священного Писания, и это у них интересно и умно получается. Поэт, ненавидящий еврейскую религиозность, признавший европейские стандарты красоты и морали, оказался цадиком. Его генетика победила в нем европейского поэта. Он много чего говорил о себе и о мире, говорил часто запальчиво и противоречиво. Всё подобрали исследователи, всё классифицировали и рассовали по полочкам, куда надо.

Когда-то в журнале «Крокодил» прошла серия шуточных словарей-определений. Что есть что. Запомнилось только — *дачурка* — дача, построенная на нетрудовые доходы. Потом сами придумали — *кастрюля* — кастрат (ласково). Зашел в магазин, смотрел гастрономию, придумалось — *бастурматор* — любитель бастурмы.

В Афганистане и Ираке непрерывно гибнут американские парни. Временами показывают осиротевшие семьи. Ни разу я не видел, чтобы мать или жена крикнула в эфир — будьте вы прокляты с вашей дурацкой войной!

Под суд вас, мерзавцы! Плевать мне на ваши заокеанские интересы! Нет, сидят причесанные, тихо поплакивают, всё так пристойненько... Они что же, одобряют политику президента и конгресса?

Терпимость правителей зависит от количества денег, которые попадают в результате войны в руки властных структур и изготовителей оружия.

С другой стороны, как расценивать бомбардировку Белграда Соединенными Штатами? Это же разнузданный терроризм. Им, видите ли, не нравился президент Югославии! Но ведь американцам не нравился президент СССР тоже. Что же они не бомбили Москву? Вот она политика — везде двойной стандарт.

Мне посчастливилось работать вместе с Борисом Николаевичем Гречушниковым. Тем самым, которого директор института Кристаллографии АН, академик Вайнштейн назвал интеллектуальным центром института. Так было сказано на похоронах Б. Н.

А лет на двадцать раньше мы всемером собирались на моей квартире, выпивали пару бутылок водки, хорошо закусывали и хорошо общались. Это было время первых советских ЭВМ. Б. Н., естественно, уже вовсю писал программы, у него было, что обсчитывать! В одну из наших вечеринок пришел племянник Боря, который заканчивал математическую школу. У них там ввели курс программирования. Завладев телефоном, Боря очень подробно объяснял кому-то, как он строит программу. Я сидел дурак-дураком, а Б. Н. сходу понял, о чем речь, и очень веселился — уж очень Боря образно рассказывал.

Да,... а теперь я сижу в глухой тоске, потому что вчера Боря умер от острого приступа панкреатита в возрасте 55 лет в американской больнице под Бостоном. Сижу я и думаю, кого мне корить за безвременную смерть. Бога, который, якобы, отнял у семьи самое дорогое, или Борю за беспечность, ибо обратиться он хоть полгода, три месяца назад к врачу, наверняка был бы жив.

Как я и ожидал, огромный похоронный зал набился битком. Некоторым пришлось стоять. У Бориса было много друзей и людей, которым он помогал — человек пятьдесят. Но в зале было сотни три, не менее. Люди вполне посторонние, пожилые и старые. Для них это был спектакль. Для них, получается, и выступали Борины друзья, рассказывали, как ходили в походы, как работали вместе. Потом публика потащилась на кладбище — у всех же машины. Смотрели, как убивается мать, как еле стоит на ногах отец. Теперь им надолго хватит рассказывать и пересказывать. Потом те, что наглее, пошли в кафе в ожидании закуски. Еды было мало, а спиртного много. Да и стульев не хватало, так что молодым (которым самим за пятьдесят) пришлось стоять часа три. Слава Богу, что удалось усадить отца с матерью. Но публика не за едой шла. Кого у нас в Америке удивишь едой! Они до зрелищ люто жадные. Сидели и глазели-глядели-высматривали-вынюхивали. Потом их развезли по адресам — с комфортом! Как не вспомнить:

*...К покойнику со всех сторон
Съезжались недруги и други,
Охотники до похорон.
Покойника похоронили.
Попы и гости ели, пили
И после важно разошлись,
Как будто делом занялись...*

Из всех мужчин, пришедших на прощальную церемонию, только двое оказались в пиджаках и галстуках — Боря, лежащий в гробу, и я, пока сидящий на скамейке запасных. Остальные — словно с рынка притащились, кто в чём.

Самое опасное в новейших технологиях — создание самообучающихся компьютеров, особенно в области вооружений для силовых структур. Наличие ошибки даже на субмикроуровне может привести к необратимым последствиям — развязывание военного конфликта, массовое уничтожение людей бытовыми ядохимикатами или подрыв ядер-

---

ных арсеналов. То, что вероятность ошибки компьютера ничтожна, ничего не решает. Она существует!

В американском фильме: «Если ты не тратишь денег, это всё равно, что у тебя их нет». Недурно. Хотя как же с осознанием могущества? —

*Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья.....*

Кто прав? — Но ведь можно не тратить в банальном смысле слова, а вкладывать... в дороги, мосты, шахты, исследования, поощрять искусства... Тогда Барон — просто супец и притом весьма глуповатый.

Говорил я с Л. о похоронах Бори. Он со мной не согласился совершенно.

— Люди пришли оказать уважение родителям, — сказал он.

— Но если бы похороны состоялись в Бостоне, пришли бы только друзья и родственники. Да еще зевак человек пять-десять, не так ли? — настаивал я. — Особенность жизни маленького городка. У нас в деревне Дракино все друг друга ели без масла, завидовали каждой мелочи, но на похороны ходила вся деревня до единого человека. Не кажется ли тебе, что алгоритм поведения один и тот же?

— А у нас на заводе в Ташкенте тоже все ходили на похороны, особенно если человек был заметный. Начальство машины давало, автобусы, деньги на похороны от профсоюза.

— И у нас на предприятии то же самое. Но там ведь была другая ситуация. Человек работал много лет в большом коллективе, многие сталкивались с ним по работе, ценили, уважали, вместе праздновали успехи.

Помню, что Б. Н. провожало человек тридцать от силы, хотя в Институте работало сотен шесть. Не был он общественным человеком. Высоко летал и о высоком думал. Талан-

---

ты в науке, инженерии, медицине редко живут кучно, разве что становятся известны всей стране через СМИ.

Третий вечер друзья Бори собираются в восемь вечера у его родителей. Пришел раввин, который дружил с Борей 15 лет. Читал зауспокойную молитву, пел, потом все встали и вместе с ним читали и пели, и я понял, что он их объединил, и они почувствовали себя народом. Тем самым, древним народом, из которого вышел царь-пастух Давид, который сам сочинял псалмы, славящие Бога и который плясал перед Богом священный танец. И огромный, как Вселенная, Бог благосклонно смотрел на крошечного кузнечика, пляшущего в Его честь, и благословил его.

Я стоял в кипе и чувствовал себя посторонним, хотя слёзы стояли в горле. Но это было моим, отдельным горем и я не хотел ни с кем делить его, и словно для меня раввин сказал:

— Встретились двое. Один другого спрашивает: «Чем пахнет свежельвовленная рыба?» Другой отвечает: «Рыбой».

— Ответ неверный, — продолжал раввин. — Свежая рыба пахнет морем, океаном. Когда рыба начинает пахнуть рыбой, она уже несвежая. Когда Борис входил в комнату, от него исходил поток доброжелательности, вы тотчас чувствовали, что пришел хороший человек. От него шел хороший запах.

Однако на следующий день, видимо исчерпав запас житейской мудрости, раввин стал рассуждать о душе, которая не хочет расставаться с телом, и мы, читая кадиш, примааниваем душу покойного к нам. Потом оказалось, что Господь посылает ангела к душе с увещанием явиться в мир, совершать добрые дела и чуть ли не переселяться в души новорожденных младенцев.

Я читал, что Владыка миров у евреев никакого рая и ада не сотворял, и никаким хорошим поведением заслужить у Него ничего нельзя. В этом смысле у евреев был наиболее современный с точки зрения науки подход к взаимоотношениям Создателя и создаваемого. Значимым является лишь народ, который бессмертен, а отдельные люди, словно ли-

---

стья на дереве, то есть Творец, должно быть, рассматривает человечество, как биомассу для Своих, непонятных нам целей. Эта установка, естественно, сурова, но совпадает с наблюдаемой суровостью-жестокостью окружающей нас природы. Христианство подсластило пиллюлю, создало идиллические картины вечного блаженства, которые никто не может никак доказать, насытило небеса сонмами бессмертных существ, изобрело ад со сковородками и ухватами образца 234 года и небритыми вонючими чертями. У древних греков было всё-таки почище. Вообще ад в начале второго тысячелетия нашей эры был гораздо ближе к реалиям бытия того времени. Как чертям угнаться за тостерами и микроволновыми печами?

Проникновение чужих религиозных ценностей в веру евреев началось давно, ибо самая древняя книга Торы «Генезис» появилась между 2000 и 1650 годами до РХ, а притчи царя Соломона еще на 650 лет моложе.

Троянская война старше большинства книг Торы, а греческая мифология, то есть их видение мира, разделенного на живущих на земле и блуждающих (души) в подземном царстве Аида, старше и «Генезиса». Мой знакомый заметил после речи раввина, что заимствованию из греческих мифов способствовал быт древних греков. Они уже всюду строили богам храмы, придумали олимпийские игры, были совершенны в искусствах и многом другом, а евреи всё еще были бедными скотоводами и таскали свои предметы культа по степям и пустыням, пока не осели и не построили Первый храм в 970 году до РХ. Если я прав, то более продвинутые в области производства и потребления народы уходят вперед и в области духовной, философической, хотя и здесь возможны неожиданности и открытия мирового значения. Монотеизм оказался более приспособленной к будущему развитию человечества религией, поскольку людей ожидала более чем 1500-летняя история феодализма, верхней точкой которого стали монархии стран Европы, как бы отражающие Небесное устройство мира.

У древних греков Олимп соответствовал по коммунальным удобствам христианскому раю. Смертный мог попасть

на Олимп, то есть сделаться бессмертным, благодаря особым свершениям, как это произошло с Гераклом. Христианский рай гораздо демократичнее. Там есть место всякой душе, в том числе, грешившей, трусливой и жадной, но раскаявшейся. Весь вопрос — существует ли душа, носитель информации, идентифицирующий себя с бывшим материальным телом.

В пятницу раввин назначил прийти нам в семь вечера в синагогу прочитывать с ним кадиш. К нашему приходу там сидело трое весело болтавших мужчин в годах, явно американцев. Носились с визгом дети, два мальчика постарше стояли близко к раввину, который, заметив нас, махнул рукой — сейчас принесу текст кадиша. Через минуту он уже протягивал нам три увеличенные ксерокопии. Потом, повернувшись, он обратился к шкафу, где лежала Тора, шикнул на носившихся детей и, побормотав пару минут, запел. Чистый, тренированный голос, как птица, вылетел из его грудной клетки и забился высоко под потолком. Ребе стоял в тесно облегающем черном пиджаке, из под которого свисали кисти религиозного облачения, и пел, потом дал нам знак; мы встали, держа в руках текст:

*Ййс-га-дал вэ-йис-кадаш шмей рабо,
Бэ-ол-мо ди-в-ро хир-у-сэй вэ-иям-лих мал-ху-сэй,..
.....
.....Омэйн.*

Как много в иврите звуков *ха* и *и-краткого*, — подумал я, вдруг ощутив страшную духоту, — почему они не включают кондиционер?..

Мать и отец Бори, и я спотыкались на непривычных звуко сочетаниях, но старались не отставать:

*Ихэй шло-мо ра-бо мин шма-йё
Вэ-ха-йим о лей-ну вэ-ал кол Ййс-ро-эйл
Вэ-им-ру Омэйн*

Рядом с нами стоял один из прихожан, скорее всего, приятель ребе и знаток. Он наизусть читал кадиш, помогая нам взбираться на гору молитвы после каждого *Омэйн*.

Началась суббота. Люди, пришедшие в синагогу, веселились вместе с ребе. Тот приплясывал, пел и хлопал ладонью по священной книге, дети прыгали, кто во что горазд, словно кузнечики из травы. Только мы трое, как три камня в веселом бегущем ручье, стояли не в силах слиться с окружающим миром. Мне стало тягостно, я вышел из духоты на улицу. Там я стал складывать листы с текстом кадиша и вдруг заметил обильные жирные пятна в нижней части текста. Выходит, что ребе успел ухватить пальцами что-то жирное и отправить в рот, пока копировал. Эта мысль очень меня расстроила.

Шел к знакомому, на дороге валяется прозрачная трубочка, внутри карандаш. Поднял, смотрю — по-английски «scented pencils», ниже крупнее — *SMENCILS*, в переводе означает душистый карандаш, а сокращенно — *ДУРАНДАШ*. Сам *дурандаш* пахнет вроде освежителя воздуха в туалете, пишет нормально темно-серым графитом, но начертанное ничем не пахнет. Собака, разумеется, унюхала бы. Еще там, на трубочке реклама — сделано из использованных старых газет.

По российскому телевидению передача о выдающихся способностях людей с черепно-мозговой травмой. Один упал, ударился головой, двадцать минут пролежал в клинической смерти. Ожил и заговорил по-китайски без акцента. Мало того, он стал сочинять музыку и петь на разных языках, аккомпанируя себе на пианино. Играет лихо, сам видел. Но кто ему руки ставил? Если в детстве педагог не поставит руки, ничего толком не сыграешь, как ни бейся головой. Ну и, разумеется, Вангу привели в пример. Потом очень толстый дядя-ученый говорил, что у таких людей снимаются защитные механизмы мозга и он, мозг, как бы идет вразнос. Ну и Эйнштейна привели в пример. Тут я немного соображаю; они там ничего не смыслят

в физике и несут чистую ахинею. Ничего аномального в Эйнштейне не было, просто очень-очень умный человек, и Нильс Бор не был глупее.

Тут одна есть тонкость, о которой авторы передачи умолчали, потому как не соображали. Головы вдрызг разбивают миллионы, после чего подавляющее большинство делается идиотами, если выживут. А единицы становятся странными гениями, но ни от кого я не слышал, чтобы кто-либо из потерпевших удивил мир открытиями в области физики, математики, химии, астрономии, лечении раковых заболеваний или, на худой конец, в поэзии.

Поэтому, вполне допуская существование паранормальных явлений, я думаю, что продвижению в их понимании очень препятствует обычное человеческое жульничество. А вот зачем люди жульничают, выдают себя за волшебников — понять можно. Во-первых, мы вступаем здесь в царство глупости. В стране Дураков учиться и работать не любят. Зато любят мечтать, как бы с помощью заклинаний или трюков сразу получить то, чем преуспевшие в труде и знаниях владеют на законных основаниях. Во-вторых, пусть кратковременная, незаслуженная, но всё-таки — слава.

Некогда один серьёзный учёный, Гессель Левин рассказывал мне, как жена его коллеги демонстрировала телепатические возможности. Муж молча читал книгу по физике, а жена, отвернувшись и держа его за руку, озвучивала текст, не понимая ни слова. Это, конечно, дьявольски интересно, но пока понять механизмы работы мозга мы не в силах. Вот люди и паразитируют на непонятном...

Прослушал две популярных лекции академика Алфёрова о полупроводниковой революции. Вот это ум! Вот это культура речи! Была там интересная фраза, что как всякая революция, окончившаяся победой, она привела к изменению социального состава общества. Более 50% трудящихся Западной Европы и США работают над сбором и обработкой информации. Осмелюсь добавить свою мысль, что изобретение мобильного телефона (тоже результат победы полупроводниковой микроэлектроники) соверши-

---

ло в смысле личной свободы трудящихся больше, чем все социальные революции вместе взятые. Только поймите меня правильно. Я ни в коей мере не претендую на понимание многих идей, высказанных академиком и нобелевским лауреатом в популярной лекции, хотя некоторыми вопросами устойчивости солнечных батарей к внутренним механическим напряжениям занимался в своем почтовом ящике и даже внедрил там прибор, регистрирующий эти напряжения.

Когда я в восторге от личности Алфёрова позвонил приятелю, тот скучным голосом ответил: «Так он же коммунист...». А я-то думал поболтать с ним о технологии выращивания полупроводниковых кристаллов типа *Мышьяк-Алюминий-Галлий*...

Кстати, академик рассказал, как они пытались использовать сплав Мышьяк-Алюминий, но он оказался неустойчивым на воздухе, приходилось работать с ним под слоем керосина. И вдруг один из сотрудников вспомнил, что у кого-то в ящике стола уже полгода валяются чешуйки тройного сплава. Побежали смотреть — точно. Ничего с ними за полгода не произошло. Так появились первые работы по новым полупроводниковым структурам.

В науке подобные комические ситуации нередки. В институте, где я проходил аспирантуру, некто С. со своей аналитической лабораторией долго-долго пытался синтезировать вещество-краситель, который мог бы избирательно реагировать с ионами редкоземельных металлов в растворе и при этом изменять свой цвет. Они проводили синтез за синтезом, но желаемого результата всё не было. Однажды, уходя с работы, С. выплеснул раствор очередного красителя в раковину и с изумлением увидел, что раствор из красного стал сине-фиолетовым. Кинулись искать, кто и что слил в раковину до этого. Оказалось, что лаборантка опорожнила пробирки с сильно разбавленным раствором ниобия. Тут же стали испытывать все соли редкоземельных металлов и поняли вскоре, что нужное вещество-краситель у них в руках. Через два года С. с триумфом защитил докторскую диссертацию.

Парнуха — деревенская баня в России.

Из разговора с М... Она считает, что социализм развалился из-за ненависти людей друг к другу. Друзья, знакомые и совершенно незнакомые ненавидели правительство и КПСС, все ненавидели друг друга в общей давке в очередях и на транспорте, все ненавидели чиновников всех рангов, которые издевались над людьми, а те, в свою очередь, ненавидели просителей, русские ненавидели евреев, евреи ненавидели русских, ученики ненавидели учителей, учителя ненавидели учеников, иногородние ненавидели москвичей и так далее. Неплохо придумано, может быть, только смягчить ненависть на более мягкое слово.

Однако если вдуматься, ненависть штука вторичная. Представьте, что в благополучных странах в связи с природным катаклизмом началась нехватка продуктов питания и чем дальше, тем больше. Сначала возникли карточки, потом по карточкам тоже стали урезать пайки. Люди, пришедшие чуть позже, остаются вообще без еды. Безмерно усилилось воровство и грабежи. Ясно, что кончится это войной за выживание каждого против всех. Спасение, хоть на время находят в жесточайшей диктатуре. И пошло-поехало. Могут возразить, что в Ленинградскую блокаду люди мерли, как мухи, но к беспределу это не привело. Отвечу — там была надежда, что всё это не навсегда, была цель — разгром врага и была диктатура военного времени.

Моё лицо в зеркале напоминает сильно пересеченную местность.

В Америке началась очередная охота на ведьм. Оказывается, кругом нас просто кишмя кишат педофилы. Семидесятирехлетний мужчина из беженцев, прибывший в США из России пошел освежиться на берег океана. Побродив по пляжу, он остановился смыть песок, налипший на подошвы, под душем-брызгалкой, где резвились латиноамериканские мальчишки. Дети стали брызгать на него, а он, смеясь, стал брызгать на них. Увидев это, мамаша и бабка маль-

---

чишек позвали полицейского и объяснили ему, что старик пристаёт к детям и даже щиплет их за попки. И *дело* закрылось. Четверо полицейских явились к старику на квартиру и увели его в наручниках. Теперь ему шьют статью, как злостному педофилу.

Как тут не вспомнить знаменитую книгу Рея Бредбери «451 градус по Фаренгейту»! Американское общество всё больше напоминает общество организованных примитивов, всё больше участвует в массовых мероприятиях. Всё меньше остается людей с независимым мышлением, людей сомневающих, диссидентов. Бесконечные парады и шествия, визжащие перед телевизионной камерой дамочки, у которых спрашивают о прогнозе погоды на сегодня. Как это похоже на Советскую Страну тридцатых годов!

Впрочем, старик отчасти и сам виноват. Приехал в США, прожил двенадцать лет и не выучил язык. Плохо понимает и плохо говорит на английском. И я такой же горемыка и бездарь. Недавно я попал из-за этого в неприятную ситуацию, когда молодой латиноамериканец на грузовике искорёжил мою машину, а я оказался виноват и теперь плачу дополнительно семь сотен долларов в страховую компанию ежегодно.

Вспомнил у Чехова, что в человеке всё должно быть прекрасно, когда разглядывал пальцы ног у дам на пляже. Ничего прекрасного, крючки и закорючки, один палец налезает на другой, ногти торчат в разные стороны, хотя и покрашены.

В одной из лекций Михаил Веллер весьма прохладно отозвался о классике американской литературы У. Фолкнере — у него, мол, скучные и малохудожественные рассказы, да и знаменитая трилогия есть вещь весьма посредственная.

Однако вопрос в том, насколько эти произведения Фолкнера ценит средний американский читатель, носитель языка. Что вообще можно сказать, читая русский перевод? — Можно составить лишь общее представление о книге, рас-

---

сказе. Это вроде того, как у Жванецкого раки по пять крупнее, чем по три и в чем юмор, никто, кроме русских совков, не понимает.

Следуя Веллеру, можно прийти к заключению, что О. Уальд прав, утверждая, что искусство совершенно бесполезно и художественная литература в том числе. Как Веллер ни пытается вытянуть полезность литературы из ямы бесполезности, сопоставляя стремление материи к самоусложнению с процессами обогащения внутреннего мира человека, который читает художественную литературу, его доводы не убеждают.

Прав мой коллега-конструктор, с которым мы курили в коридоре. «Кто-то написал, а ты читаешь!» — сказал он мне со смехом. Я тогда был фанатиком-книголюбом и страшно гордился своей библиотекой. Будем объективны. Как специалист, я не получал от всей этой испачканной бумаги ни грана помощи в моей работе. Я уходил от проблем *своей* жизни, обгладывая куриную ножку чужой фантазии и причмокивая от удовольствия, потому что сам я валялся на диване под лампой, а кто-то, выдуманный совершал за меня поступки. Добро бы автор рассказывал, как увеличить чувствительность датчиков на калий в крови пациента. Нет! Герой повествования соблазнял замужних женщин, крал деньги, угонял машины, убивал соперников или наоборот, — защищал честь жены, ловил вора, избивал негодяя, вез умирающего в больницу на бешеной скорости и тем спасал его жизнь. Прожив чужую жизнь, я с аппетитом ужинал и вполне удовлетворенный шел спать.

Возьмем прекрасную повесть Дины Рубиной «Высокая вода венецианцев». Героиня лет сорока пяти в один из дней узнает, что у неё рак, причем неоперабельный. Она ходит со своим несчастьем, держит его в секрете и решает устроить себе последний отпуск. Она летит в Венецию, поселяется в скромной гостинице и соблазняет юношу из obsługi, который проводит с ней ночь, последнюю в её жизни романтическую ночь любви. Всё!

Все мы люди разные. Одни, узнав о близкой смерти, стараются привести в порядок дела, одарить прощальными

подарками друзей и родню — в саване нет карманов, благословить остающихся и ожидающих своего поезда на перроне Времени. Другие бросают любящего и заботливого мужа, детей и спят со случайным мальчишкой... Каким новым знанием можно обогатиться, прочтя эту чудесную повесть? Да никаким! Воистину, кто-то написал, а ты читаешь.

Пожрав глазами повесть о чужой беде и посочувствовав, читательница возвращается к своей жизни — ругается с мужем из-за ерунды, переживает из-за троек по математике, которые регулярно приносит из школы дочка, щупает низ живота — а нет ли у неё той же самой страшной болезни? — и так далее.

Читательский спрос на серьёзную художественную литературу и особенно на стихи падает и будет падать, и это справедливо. Мой друг Орловский в возрасте 40 лет полностью переключился на детективы, которые читал только в метро. У него шли очень ответственные испытания по подготовке стыковки космических кораблей Аполлон-Союз. После успешного завершения работ он уже не возвратился ни к стихам, ни к серьёзной прозе. Тем, кто отдаёт свои силы на работе, нужна разрядка. Если вы всю жизнь работали на совесть, а не валяли дурака, бегая с бумажками по кабинетам начальства, то в пенсионном возрасте, когда нужно беречь уставшие за жизнь глаза, смотрите программы канала «Культура», слушайте лекции наших академиков, или ходите по дорожкам любимого с детства лесопарка и слушайте аудиокниги. Выбор бесконечен.

Вот рассказ о путешествии в страну Дураков, где автор этих строк отлично сыграл роль Буратино.

Всё началось с большого оранжевого конверта, адресованного мне лично. Пославшие конверт, отрекомендовались обществом защиты животных и просили прислать в помощь от пяти до тридцати долларов на доброе дело. В приложении к письму предлагалось заполнить документы, что-то вырезать и приклеить, что-то сохранить для будущей переписки и принять участие в розыгрыше приза в 25 тысяч долларов,

---

который состоится в августе, то есть через три месяца. Я послушно исполнил указания и отправил все бумажки, приложив чек на семь долларов.

С тех пор я каждую неделю получал увесистый конверт с предложениями купить за полцены абсолютно ненужные мне вещи и очередной просьбой послать для несчастных животных еще денег.

Через месяц пришел особенно красивый конверт. Внутри были бумаги, содержащие множество восклицательных знаков. Меня известили, что я есть *confirmed winner* (несомненный и утвержденный победитель). Надо было снова заполнить анкету и удалить ногтем или монеткой золотистое покрытие пяти магических цифр под заманчивым рисунком кучи ярко зеленых пачек денег. Гордясь тем, что я сделал важный шаг к обладанию 25 тысячами долларов, я проделал все указанные процедуры и отправил заполненную форму с приложенным чеком на семь долларов в помощь бедным животным.

Наступил август. Я получил роскошный конверт с вложенным документом, украшенным водяными знаками. На лицевой стороне огромными буквами сообщалось, что я есть **ПОБЕДИТЕЛЬ**. Притом утвержденный и подтвержденный. Что я прошел уже две ступени и осталась лишь одна финальная ступень — ожидание выигрыша (*Pending*). Так прямо и было написано, что мой статус — *пендинг*. Это было на документе слева, а в центре выделенным текстом сообщалось:

**ALIK TOLCHINSKY
YOU HAVE BEEN
SELECTED & VERIFIED
AS A COFIRMED WINNER
CONGRATULATIONS**

Далее следовало сердечное письмо от Лори Муррея, члена лиги защиты животных. В конце письма прилагались сведения о четырех счастливицах, получивших 25 тысяч каждый: Мисс Боде из штата Нью Джерси, Мисс Левин

из штата Нью Йорк, Мисс Комбес из штата Иллинойс и Мистер Дехаби из штата Индиана. Я единственный болтался над этим списком со своим пендингом.

Кончился август. В утешение мне прислали очередной пакет с извещением, что я по-прежнему являюсь подтвержденным победителем, правда сумма снизилась до 15 тысяч долларов. На форме, которую вновь просили заполнить, было изображено дерево со стодолларовыми купюрами вместо яблок. Ну, точь-в-точь то самое волшебное дерево, возле которого Буратино прикорнул в ожидании, когда оно даст урожай золотых монет.

Таких деревьев я получил с десятков, не меньше, в течение следующего года. Чтобы не было сомнения, кто дурак — под деревом была укреплена табличка: **А. ТОЛЧИНСКИЙ**. Вот и всё.

На целине с удовольствием пели:

По перелескам, зеленым косогорам
Плывет, качается, зеленая луна,
А за рекой поют Марьянки хором,
Там по тебе скучает не одна.
Вот скоро, скоро выгонят скотину,
И заколышется зеленая трава,
А под окном кудрявую рябину
Отец срубил по пьянке на дрова.

.....
Ты пишешь мне, что ты по горло занят,
И город выглядит угрюм и нелюдим,
А вот у нас, на родине в Рязани
Вишневым сад расцвел, как белый дым.

Было там еще несколько куплетов вполне идиотских, с оттенком черного юмора, но я не хочу их приводить. А эти стилизованы под Есенина, которого я очень люблю.

Аббревиатуры часто являлись темой анекдотов.
— Пилипенко, отчего вы не вступаете в КПСС?
— В СС я вже був.

Сейчас все называют магазины универмагами, а раньше в Москве торговля вещами велась в Мосторгах. Так и говорили — пойду в Мосторг. А в городе большой химии Воскресенске, наверное, говорили — пойду в Восторг. Товары там, конечно, были, но не те, которые пользовались спросом.

Приезжий, посетив Мосторг,
Не приходи в пустой восторг:
Товаров нет, в желудке спазм, —
Чисто советский восторгазм.

Мораль, наверное, является самой консервативной составляющей нашего бытия, но и она должна, хоть немного, меняться. Я бы сделал акцент на положительных правилах, которые никогда не осмелюсь называть заповедями. Вот они: защищай слабого, утоляй страдания, утешай в горе, дари дорогое, трудись. Каждое из них, взятое с отрицательным знаком ведет к деградации личности. Изначально отрицательные я бы выделил так: не завидууй, не трусь; затем — не держи зла, не будь надменным.

Гессель Эммануилович Левин. Редактор, сидящий внутри моего компьютера, подчеркнул его имя красным. Такое имя ему не известно. Кого судьба определяет в великие, по какому принципу, мы не знаем. Вопрос удачи при несомненных способностях и даже таланте часто играет ключевую роль, причем удача не в житейском смысле слова, как в рулетке — а случайное столкновение с проблемой, которая мало изучена.

Мальчишкой пятнадцати лет он поступил в университет и в 19 закончил его по специальности астрофизика. Ему же хотелось стать физиком-ядерщиком и он подал заявление в несколько закрытых организаций, но туда евреев уже не брали. Взяли его в ящик, в котором он проработал 40 лет и получил от дирекции звание лучшего изобретателя предприятия. Он был автором более 70 изобретений, часть из них внедрили в секретное производство и науку. Других подробностей я не знаю.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Другом Гесселя был Абрам Залманов, астрофизик. На его докторской защите академик Зельдович выступал с пространственным обращением к членам ученого совета, поскольку Абрам был до крайности молчаливым, привык произносить фразы в ограниченном пространстве своего согбенного тела. В результате, Ученый Совет никак не мог понять, о чем идет речь. Зельдович всё объяснил, после чего посыпались вопросы, на которые Абрам, нисколько не меняя стиль изложения, отвечал (как ему казалось) с последней полнотой. В итоге, его работа была признана вполне выдающейся, и сам соискатель оказался достоин ученой степени доктора физ.-мат. наук.

Несмотря на суровый и замкнутый вид, Абрам пленил одну пожилую даму, с которой я познакомился на дне рождения Гесселя. Тесен мир, тесен! Она оказалась мамой Саши Багатурьянца, милого и улыбочивого парня, который рано стал доктором по квантовой химии. Он давал отзыв на мою докторскую диссертацию. Мы с ним давно были знакомы через Вовку Лебедева. Они учились в одной группе в университете. Те, кто работал в нашей области, разумеется, знали Сашу по серии статей, опубликованных им совместно с академиком Бочваром в Докладах АН. Я сидел рядом с его мамой и говорил, что я ценю и уважаю её сына, а она смеялась и отвечала, что ей очень приятно слушать такое от незнакомых людей. Абрам, как всегда, хранил полное молчание.

Зельдович принимал участие в больших атомных проектах, между собой его звали «Зельда». Как о многих выдающихся людях, о нем также ходили анекдоты. Один из них касался его выступления на заседании Академии наук, где он требовал исключения Трофима Денисовича Лысенко из числа академиков за гонения на советских генетиков и сотрудничество со Сталиным. Говорят, что в тот раз за Лысенко вступился Хрущев, который привел совершенно дуболомный довод:

— Я у него на ферме пил такое молоко, какого никогда в жизни не пробовал...

Ларчик открывался просто. На ферму Лысенко поставляли отходы с кондитерской фабрики «Красный Октябрь». Поэтому молоко пахло ванилью и другими пищевыми ароматизаторами, и отличалось повышенной жирностью.

Второй анекдот, который мне поведал Борис Николаевич, был связан с поступлением дочери Зельдовича в университет. Экзамен по математике принимал Моденов, автор известного в наши дни задачника повышенной трудности. Моденов поставил ей три балла, что заблокировало пути к поступлению. Зельда обиделся, нашел время, перерешал все до одной задачи в книжке Моденова и показал, что 15 процентов задач имеют неверные ответы или неверно сформулированы. Борис Николаевич по этому поводу очень веселился. Еще он нам рассказывал, что Зельда приезжал в Институт Кристаллографии с научными докладами, потому что в некие, не столь уж далекие времена, его лишили лаборатории и, слава богу, что не посадили.

Гессель был из крепких физиков, но был совершенно не боец. Поэтому он не продвинулся ни в какие начальники. Однажды я разговорился с соседом по комнате в Доме отдыха. Тот работал с Гесселем под одной крышей и отозвался о коллеге, как о человеке безынициативном. Я-то думаю, что Гессель направлял свою энергию и ум на разгадку тайн физических явлений, а не на толкотню возле корыта перед лицом начальства.

Когда я был совсем зеленым, он мне рассказал, как ему подослали парня на предмет приема в аспирантуру (как я понимаю теперь, начальство хотело, чтобы Гессель сварил тому диссертацию). Гессель не мог послать их всех, куда подальше, но применил обычный научный подход. Он спросил у парня, что такое потенциал. Парень не знал (я был тогда настолько туп, что тоже не очень понимал, но спросить у Гесселя стеснялся). Путем косвенных вопросов я, наконец, вынудил ответить его самого. «Это энергия», — просто ответил он.

Сейчас я понимаю, что тот парень мог бы тонко уточнить вопрос Гесселя — потенциал относительно чего? Ясно, что относительно Земли. Потому что просто потенциал — это как бы знак плюс без минуса. Что такое плюс? Каждое

нечто имеет свой потенциал относительно Земли. А если он неодинаков, то соедините два потенциала между собой — и потечет электрический ток за счет разности потенциалов, или произойдет передача тепла. Если мы знаем электрическую, тепловую, химическую, механическую и другие виды энергии, то им соответствует электрический, химический (электрохимический), термодинамический (тепловой) потенциалы и их разность у разных объектов является причиной различных типов движения материи, пока разность потенциалов не станет равной нулю. Во многих справочниках по химии вы найдете таблицу нормальных электродных потенциалов самых разных металлов и неметаллов в водных растворах, но все они измерены относительно нормального потенциала водородного электрода, *принятого* равным нулю. Никто не скажет вам, каков на самом деле потенциал водородного электрода.

Вообще потенциал — это как бы запасенная впрямь потенциальная энергия, которая может быть израсходована множеством путей. Скажем, чем выше поднимаем груз над Землей, тем выше его потенциал. Когда выпускаем груз из рук, потенциальная энергия переходит в кинетическую. Скорость падающего груза всё растет, и, наконец, груз врежется в Землю, выделяя тепло от удара о поверхность и сдвигая Землю с её орбиты на совершенно ничтожные доли микрометра. Ещё интереснее рассмотреть это простое явление с точки зрения энтропии. Поднимая груз, мы уменьшаем энтропию, а когда груз вонзается в Землю, его энтропия увеличивается и становится той же, что у всех лежащих на поверхности объектов. Все спонтанно идущие процессы на Земле приводят к увеличению энтропии. Рассказываю я вам элементарщину, простите меня, старика, но уж очень это увлекательно.

Короче — как ни пытал парня Гессель, тот ничего не мог ответить. После его ухода Гессель поднялся в дирекцию и сказал, что взять парня не может вследствие полного невежества испытуемого. Начальство укоризненно покачало головой, но Гесселя не наказало.

Отвлечемся. Накопленные трудом или другими путями деньги тоже являются потенциалом и как потенциальную энергию, их можно потратить множеством путей — построить дома, электростанции, запустить спутник в космос, открыть университет, поощрить искусства или же пропить, промотать в казино, нанять убийц, вложить в наркобизнес и так далее.

И еще одно, очень важное — живые системы, начиная с клетки и кончая человеком — антиэнтропийны! Они выхватывают из окружающего мира бесцельно блуждающие атомы и молекулы, сгустки тепла и электричества, используют их в корыстных целях строительства и продолжения собственной жизни и не любят делиться с другими системами, выстраивают на периферии оборонительные стены. Энтропия уменьшается!

Чтобы понять это, оценить по достоинству надо бросить все силы разума на изучение слабых и сверхслабых взаимодействий, их роли в кооперативных силах, которые управляют организмом и, в конечном счете, поведением индивида.

Самое загадочное в живой системе, вершиной которой является человек разумный, на мой взгляд, — превращение бутерброда с сыром или котлеты с картофелем фри, к примеру, в картину, скульптуру, симфонию, теорию рядов, проект моста над Гудзоном и прочее. При этом парадоксы следуют за парадоксами. Безумный Ван Гог создавал каждый день новую картину. Василий Суриков писал «Утро стрелецкой казни» несколько лет. И что удивительно — творческий потенциал после создания шедевра или технического чуда не убавляется, а растет!

ДНК и РНК. Любой школьник сейчас знает, что это такое. А в 1962 году знали об этом очень немногие. Я, например, не знал. Мы ехали на вечерней электричке за город с Гесселем, и он с увлечением пересказывал статью в журнале «Наука и Жизнь». Если я не ошибаюсь, незадолго до этого Уотсон и Крик определили структуру ДНК, получили за это Нобелевскую премию, и Уотсон написал маленькую увлекательную книгу для широкого читателя, которую я прочел лишь года три спустя.

Гессель вел жизнь праведника. Не пил, хотя мог бы себе позволить. Русская жена его рассказывала, как однажды он попал в общество работяг и был вынужден под их пристальными взглядами выпить полный тонкий стакан водки (250 мл). Выпил он эту пакость, как воду, и даже не поморщился, не стал искать закуску. Как сидел, рассуждая со всеми о работе, так и продолжал. Работяги решили, что так выпивать может лишь человек, прошедший лагеря, и стали шепотом расспрашивать жену, где Гессель сидел.

Его не интересовали ни политические козни, ни любовные шашни. Его интересовала природа. Он тепло отозвался о моей первой книжке, где я описывал на нескольких страницах свойства минералов, а я туда по неопытности насовал много житейской дребедени. Про Библию он сказал лишь, что это — сладкая каша. Грехи человеческие его тоже не интересовали. Я думаю, что он был чист, как стеклышко, не потому, что искоренял в себе негативные черты, а потому, что чистота помыслов и дел ему была дана генетически, *ab initio*; верующие сказали бы — дана свыше.

Как же я, общаясь с таким замечательным человеком, не попытался следовать ему, не исправил свой несносный характер, злобу к ближним и дальним, и прочим. Отвечу — мне при рождении был дан другой набор генов. Вот и всё.

Сколько раз за вторую половину XX века мы стояли перед ядерной катастрофой, не знает никто.

Я склонен верить словам очевидца и участника событий, произошедших в 80 километрах от Калининграда (Кёнигсберга) в 1973 году. Решать, конечно, вам, но приводимые реалии убеждают, что всё, рассказанное моим собеседником, есть чистая правда.

После окончания института И. был призван на службу в ракетных войсках и попал в дивизион ракет среднего радиуса действия.

Когда мы смотрели военные парады, диктор торжественно объявлял: «А сейчас на Красную площадь вступает

советская ракетная техника. Наши ракеты....» и так далее, и мы считали, что наш ракетный щит *нас* несомненно защитит, потому что мы всегда готовы нанести сокрушающий удар по агрессору. При этом мы не замечали, что повторяется всё та же идиотская довоенная песенка.

Все знают или помнят, что в 1962 году мы совместно с США едва не отправились в мир иной, благодаря отнюдь не мирной инициативе нашего Знатока искусства и сельского хозяйства. Однако прежде, чем рассказывать вам страшилку 1973 года, поглядим, как жили призванные на ракетную базу солдатики. Три месяца подряд ели ячневую кашу с крохотным кусочком поджаренного сала, щи всегда были строго вегетарианскими, сахара не было, из жиров — только комбигир и то самая малость. Когда приходили посылки из дома, командир роты лично досматривал их — нет ли водки и порнографии. Найдя конфеты или фрукты, он тут же забирал половину.

Когда после прибытия И. получил кирзовые сапоги, оказалось, что они за время пребывания на складе окаменели настолько, что при попытке надеть, трескались и ужасно натирали ноги даже сквозь портянки. Не в силах терпеть каждодневную пытку, И. с первой же увольнительной уехал в город и в военторге купил яловые сапоги, которые потом до конца службы клал под голову перед сном, чтобы не утащили. Перед тем как выбросить окаменевшую кирзу, он исследовал голенище и внутри нашел штампик с годом изготовления 1947. Сапоги оказались старше его самого. Шинель была примерно того же возраста.

Более всего удручало полуголодное существование. Территория, на которой они жили, была огорожена со всех сторон двойным рядом колючей проволоки, между которыми пролегалла нейтральная полоса шириной метров 70. Между рядами круглосуточно ходили часовые. Рядом с охраняемой территорией проходила узкая грунтовая дорога к православному храму. Служилые знали, что на Пасху им кое-что перепадет от гражданских. И действительно, увидев часового, сердобольные женщины, возвращавшиеся из храма, подходили к проволоке. Часовой тут же про-

---

совывал штык, на который, как на вешалку, нацеплялась праздничная снедь, и с благословением уносил её подальше от глаз начальства. Сколько бы ни приносили часовые, голодная орава всё сметала.

Однажды пришла разрядка от властей выделить трех человек на разгрузку вагонов. Трем хлопцам повезло — после работы гражданские грузчики пригласили их поесть и выпить, тут же и шалавы нашлись. Погуляли от души. Через пару дней старшина роты заметил, что хлопцы как-то не так ходят, ежатся, чешутся. Вызвал фельдшера — так и есть: все трое схватили лобковых вшей, мазь нужна, а в санчасти её нет. Первое, нужно отделить зараженных. Искали-искали, где их поселить — негде, кроме Ленинской комнаты. Там и разместили. А мази всё нет. Наконец, старшина плюнул на всё, завел всех троих в сарай, обрил им причинные места и хорошо залил керосином. Хлопцы орала от боли, но через три дня всё прошло. Если кто сомневается, пусть попробует помазать кое-что керосином.

Прочел в книге Исхода, что сказал Господь Моисею и Аарону. Надо заколоть козленка или ягненка обязательно мужского пола... и помазать его кровью косяки и перекладину дверей. Дальше идут указания, как следует одеться, и есть с поспешностью. Моисей созвал всех старейшин Израилевых и повторил указания Господа слово в слово.

Если следовать традициям предков, то и нам тоже надобно исполнять приказы Начальника, который занимал свой могучий разум такой дребеденью.

Тьфу-тьфу не сглазить бы! Часто встречал в разговорах вокруг и у Шолома Алейхема. После всех сорока тысяч неприятностей, которыми так была богата жизнь евреев, это восклицание слышишь, как образец юмора наших предков.

Смотрю сериал Никиты Михалкова «Русские без России». Какие жертвы были принесены на жертвенник революции! Кто виноват? Никто никогда не поймет механизма,

---

запускающего человеческое безумие, но одну из многих причин я, кажется, вижу. Дав разрешение евреям селиться на территории Российской империи, цари слишком долго парили проблему уравнивания евреев в правах с другими народами и, как говорят, давление пара под крышкой все нарастало. Народ колоссального таланта и темперамента потек, как расплавленный металл, через все поры и дыры вверх и, как только появилась возможность, проник в новые властные структуры, мстя погибшему строю и всем, кто его поддерживал, страшными преследованиями. Будь в то время у евреев своя, хоть небольшая территория, многое сложилось бы иначе.

Чувство вины, это совсем не чувство исторической вины, ибо сын за отца не ответчик. Как решить, кто более виноват — казак, секущий толпу нагайкой по приказу командира (или по зову сердца), мещанин с крестьянином, устраивающий погромы в еврейских местечках и так далее, или же еврей, расстреливающий восставших казаков на Дону или бандитов на улицах Одессы, а потом под прикрытием лозунга о революционной законности стреляющий всех подряд безо всяких правовых норм. Если джин революции вырвался из бутылки, беда придет равно ко всем...

Вот странная студенческая песня, которую еще распевала моя мама, а я слышал её 1957 году на целине в нашем студенческом отряде.

Хорошо жить на Востоке,
Назы-ваться Гаш-Таха-ам
(студенты пели Бен Гассан, но это не персидское имя)
И лежать на солнцепеке,
Щуря глаз на Теге-ра-ан.
Если станет тебе скучно, —
Скушай персик от тоски-и.
Ах, как хороши и как приятны
Эти самы.... перси-ки!
Хорошо лежать на крыше

Персом с ног до головы
И жиреть от киши-миши,
Ананасов и халвы.
Временами даже непонятно-о! (как крик муэдзина)
Персия здесь или ра-ай!
Вай, как хорошо и как приятно!
Вай, вай, вай — вайвайвайвайвайвай!

Если всё же станет скучно,
Можно даже с крыши слезть.
Кроме персиков и персов
Персиянки то-же есть.
Вай, Далила, как красива,
Шаль пестра, как попу-гай.
Вай, Далила как красива,
А целует — просто вай!

Временами даже непонятно-о (как крик муэдзина)
Персия здесь или ра-ай.
Вай, как хорошо и как приятно!
Вай, вай, вай — вайвайвайвайвайвайвай!

Продолжаю смотреть сериал Н. Михалкова. Биография княгини Васильчиковой-Меттерних. Что тут скажешь! — памятники нужно ставить таким людям в России, школьников надо водить к ним на поклон. Эти люди так любили Россию, что после них всякие сомнения в ценности и необходимости патриотизма являются грязной попыткой скрыть собственный эгоизм и ничтожество. И поныне ругать Россию и её несчастный народ считается хорошим тоном. К сожалению, стыд за страну во многом оправдан, но примите во внимание, что у некоторых людей мать является далеко не образцом, однако дети любят и жалеют её, помогают ей. Любовь преодолевает стыд.

Пишущие люди часто применяют клише. Стыд за страну — тоже клише. Стыдиться нужно *своих* недостойных поступков — доносительства, лицемерия, предательства, жадности и зависти и, конечно, (Булгаков прав) трусости.

А что стало бы с Израилем, если бы люди, приехавшие в эту страну в начале XX века, не подымали её, не выращивали, словно младенца, не отдавали за неё жизнь на войне. Народ без чувства патриотизма не способен выстоять в тяжких испытаниях, на которые то и дело обрекает его История. На её знаменах неумиравший лозунг — горе побежденным, и в этом её единство с Природой.

Княгиня, как только ей разрешили приезжать в Россию, создала ряд лечебниц для детей и взрослых, приют для детишек из неблагополучных семей и так далее. Если власть предержавшие видели фильмы Михалкова, как у них уши не краснели от стыда! Через 65 лет после окончания войны Европа и Америка в лице своих филантропических организаций и отдельных людей всё продолжает спасать Россию от России. Как можно допустить, чтобы страна с самым большим ядерным потенциалом, запускающая космические корабли, не могла справиться с проблемами здоровья своего многострадального народа! Не молебны служить в золоченых одеждах, размахивая крестом, а приюты открывать, строить дороги, а не казино и дорогие гостиницы-бордели, создать наконец фермерские хозяйства.

Михалков всё время подчеркивает, что изгнанная Россия была тверда в вере. С младенчества отцы и матери вели детишек в храм, и всё важное в жизни совершалось с участием священника. Нам, выросшим при социализме, это всё кажется странным. Мы прожили жизни в полном неверии в Высшее, может быть, потому, что ни разу не видели победы Правды над Злом, а если кто и был хорош, как человек, то вовсе не потому, что верил в Бога.

Однако, сопоставляя историю разных народов, можно признать, что в некоторых случаях единая и непоколебимая вера в Господа способна спасти народ от поглощения другими народами, как это произошло с евреями. Увоенная с молоком матери вера в свою исключительность стала той корневой системой (*термин Н. Михалкова*), которая сохранила национальные черты и обычаи евреев в течение двух тысячелетий.

Кстати, рассказывая о русских без России, Михалков бродит по руинам. Ничего, кроме музейных экспонатов уже не осталось. Те русские, отжили, отстрадали своё. Их правнуки уже совсем другие. Русская корневая система в диаспоре не выдержала. А прошло менее ста лет!..

В холле под почтовыми ящиками нашел большой надорванный и замызганный конверт с парящей золотисто-красноватой звездой и вечным огнем. Адресат — Либерман Зяма (Liberman Zyama). Поздравление с 65-й годовщиной Великой Победы от самого президента Д.А. Медведева. Кто был этот воин, Уважаемый Зяма Исаакович, живущий через две квартиры от меня? Почему его конверт валялся на полу? Наверное, бывший воин закончил свой земной путь, так что поздравление президента опоздало.

Так или иначе, Зяма прошел войну и для него началась мирная жизнь. Не исключено, что он получил высшее образование (до войны не успел) и к 1950 году уже числился безродным космополитом и интеллигентом. Это сейчас президент пишет ему под копирку: «Ваш подвиг — это пример доблести и самоотверженного служения своему народу». Эх, если бы Зяма мог сказать: «Я служил *своему* народу» и мог быть правильно понят!» С чего бы Зяме срываться с места и лететь через Атлантику? Я в послевоенные годы был школьником и столько раз слышал от соучеников, что евреи всю войну за русскую ж... прятались... Уж не с подачи ли Сталина пустили в народ эту фразу?

Отец моего приятеля Яши после ранения в голову в 1942 году попал в госпиталь в Семипалатинске и почти год не мог даже стоять. Наконец, врачи и сестры его выхаживали, и он снова был направлен на фронт. Ехавшие в одном вагоне солдатики сразу распознали в нем еврея, и на его контуженную голову посыпались угрозы и ругательства, за то, что он до 1944 года отсиживался в тылу. Решено было общим коллективом выбросить его из вагона, и если бы не капитан, выбросили бы на полном ходу. Три раза солдаты пытались совершить самосуд, и три раза капитан давал предупредительный выстрел...

Прислали мне, бедняку и шлимазлу «Hammacher Schlemmer» каталог. Его можно читать и изучать, как самую современную фантастику. Представьте — шариковая ручка с вмонтированной крошечной видеокамерой, микроскоп, дающий увеличение до 200 раз в форме ручки — направляй, куда захочешь, разглядывай монеты и марки, пробу золота и серебра и вообще всё, что душа пожелает, электрический персональный транспортер, куда можно встать и ехать со скоростью до 14 миль в час. Впереди крепится корзина для покупок. Если вас беспокоит лай вашего питомца, купите ультразвуковой излучатель в форме скворечника. На каждый брѣх, собака получит пучок неприятного излучения и очень быстро поймет, что молчать приятнее.

И так далее, и так далее от простейших предметов быта до чудес электроники.

Борис Николаевич однажды присутствовал на конференции, где докладывались материалы по физике твердого тела. В передних рядах он видел Льва Ландау. Тот сидел, почти отвернувшись от сцены, и с кем-то беседовал. Доклад Шестакова тем временем шел, и было ясно видно, что докладчик очень нервничает оттого, что Ландау не слушает его. Едва успел Шестаков поставить точку, как Ландау повернулся к нему и громко объявил на весь зал, что выводы работы совершенно неправильные. Потом последовал перерыв, все пошли покурить и поболтать в кулуарной обстановке. Шестаков чуть ли не со слезами на глазах подошел к Ландау, протягивая ему доказательства своих выводов: «Вы хоть взгляните, Лев Давидович, посмотрите...»

Ландау демонстративно спрятал руки за спину и отвернулся.

— И ведь Дау, злой черт, оказался прав, — смеясь добавил Б. Н. — Шестаков неточно задал граничные условия.

Для тех, кто не знает.

Ракетный дивизион держит на боевом дежурстве шесть подвижных ракетных установок «земля-воздух» среднего радиуса действия для поражения целей, пересекающих

границу СССР без опознавательного знака «Я свой». Любое Российское воздушное судно имеет этот знак, который обновляется каждые сутки. На вооружении дивизиона находятся три ядерных боеголовки, из которых одна сутки участвует в боевом дежурстве, а две других контролируются дозиметрическими приборами. Служба в ракетном дивизионе не пыльная, но страшно нудная с регулярными ночными вахтами.

В одну из темных осенних ночей часовой с вышки позвонил на командный пункт и доложил, что дверь в хранилище боеголовок полуоткрыта и в помещении горит свет. Старший лейтенант Паньков пытался связаться с командиром дивизиона капитаном Степановым, но жена его злобно отвечала, что капитан со службы вечером не возвращался, и нечего Панькову будить добрых людей среди ночи. Что оставалось делать? Паньков велел наряду взять автоматы и поспешить за ним. Перед дверью он распорядился взвести затворы, вытащил из кобуры пистолет и они тихо вошли в хранилище. Капитан Степанов спал на самодельном ложе, устроенном из двух тележек для перевозки боеголовок. В правой руке капитан стиснул пистолет Макарова, в левой — горлышко почти пустой бутылки водки. Паньков дал знак навалиться всем сразу и обезоружить начальника, что и было сделано, как в лучших американских боевиках. Капитан продолжал спать. Тогда Паньков послал бойца за ведром воды, и, спустя пару минут, началась процедура отрезвления. Капитан приходил в себя медленно. Наконец, он открыл глаза, и тогда Паньков начал длинный матерный монолог, что капитан перешел все границы, и его подчиненный просто обязан составить рапорт. Степанов молчал, хлопал глазами, позволил себя обыскать и отобрать ключи. После этого Паньков вызвал газик, и начальника повезли домой отсыпаться.

Ю. К.-у., который меня жестоко высек за критику мадам Св-ой, по-видимому, показалось мало наказания, и он прислал мне отеческое поучение, что есть патриотизм. Приведу отрывок с его собственной орфографией и пунктуацией:

В моем понятии патриотизм — не слепая любовь и преданность стране, в которой живешь, а нечто другое. Это нечто другое включает боль и страх за страну, в которой происходят и *узаканиваются* бесчеловечные посягательства властей на свободу и саму жизнь граждан страны. Патриотизм в моем понимании — стыд за содеянные преступления и необходимость эти преступления выявлять и обнародовать. Патриотизм в моем понимании — не бояться страшных жестоких слов и признаний в дьявольских массовках, организованных властью. (*Если бы я был Станиславским, я бы сказал знаменитое «не верю»*)

Тебя взорвала формула «народ — мразь». Именно она и породила то недоразумение, в которое ты попал, не разобравшись в сути статьи Св-ой...

Я должен тебя *переадресовать* к работам Чаадаева, Герцена, Салтыкова Щедрина, Белинкова, Синявского (*Стохастический набор, как говорят в науке — А. Т.*). Не только потому, что статья Св-ой написана вполне на уровне работ этих великих мыслителей. А потому ещё, что в своей критике современной им России они использовали эпитеты похлеще того, что ты *узрел* у Св-ой. Я надеюсь, что ты не причисляешь, как делали и делают многие, *указанных выше* писателей к рангу ненавистников России. Я считаю их, почти единственных, подлинными патриотами России. И в эту же *группу* по праву входит Александра Св-ва.

Что тут скажешь?..

Патриотизм — это именно слепая, почти инстинктивная любовь, как всякая истинная любовь, любовь вопреки недостаткам. Иное дело «советский патриотизм» — штамп, оправдание ненависти к другим народам. Мы расходимся с моим знакомым настолько, что просто нечего нам обсуждать, однако сам текст, манера подачи материала свидетельствует о многом.

Канцелярский стиль, шаблоны мышления, пустые ссылки говорят о многом. Он, думается, не читал большинства из рекомендуемого списка «великих мыслителей», да

и не понимает сути слов *великий мыслитель*. Я затруднился бы назвать кого-либо из пяти великим.

Если бы меня спросили, кто из русских является великим мыслителем, я ответил бы — биолог Вавилов, химик Меделеев, физик Ландау, писатель Достоевский. А вообще — что это за специальность — мыслитель? Это ведь скорее — тоже просто штамп, клише. Великий мыслитель — и того хуже. Это штамп недавнего нашего прошлого. Кто был Великим Мыслителем? — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Так что надо бы поосторожней с ярлыками...

И последнее, — сторонитесь полуобразованцев, которых, кстати, презирал Достоевский, живите собственным умом. Да будет здравый смысл вашим основным подспорьем.

Уверяю вас, дорогие читатели, что анализ текста может вам сообщить очень многое о личности пишущего, его образованности, его характере и уме, когда вы располагаете достаточно большим словесным материалом общего характера. Обычная поздравительная открытка вряд ли годится.

Обдумывая текст Ю. К., я вспомнил, что однажды он сообщил очень доверительно, что в переводе Пастернака нашел ошибку, — неверный перевод письма Гамлета к королю, когда принц тайком высадился на Датский берег. Я усомнился и пошел в библиотеку. Естественно, Ю. К. порол чушь. Мне бы тогда прижать его, но я дорожил нашими недавно возникшими теплыми отношениями и смолчал.

Молчал я и тогда, когда он травил нам байку, что с раннего детства не может переваривать свинину и даже, когда не знает, что съел её, ему становится плохо. Этаким сверхеврей, больший католик, чем Римский Папа.

Когда-то он рассказывал, что в Израиле познакомился с одним парнем, обладающим чудовищными паранормальными способностями: он гнул вилки и ложки усилием воли, взглядом плавил мельхиоровый сплав (медь плюс никель), вел машину с завязанными глазами и прочее. Гнутые ложки и вилки я видел в его доме, но не могу избавиться от подозрения, что в его рассказе присутствует преувеличение,

---

недостоверность. Вот так. Рассказу Гесселя Левина поверил, а тут нет, не верю.

Ю. К. уехал из СССР в США в 1976 году, по специальности он инженер-электрик и легко нашел работу, освоил английский язык, написал автобиографическую книгу (на русском), имеет много друзей-литераторов. Вполне достаточно для самоуважения, но он ведет себя, как сказал бы мой приятель Яша, *торжественно*. Он не сообщает, а изрекает и, как видим, порою на уровне школьного сочинения.

На закуску хочу привести отрывок из книги Ю. К., с комментариями, естественно.

«...Мы же, со своей стороны, не должны смешиваться с другими, ибо религия, история и инстинкт сохранения *вида* (!) не советуют это делать. И когда нас силой смешивают браками или крещениями, понимаем мы, что не поднимают нас этим до уровня передовых, не ассимилируют для нашего же счастья, а уничтожают. Не мгновенно, но навсегда. И посему, выкрестившиеся евреи веками передают потомкам муки свои и сознание греха, совершенного ими или над ними, ибо глубоко в душе, наедине с Всевышним просят они прощения за главный грех, который еврей может совершить — перестать быть евреем...»

Прочтя этот отрывок, вы можете подумать, что Ю. К. есть свирепый ортодокс, сидящий день и ночь над Торой, отвернувший глаза и уши от презренного бренного мира и открывший душу Господу Единому ради вечного спасения. — Ничего подобного! Ю. К. — самый заботливый друг, теплый родственник, остроумец за столом, любитель выпить, щедрый даритель подарков. Так что простим ему сочиненное ради него самого.

Евреи принадлежат к тому же виду, что и чукчи, то есть *homo sapiens*. Никто силой их к смешанным бракам не принуждает. Мои сокурсники Дэвик Р., Саша В., Борис Ш, Яша Г. и другие женаты на русских женщинах, родили с ними по два ребенка и счастливы нормальным человеческим счастьем. Верить во всю эту дребедень с Всевышним им было некогда, они всегда были очень заняты наукой,

---

производством, семейными обязанностями. Они поженились, потому что любили своих первых и последних избранниц. Сам напыщенный стиль отрывка отбивает охоту обсуждать его серьезно.

И что такое — быть евреем?

Носить пейсы, кипу, рожать детей бессчетно, бездельничать в субботу, не смешивать мясное и молочное? Но ведь это ответ на совершенно другой вопрос: Как стать религиозным евреем, как быть им всю жизнь? А вот, как быть просто евреем без религиозных заморочек? — Предпочитать зубную пасту из Тель-Авива всем остальным? Читать книги только еврейских авторов и только на иврите или идише? Прощать все несутражности и дрянные поступки любому еврею и ненавидеть за то же самое человека другой нации? Обязательно жить в Израиле?

Родиться евреем можно и очень даже легко, но как можно им *быть*, когда вопрос должен быть задан совсем в другой плоскости — *как быть* просто порядочным человеком? Это ведь дьявольски трудно!

Тема патриотизма неисчерпаема. Скажите, разве вы не были счастливы в день запуска Юрия Гагарина в космос? Мы, студенты четвертого курса, понимали, что первый полет человека в космос есть дело рабочих рук, инженерного мышления и предварительных многочисленных экспериментов ученых, а руководящая роль КПСС есть идеологическая дешевка.

Как ни бездарно управляло страной царское самодержавие, никогда бы в газетах вы не прочли в передовой статье: «Благодаря руководящей и направляющей роли Его Императорского Величества, Самодержца Всея Руси, Императора Александра Второго вчера в Санкт-Петербурге была зажжена первая в мире электрическая свеча, изобретенная учителем физики Яблочковым».

Да, мы гордились полетом Гагарина, и хотя это банально — вообще, чем больше вкладываешь сил и ума в свою страну, тем она тебе дороже. Так это было и с людьми

ми, которые подняли Израиль из праха тысячелетий и защитили его от мусульманских банд. Вот так, банально, историческая родина становится твоей родиной. Будем откровенны. Пока вы не приехали на историческую родину и не пролили свой пот и свою кровь на её полях, ваше высокопарное пожелание вернуться к земле предков есть штука умственная, не более. Желание вернуться может быть вызвано неблагополучной жизнью в диаспоре, политическими причинами. Многие, очень многие, получив разрешение выехать, изменили маршрут и направились в страны Европы и Америки. В их тостах на Пасху одно лицемерие. Они вовсе не торопятся на свидание со своей исторической родиной. Они очень ценят свои поездки туда: «Я был в Израиле три... (четыре) раза, стоял у стены Плача (*вовсе не плача* — А. Т.). Как правило, эти люди очень агрессивны в разговорах.

Не надо ли нам всем благословлять изгнание, двух тысячелетнюю диаспору?

Никто не сочтет, сколько ассимилировалось, сколько размножилось в тайных и явных союзах с неевреями, формально оставаясь иудеями, сколько забыло веру отцов и потеряло веру в возрождение на земле далеких предков. Но дело не в этом. Дело в том, что даже те, кто сохранил веру и религиозную культуру в чистоте, привыкли к жизни в питательной среде других народов, которые временами относились к евреям вполне сносно, а временами очень плохо.

Жизнь среди «чужих» отточила способности к приспособлению, выживанию в экстремальных условиях и достижению успехов с помощью усиленной работы мысли. Постоянная из поколения в поколение тренировка мозга вывела евреев в число наиболее талантливых народов.

Рассечение по всем странам мира сделало народ диаспоры неистребимым. Гитлер в своё время поставил перед немцами непосильную задачу. Окончательно решить еврейский вопрос невозможно. Для этого необходимо завоевать весь мир и установить тотальный контроль за процессом выявления и уничтожения всех явных и скрытых евреев.

Задача планетарного масштаба, непосильная даже для педантичных немцев.

Собрание всех евреев в Израиле долгое время было мечтой и воодушевляющей политической задачей, и вот они собрались (далеко не все) и создали национальное процветающее государство, об уничтожении которого только и думает окружающая многомиллионная арабская масса. Пора изменить традиционный тост: «Сегодня в Иерусалиме, а на следующий год, может быть, на небесах»

Искренне сочувствуя своей прародине, евреи всего мира большей частью остаются жить в диаспоре и останутся там навеки. Вот так же Советская власть в 1934 году выделила евреям для компактного проживания огромную территорию, которая и сейчас называется Еврейской автономной областью. Никогда за всю историю СССР поголовье евреев не превышало там 7%, а ведь там и климат получше, чем в пустыне, и полезных ископаемых не счесть, леса, реки, горы — только работай! Нет! Нам и здесь, в Центре хорошо. В тесноте и в обиде — хорошо!

Мне могут возразить — евреи не дураки бросать Москву, Киев, Ленинград и ехать в неизвестность, в неосвоенные, дикие места. — Евреи оказались достаточноными дураками в начале 20 века, поехав из Европы в пустыню, где их ждали голод, болезни и дикие народы.

Кто может сосчитать, сколько романтиков погибло, не выдержав страшных испытаний? Какой высокой ценой куплено право жить на земле предков? А что мы знаем о той далекой земле — не была ли она и во времена царя Соломона нищей землей скотоводов, превращенной романтиками в рай на земле всего несколько десятилетий назад?

Значит, есть в диаспоре такие преимущества, которых нет и не может быть при компактном проживании в масштабах государства. Евреи мешают друг другу!

Они должны чувствовать себя закваской в мировом брожении. Они обостряют конкуренцию и побеждают в ней, несмотря на всяческие незаконные приемы против них. И, кроме того, определенный процент постоянно ассимилирую-

---

ется, сливаясь своими древними генами с генами молодых народов. Евреи неистребимы!

Рузвельт считал, что свобода народа тесно связана с его благосостоянием. Этот принцип можно было бы назвать первым законом истории. Лермонтов сказал не хуже: «...нищета — душа порока и преступлений».

Выступавший в телепередаче «Академия» профессор политических наук утверждал, что история есть наука, в которой отсутствуют законы, и есть лишь повторяемость событий, но каждый раз в другом обличье.

Я думаю, что наука без законов есть нонсенс.

Профессор далее утверждал, что славянам достались неплодородные земли Восточной Европы, и поэтому Россия развивалась вширь, а не вглубь и всегда оставалась страной бедных. Обратное же, религиозный контакт с Западом был утрачен, да и православие было не Византийское, а Болгарское. К слову, об этом же сокрушался еще Чаадаев. Короче — в создавшихся условиях ничего лучше самодержавной абсолютной власти (в том числе и пролетарской диктатуры) придумать так и не удалось.

Знакомая старушка жаловалась, что в «Stay Well» («детский садик»), куда её изредка привозит муж, она вызывает злобу у соседок тем, что не участвует в их сплетнях, а сидит неподалеку и читает книги. Стоит одной из «подруг» удалиться, как остальные тут же принимаются злобно о ней сплетничать.

— Почему они такие злые? — удивляется знакомая, — ведь у них всё, абсолютно всё есть!

Какое потрясающее совпадение! Сегодня слушал лекцию по космологии. Молодой парень, кандидат физ.-мат. наук говорил, что Вселенная состоит из протонов, электронов, нейтронов, атомов и молекул только на 4%, а 73% — это темная энергия и 23% — темная материя, и сегодня же вечером в русских новостях прочел материал об обнаружении

гравитационной линзы (линзы Эйнштейна) в галактическом скоплении Abell 1689, подтверждающей существование темной энергии!

В нашей местной библиотеке лет пять назад заметил толстенную книжищу «АнтиЭйнштейн», попытался читать, но ни формул, ни выводов не обнаружил, зато нашел полные злобы инвективы в духе 1948 года. Эту звериную брань писал доктор физико-математических наук, фамилии которого я не запомнил, да и не хотел бы помнить — пусть он канет в прошлое без следа. Триумф Эйнштейна очевиден, и даже его «ошибка» пошла на пользу астрофизике, ибо слагаемое в ставшем знаменитым теперь уравнении, перенесенное из правой части в левую, блестяще подтверждает существование темной энергии.

Лекция о геноме человека и перспективах использования новой информации для избавления человечества от десятков или даже сотен ужасных врожденных пороков развития. Генная конституция личности является очень важной информацией, как для её носителя, так и для общества, особенно если учесть, что личность может стать руководителем коллектива или даже государства. Так неожиданно в конце лекции мы приходим к чисто социологическому подходу: что стоит во главе угла — право личности на закрытую от всех информацию или право социума, которое выше права личности.

Западная демократия и авторитарные государства, как бы иллюстрируют эти два принципа, которые складывались в течение столетий.

Еще в самом начале XIX века обсуждались два пути развития России — один путь поддерживал историк, писатель и общественный деятель Карамзин, основатель консервативного, славянофильского направления; второй, реформаторский, западный путь поддерживал Сперанский.

Профессор Пивоваров, который очень не любит западника царя Петра, цитировал предсказание Маркса, что Петр заложил бомбу в политическое устройство России,

---

и эта бомба в определенный момент времени должна взорваться с катастрофическими для страны последствиями. Я об этом мнении Маркса никогда не слышал.

Мне же кажется, что если бы не Петр, — была бы Россия сейчас чем-то вроде Афганистана со всеми прелестями отсталой во всех отношениях страны.

Интересно, смогут ли лет через пятьдесят определять, склонен будущий ребенок к паранойе или нет. Ходят слухи, что Сталин страдал паранойей и бесчисленные жертвы есть результат болезни диктатора.

Читаю с карандашом в руках книгу Дмитрия Быкова — жизнеописание Б. Пастернака. Воистину — «Другие по живому следу пройдут твой путь за пядью пядь...». И вот, я на 98 странице читаю: «Пастернака не понимали потому, что не доросли...». Как нам всем знаком этот штамп высокомерия филологов по отношению к читателям!

На той же странице: «Пастернак темен, когда сам не до конца понимает ситуацию...»

Получается, что поэзия — это шаманство и слово *«понимать»* является индикатором непроходимой филологической глупости, ибо речь идет не о смысле, а о чувствах, сопереживании. Если вы не умеете определить массу газа в баллоне по показаниям манометра, значит, вы *не понимаете* формулу, описывающую состояние газа. Если лектор не может вам внятно объяснить, как пользоваться этой формулой, значит, он сам *не понимает* закона газового состояния. И всё!

На закуску последняя цитата с той же страницы — «Темноты и многословие его текстов в двадцатые — путанные показания непосредственного свидетеля, томимого вдобавок чувством собственной неуместности». Вот всё и разъяснилось, и дорастать до некоего уровня совсем не нужно.

Еще раз вспомним «Черный квадрат», перед которым с глубокомысленным видом стоят по полчаса знатоки искусства. Сказка о голом короле вечна!

Однако следует поставить последнюю точку над *i*. Достаточно эрудированная читательская масса, потребитель

поэтической продукции, ищет в стихах красоты и гармонии, афористичности и мудрости и ей, за исключением единичных персон, совершенно наплевать на всяческие тропы, размеры и типы, мужские и женские, трехстопные и пятистопные ямбы, и всяческие профессиональные тонкости. Для таких разборов существуют профессиональные сборники и журналы, где поэты и критики могут обмениваться достижениями. Если кому-то из читателей это тоже интересно, никто не возражает. Купи и читай на здоровье. Мы же, обычные образованные люди, желаем, чтобы нам было интересно, чтобы литература будила мысль, фантазию, вызывала возвышающие эмоции. И чтобы нам не говорили, что нужно дорасти до какого-то стиха. Никто ведь не принуждает литераторов дорасти до физических основ нелинейной оптики, а лазером сегодня пользуются все.

Отчего некоторые из нас регулярно читают стихи? — Может быть, от потребности испытать эмоциональный подъем?

О занятиях философией рассказывает Ирина Одоевцева. Гумилев в те годы считался мэтром, он был главой акмеистов. Это он требовал от неё читать, изучать философов. Лет пять назад я перечел стихи Гумилева. Большинство из них показались мне вырезанными из картона, безжизненными. Евтушенко в «Огоньке» под редакцией Коротича привел, на мой взгляд, лучшие стихи. «Заблудившийся трамвай», самое сильное стихотворение, даже тогда, в начале перестройки казалось редакции слишком острым. В целом никаких следов чтения философов я в творчестве Гумилева не обнаружил. То ли дело Омар Хайям — что ни четверостишие — шедевр мировоззрения, приправленный вином и шутками. Вот так надо подавать к столу поэтические блюда.

У нас всех, неспециалистов в области поэзии, совершенно различное восприятие поэтического творчества. Споры о том, как понимать тот или иной шедевр современных поэтов, уже объявленных гениальными, порой так остры, что могут привести к серьезной ссоре. Может быть, это остат-

---

ки советского мышления, не знаю. Говорил с Яшей о книге Быкова «Пастернак» и сказал, что поэты пишут для читателей, а не специалистов, и услышал: «Категорически с тобой не согласен. Поэты пишут для специалистов, ибо только они могут оценить по достоинству труд собрата по профессии». Я, лично, не раз читал совершенно противоречивые мнения «собратьев» и видел, что они бывают очень пристрастны, очень несправедливы. Так за кем же следовать? К чьему мнению прислушиваться? К мнению большинства? К мнению самой последней статьи? Стать на колени перед авторитетом?

А как же Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Блок? Неужели мнение Дельвига было решающим для Пушкина? А для Блока решающим было мнение Бальмонта? Если копнуть историю развития поэзии, то право на темные места и невнятицу было завоевано футуристами, а знаменосец футуризма, сбросивший его, как продырявленный носок, Маяковский писал ясно, прозрачно и умно, оставив доедать объедки придворным. Что же касается мнения поэтов, то истинную силу стиха проверяет его величество Время. Вот, Хайям по человеческим масштабам почти бессмертен. Даже в переводах:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Или вот ещё:

Меня философом враги мои зовут.
Однако — видит бог — ошибочен их суд.
Ничтожней много я: ведь мне ничто не ясно,
Не ясно даже то, зачем и кто я тут.

(Перевод О. Румера)

Давайте теперь поговорим о чем-нибудь масштабном, к примеру, как нам землянам подготовиться к столкновению с большим космическим телом, скажем, в кубическую милю.

Разрушения будут настолько ужасны, что мы можем вновь оказаться в каменном веке, только животных почти не останется. Так что же нам бедненьким делать? — Готовиться! Начинать сегодня!

Клонировать талантливых людей, быстрее двигаться в изучении генома человека, животных и растений, придумать технологию консервирования генного материала. Создать аппаратуру, которая автоматически будет выращивать человеческие эмбрионы в условиях космической станции.

Подготовиться к жизни без электроники и даже электричества, спуститься в 18 или даже 17 век. Создать новые технологии по изготовлению простейших орудий труда. Создать фонд наиболее стабильных лекарств и разработать условия их длительного хранения (1000 лет). Выбрать самоопыляющиеся растения, потому что насекомых не будет. Создать хранилища металлов и химикатов на первые 500–1000 лет. Начать строить подземные хранилища на глубине 500–1000 метров. Очень хороши для этой цели залежи каменной соли. Создать книжный фонд по науке, технике, медицине и др.

Даже батарейки нас не спасут, они разрядятся через пять (максимум) лет. Значит, надо хранить раздельно электролит, аноды и катоды.

У Д. Быкова читаем:

«Не будет большим преувеличением сказать, что крах русской революции был обусловлен не социальными, а биологическими причинами. Оказалось, что добро и зло в человеке увязаны крепко и хитро; что уничтожая пороки, революция уничтожила и добродетели».

Если приготовить суп из филологии, философии, социологии и биологии (биохимии), то есть его невозможно. Категории добра и зла не могут сидеть в человеке, как гормоны, которые побуждают к поступкам или мыслям. Однако метод аналогий с органическим миром весьма иллюстративен. Представьте себе пруд, который постепенно зарастает тиной. Внутри пруда идет непрерывная молчаливая борьба за выживание между растениями, живыми существа-

---

ми с одной стороны и водорослями тины, другими живыми существами — с другой. Как правило, тина побеждает, но в конечном итоге гибнет, как экологически равновесная система, сам пруд.

Что касается революции, — это тоже процесс. Ленин, пролив моря крови, понял, что нужно вновь разрешить частную собственность и предпринимательство, начал реформы, но не успел, умер. Тупоголовые ученики вновь развернули корабль по прежнему курсу, да еще заклинили руль. Последствия известны всем. Крах революции (революционных преобразований) есть следствие отсутствия гибкости управления, отсутствие обратной связи, то есть несоблюдение законов экономического развития, а вовсе не биологических.

Письмо Пастернака к жене в 1926 году:

(Всё это время его страшно раздражала распаренная, жаркая, мещанская Москва — и в особенности разраставшееся еврейское население — *Д. Быков*)

«Как всегда тяжело и сложно будет нам с тобой: кругом почти сплошь жидова и — это надо послушать — словно намеренно в шарж просятся и на себя обличенье пишут: ни тени эстетики. Стоило ли Москву заполнять! Скоро десятый год, хоть бы говорить и вести себя с тактом научились! (То, что Пастернак говорит о «десятом годе» — ясно указывает на то, что революцию он воспринимал отчасти как еврейский реванш, как стремление вырваться за черту оседлости — но вот вырвались, а что дальше? — *Д. Быков*) И безысходное по неутешности сознание, что за самого последнего, уже на грани обезьяны, за всё его безобразье — ты до конца дней — ответчик. Он будет грушу есть и перекашиваться в ужимках — а ты нравственно отдуваться за его крикливое существование...»

Ну, прямо хоть в эпитафию ставь. Лучше не скажешь. Это же наше сегодня. Вот так приехавшие и получившие всё сполна от США ни за какие заслуги, вот так они себя ведут в магазинах, в ресторанах, в созданных для них домах отдыха и в поликлиниках, почему-то называемых «русскими». Ни стыда, ни совести, ни английского язы-

---

ка, ни идиша, ни иврита — весь позор, который мы слышим, — на русском!..

Шел по лезвию ножа,
Спотыкаясь и дрожа.

Чего только не сочинишь, почитав Даниила Хармса. Уж не он ли является отцом черного юмора? Есть у него «Случай». Если бы не кажущееся желание автора рассмешить, его можно было бы считать самым трагическим писателем в мире. Судите сами:

№2 — Орлов объелся толченым горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла....

№3 — Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась... Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая...

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

(Прямо-таки хочется добавить: «А знаете ли вы, что у алжирского бея под носом шишка? А. Т.»)

№4 — Мы спорили бы очень долго, но, по счастью, тут со скамейки свалился какой-то ребенок и сломал себе обе челюсти. Это отвлекло нас от нашего спора.

№11 — Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его...

№12 — Калугин заснул и увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

...Калугина сложили пополам и выкинули его как сор.

№18 — ...Толпа волнуется и, за неимением другой жертвы, хватает человека среднего роста и отрывает ему голову. Оторванная голова катится по мостовой и застревает в люке для водостока...

№22 –...Тогда Тикакеев выхватил из кошелки самый большой огурец и ударил им Коратыгина по голове. Коратыгин схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продают теперь в магазинах.

№29 «Начало очень хорошего летнего дня» напоминает картину Босха «Ад». Полная деградация всего и вся. Зло и жестокость.

Разлитый по сборнику «Случаи» ужас постепенно начинаешь осознавать, как редкий по мастерству реализм. Именно так нормальный и образованный человек воспринимал окружающую его действительность в тридцатые годы.

№28 — «Анекдоты из жизни Пушкина». — Идиотизм анекдотов пародирует народные анекдоты про Пушкина, которые, кстати, иногда сказывались в рифму: На высоком берегу Дуная Пушкин с..л на Николая (Имеется в виду царь Николай Первый).

Другой анекдот: Пушкин нагадил в часы (?). Николай Первый не может понять, отчего они не ходят. Пушкин: «Тикали, такали, взяли и накакали».

Народное творчество налицо.

Эти народные анекдоты я слышал в пионерском лагере в 47–48 годах. Вообще в них непременно участвуют продукты выделения, причем Некто обязательно метко попадает кому-то на голову или в лицо. И это близко к правде! Художник Анненков пишет, как он приехал на свою ухоженную дачу под Петроградом и обнаружил, что в ней на постое были красноармейцы. Человеческий кал был повсюду — даже в вазах и на люстре.

Увы, это был всё тот же народ, который возводил храмы и прокладывал железные дороги, создал янтарную комнату в Екатерининском дворце и малахитовый зал в Эрмитаже, народ, который не поддался Бонапарту, а позже и Гитлеру.

Моя мама всегда стремилась создать уют. Так в нашу комнату в 17 квадратных метров попал солиднейший полированный гардероб с огромным зеркалом на морде. В тон к нему мама купила большие деревянные, тоже полированные часы с музыкальными пружинами внутри. По замыслу изготовителей часы должны были бить «бим-бом» каждый час. Я спал на раскладушке антипараллельно софе, где после суеты трудового дня спали родители. Софа подпиралась детской кроваткой, где крутилась во сне моя сестренка. Каждый раз перед тем, как расставить раскладушку, я должен был вместе с папой отнести круглый стол в конец комнаты, чтобы не портить намазанный мастикой паркет. Правда, у меня был выбор — расставить раскладушку в шестиметровой кухне. Но там воняло всякой снедью и, кроме того, папа вставал очень рано и начинал скакать через меня то с яичницей, то с чаем. Я слышал, как он жуёт и глотает, позванивает ложечкой по стакану, и не любил ни его, ни нашу счастливую и дружную семью. Вставал утром злой, как черт, и говорил маме дерзости, а она ругала меня, одевала сонную сестренку, которую нужно было закинуть в садик по дороге на работу, делала макияж и спешила проглотить бутерброд с чаем.

В день, когда часы с боем «бим-бом» взгромозили на гардероб, я привычно расставил раскладушку и заснул здоровым сном студента-троечника, не взирая на суету родителей на кухне.

Уличный фонарь отражался в зеркале гардероба, которое всю ночь отражало свет прямо мне в глаза, но я привык спать на боку. Проснулся я ровно в двенадцать часов ночи от мрачного боя «бим-бом» и мне спросонок показалось, что зеркало падает на меня. Утром я заявил маме, что я эти часы я уничтожу, на что мама, сжав побелевшие от злости губы, ответила: «Только попробуй!»

Конечно же, пробовать я не стал, испугался. Позже я заметил, что часы бьют в ритме известного стихотворения в переводе С. Маршака «Шалтай-болтай висел на стене...», и всякий раз под «бим-бом» эти строчки появлялись в моей голове в течение долгих лет, которые я прожил с родителями.

В фильме «Путь» учитель боевых искусств говорит: «Нет прошлого и будущего, а только жизнь и смерть». Умно.

— А что же капитан Степанов? — спросите вы, вспомнив предыдущий рассказик.

Раньше за пьянку в неполюженном месте его понижали в звании до старлея, потом снова давали капитана, но в тот раз чаша терпения у начальства переполнилась, и его списали из армии. Судьба его неизвестна. Некоторые читатели могут подумать, что по пьянке Степанов мог запустить ракету. Пожалуй, что в состоянии белой горячки и мог. Однако взорвать ядерную боеголовку — вряд ли, поскольку для этого необходима команда с трех независимых точек. Тем не менее, при ударе ядерной боеголовки о землю где-нибудь в Скандинавии, могло произойти рассеяние радиоактивного заряда и заражение местности. Тоже не слабо.

Смотрел по русскому каналу передачу о толерантности. Выбрали четверых достаточно известных людей, которые с важным видом несли в массы свои домыслы. Спор, как это часто бывает в России (а может быть, и не только в России) вдруг уперся в вопрос, что есть Истина? Один священнослужитель, бывший художник-модернист сказал, что истина одна — Христос, вызвав горькую и мудрую еврейскую улыбку на лице Людмилы Улицкой, ответившей: «Что вы, истин много...». В результате, оказалось, что толерантность отсутствует даже в кругу четверых деятелей культуры и религии. Ну, прямо хоть вызывай дух Ленина: «Истина всегда конкретна!» Они же твердили ту половину ответа, которую помнили со студенческой скамьи: «Истина есть процесс...». Наконец, Улицкую осенило: «Давайте говорить о толерантности в быту». И тут все её поддержали, но время передачи кончилось.

Мой друг С. рассказывал, что когда он тужился закончить курс мехмата для инженеров, у него часто не хватало времени решить задачи контрольных работ вовремя. Однажды доцент стал вытягивать у него из-под локтя листок с задачами, и С. сказал, что он знает, как их решать, про-

---

сто не успевает. На это доцент надменно ответил: «У нас все студенты делятся на тех, кто успевает вовремя и тех, кто не успевает».

Возвращаясь к стихам Омара Хайяма, думаешь о том, какой подарок от жизни получает тот, кто прожил дольше, скажем, 85-летний по сравнению с 75-летним. Что это за годы от 75 до 85? Прежде всего, это боли во всем теле — суставы, мышцы, позвоночник, внутренние органы. Неловкое движение и вот — радикулит, третья рюмка водки и вот — сердцебиение, поел мяса и вот — запор и так далее. Зубы держатся плохо, откусил кусок черствого хлеба и вот — сломал зуб. Волосы на голове выпадают, зато в носу и на ушах разрастаются безобразные пучки, на коже высыпают разноцветные родинки, коричневые пятна. Память становится причудливой; отлично помнишь события сорокалетней давности, но не помнишь имени человека, с которым провел вчера весь день. Пишешь список продуктов, которые нужно купить в гастрономе, и забываешь список дома. Идешь на кухню, ставишь чайник на плиту и забываешь включить нагрев. Если, не дай бог споткнешься и упадешь, превращаешь свое тяжелое тело в отбивную котлету. Короче, — десять лишних лет мучений перед вечным сном.

Давайте! Возражайте! — удовлетворение от детей и внуков, от хорошо сделанной в незапамятные времена работы, воспоминания об огневых женских ласках, о свежем лесном воздухе, о походе на полярный Урал, рассматривание пожелтевших фотографий молодости, красоты и силы. А теперь взгляните в зеркало — старая, облезлая обезьяна с мутным взором и пучками плохо выбритой бороды. Возражайте! — есть люди, которые в 80 лет еще творчески активны, есть актеры, которые в 75 лет женятся на 25-летних и делают им детей. Согласен — есть. Однако большинству не помешали бы памперсы. Старики и старухи, увы, воняют и потому должны каждые 12 часов мыть своё тело с мылом. Большинство стариков и старух — существа злобные, завистливые, недоброжелательные, эгоцентричные — ре-

---

зультат склеротических изменений мозга и отрицательного опыта общения с окружающим миром.

Ах, если бы вернуться и прожить эту разницу в десять лет там, в стране молодости, обменяв жизненный опыт и мудрые страхи всего и вся на телячью беззаботность! Пройти весь путь следом за Фаустом, а потом уйти мгновенно, но с сознанием, что ты прощаешься навсегда.

И не надо тряпичной соски с бессмертием.

Ладно, шутки в сторону. Позвольте задать несколько кардинальных вопросов. Вы действительно верите, что Некто, именуемый на разных языках, создателем, отцом всего сущего, господом богом, аллахом и прочими именами, существует? Неужели снимки телескопа Хаббла, элементарные частицы, геном человека и клонирование, атомная энергия, вычисленный и подтвержденный возраст Вселенной в 14 миллиардов лет и прочее, и прочее мирно уживаются у вас в мозгу с идеей Господа Бога – хозяина всей видимой и невидимой сущности? Куда верующие дели эпоху динозавров, о существовании которой ни одна из священных книг даже не упоминает?

Как это возможно, чтобы Всемогущий, который мог испепелить в мгновение ока весь Египет, возюкался с ним, насылая на него какие-то дурацкие казни, велел евреям мазать двери кровью ягнят обязательно мужского пола и прочее? Что это за Властелин Вселенной, который неспособен заставить своих подданных соблюдать хотя бы пять из десяти заповедей?

Таких вопросов каждый может задать сотни, но почему-то никто не задает. Вот в чем основная загадка. Зачем народу Соединенных Штатов верить в то, чего нет и быть не может? А ведь ни один достойнейший человек не станет президентом США, если избиратели усомнятся в том, что он добрый христианин.

Что случится, если миллионы мусульман прекратят колотить башкой о каменный пол перед стеной, за которой ничего нет? Безумный мир, безумный мир! Убивают и кра-

---

дут, насилуют и заражают друг друга, гадят и портят всё живое — и при этом ходят и молят пустое пространство, чтобы оно их пощадило. Дошло до полного абсурда — президенты стран и видные политические деятели осеняют крестом животы перед телекамерами ради пиара (public relations). Неужели вы не понимаете, насколько это всё глупо и комично выглядит?

Во что же верить?..

А что, если Нечто возникло в процессе становления планеты Земля из неорганической материи и обрело сверхразум? Что если Нечто догадалось, что можно создать органическую жизнь и придать ей подвижность? И теперь Нечто ждет, чтобы высокоорганизованная органическая жизнь заселила космос, а все мелкие перипетии развития – войны, революции, эпидемии, личные и коллективные заблуждения Его не интересуют и не трогают, ибо Нечто существует на земле миллиарды лет. Все мы – тонкая пленка на поверхности крошечной планеты, и наше оправдание в познании Вселенной. Большинство из нас – дураки и лентяи, но и они служат великому делу, ибо являются генным материалом, из которого, пока лишь случайно, появляются единичные гении. Наша задача на планете – не бить пустые поклоны, а работать и усердно учиться.

Если под сомнением существование Всевышнего, то, вроде бы, всё разрешено... Не знаю, может быть, это можно доказать логически, но пользуясь методом неполной индукции, можно привести множество примеров, когда неверующие показывали пример достойного, благородного отношения к ближнему и самой планете, а верующие занимались всякой мерзостью. Вообще понятия Добра и Зла есть всего лишь философские категории и, как говорил Достоевский, человечество никогда не могло толком в них разобраться. Нормальный обыкновенный человек совершает в течение своей жизни достаточно добрых и злых поступков, как под влиянием внешней среды, так и под влиянием внутренних биохимических процессов.

Одно из моих положений, я знаю, вызовет протест и проклятия на мою голову:

Бог, придуманный (или угаданный) человеком 4 тысячи лет назад, с неполным средним образованием, столь же убог, как сам человек сегодня, но чем дальше будет развиваться человечество, тем дальше оно будет уходить от примитивного и несправедливого Верховного существа, якобы поселившегося крошечный разумный мир вблизи скромной звезды из гигантского скопления звезд. Человечество будет меняться, теряя физиологию животного и расширяя возможности мозга, становясь независимым от органического мира. Это трудно проверить и в это невозможно сегодня поверить. Необходимо прожить еще 10–20 тысячелетий...

Однажды в перерыве между студентами, которых я на-таскиваю на проходной балл, я подумал, что было бы очень хорошо, если бы удалось соединить в некоей фантастической реакции углекислый газ и метан. Однако, помявшись с термодинамикой, я понял, что углекислый газ лежит в такой глубокой потенциальной яме, что его никакими катализаторами оттуда не вытащишь. А вот, жизнь нашла такой путь – от углекислого газа к сахарам и далее к клетчатке. Я полез за подробностями в биохимию и поразился стройности и сложности процесса, руководимого ферментами в самом обыкновенном древесном листе. Прежде листа была сотворена огромная лаборатория с РНК и ДНК и всякой другой органикой, и всё это стройно, как оркестр под руководством дирижера, работало.

С чего же всё начиналось? Я обратил вновь внимание на удивительное вещество, которое питает своей энергией всю биохимию и называется АТФ. Ну, кто теперь не знает АТФ! Любой школьник знает...

Тут я вспомнил, что когда говорил с Богом (был у меня такой рассказик «Разговор с Богом»), я был на Его стороне, осуждая попытки горе-экспериментаторов сотворить в запаянной колбе белковый мир, способный к обмену с окружающей средой. То есть обладающий одним из основных признаков жизни. Теперь же, сидя в аудитории, я смотрел

на структуру АТФ и думал, из чего могла бы она получиться. Вот начало всех начал. Как возник древний сахар – рибоза? Полез в Интернет и тут же наткнулся на работы Бутлерова. Оказывается, сахар можно получить из формалина, или формальдегида по-научному. Ну, уж этого вещества на Земле всегда было предостаточно в периоды вулканической активности, да и в далеком космосе его то и дело обнаруживают. И фосфорной кислоты наша планета может сварить в эти же периоды, сколько пожелаете. Особенно поразительным оказалось то, что фосфатные минералы стабилизируют образование рибозы по сравнению с другими сахарными молекулами. Об этом академик В.Н.Пармон написал в популярном журнале «Химия и жизнь» за 2005 год. А я и не знал. Не знал я и о том, что путь к жизни, по новой точке зрения, как раз должен идти через фосфатные сахара, а не через белки.

Примерно в это же время английские химики преодолели главное препятствие на пути к абиогенному синтезу РНК. Если исследования и далее продолжатся с такой скоростью и такими успехами, то, боюсь, в картине сотворения жизни для всемогущего Господа Бога просто не останется места.

...Еще в те давние времена Земля выбрасывала из вулканов огромное количество синильной кислоты – страшно ядовитого газа. Интересно, что из пяти молекул этой отравы вполне может получиться ядро аденина и если это так, а не иначе – приглашаю всех вас, дорогие мои читатели в Швецию на получение знаменитой Нобелевской премии.

ОБРЕТЁННЫЙ РАЙ

*По великой благодати Его никогда не доставало нам
и не будет недоставать еды во веки веков...*

Блюмкина отец нарек Авраамом, но как во всех еврейско-советских семьях, его звали Аркашей или Адиком. Для облегчения общения с населением.

О том, что он Абрам, Аркаша узнал в первый день первого урока, когда пожилая тетка Олимпиада Петровна выговорила перед всем классом: «Блюмкин Абрам», споткнувшись на втором длинном «а». На партах при этом произошло движение и хихиканье. Пацанчики в свои семь лет уже знали, что Абра́м живет с Са́хой, и они любят б́лынзу и чеснок. Был еще в классе Кацман Давид, но его имя в анекдотах тех лет еще не фигурировало, и класс принял его молча. Карасик Николай вообще прошел за своего, несмотря на специфическую внешность.

— Мама, почему вы назвали меня Абрамом? — спросил семилетний сын со слезами на глазах, едва войдя в дом. Перед школой он еще немного картавил, но отец Лева в один день научил его рычать по-русски с помощью ремня. Сейчас он преподавал сыну первый урок еврейского самосознания, который сводился к тому, что сын должен гордиться своей принадлежностью к самому талантливому и древнему народу мира и, соответственно, данным ему именем великого праотца Авраама. Отец, окончивший рабфак и выросший в атеистической среде, скорее всего, не знал, что второе «а» было дано праотцу Авраму самим Богом и потому имело священный глубинный смысл. Однако отец упомянул, что деда Александра Пушкина тоже звали Абрамом, и он

был генералом при императоре Петре Первом. Отцовское назидание закончилось тем, что Адик должен учиться только на пятерки, чтобы не позорить свой народ.

Прошли годы. Аркаша поступил в институт связи, куда пока принимали евреев, и стал инженером-связистом и младшим лейтенантом в роте связи. Перестройка застала Аркадия Львовича в должности заместителя начальника отдела в Институте Связи, что рядом с метро «Измайловская», с окладом двести двадцать рублей плюс шестьдесят рублей премиальных в квартал за выполнение плана. Квартирка с двумя смежными комнатами в пятиэтажке с видом на общественную помойку была единственной ценностью и досталась в наследство от недавно ушедших родителей жены, с которой он тихо-мирно прожил тридцать лет. Сейчас ему было пятьдесят шесть и ничего впереди не светило. Дети, выросшие в тесноте, разъехались. Сын, смертельно рассорившийся с отцом из-за столового сервиза, уехал в Ростов и посылал одно-единственное письмо ко дню рождения матери. Дочка окончила пединститут и стала преподавать английский в школе, но, выйдя замуж за динамичного парня, устроилась на работу в «Джойнт», получала зарплату в валюте. Зять организовал фирму в институте коммунального хозяйства и стал ворочать большими деньгами. Два года назад молодые купили большой участок в престижном месте под Москвой и выстроили шикарную дачу. Разъезжали в новеньких темно зеленых «Жигулях» и присматривали иномарку. С родителями общались редко даже по телефону. К себе в гости не приглашали, о чем жена Авраама в минуты раздражения высказывалась в том духе, что все родители — дураки, а дети — свиньи.

Так бы оно и продолжалось до самого ухода на пенсию или даже до самой смерти, если бы школьный приятель Аркаши Карасик не позвонил однажды под Новый год и не спросил с сарказмом:

— И долго ты еще собираешься жить в этой стране, втянув голову в плечи?

— А что прикажешь делать? — спросил в свою очередь Аркаша.

— Пробиваться на Запад, пока там принимают, или в Израиль.

— В Израиле все время воюют, — заметил Аркаша, — а в Америке у меня никого нет.

— А ты участвуешь в лотерее на *Грин*-карту?

— Так ведь на сколько тысяч один шанс!..

— Ты давай играй. Люди выигрывают и выезжают.

— А сам-то ты, что же?

— Брат выехал по вызову к сыну и обещал мне поддержку. С работы я уже уволился, чтобы потерять третью форму допуска. Учю абитуриентов математике и зарабатываю в три раза больше, чем имел ведущим инженером. А для отмазки, чтобы не обвинили в тунеядстве, дежурю в котельной двое суток в неделю.

Разговор растревожил Аркашу. После совещания в кровати, где взвесили все *за* и *против*, решили попросить помощи у дочери и подать документы. Дочь согласилась подключиться, но на вопрос матери: «А ты?» — только рассмеялась: «Мама, то, что мы имеем здесь и сейчас, мы вряд ли получим в Америке!»

И надо ж такому случиться — они выиграли *Грин*-карту с первого захода! Справедливости ради следует заметить, что Аркадий был совсем не рад. Он втайне надеялся, что спокойно доживет до пенсии, потом будет много гулять в парке, читать книжки и толстые журналы, забудет об общественном транспорте и раз или два в год на сэкономленные деньги они будут ездить теплоходом по Волге или Лене.

Коля Карасик, узнав об успехе предприятия, крикнул в трубку:

— Радуйся, старик, и поскорее собирайся, пока выпускают! Не забудь, за тобой бутылка хорошего коньяка! Жду приглашения!

— Ты же знаешь, что за мной не заржавеет, — промямлил будущий Авраам, посматривая через плечо на бутылку грузинского КВ ВК, темнеющую за стеклом горки со дня его пятидесятилетия. Дочка с зятем достали по своим каналам.

Аркадий пытался отлынивать и даже после прохождения американского посольства, все почесывал голову перед сном и прикидывал, не продешевить бы. Как еще там жизнь сложится... В посольстве он знал, что надо давить, если спросят, на антисемитизм, на страх перед возможным насилием и прочее, хотя последний раз слышал от сверстников «жидовская морда» в пятьдесят втором году, когда власти стряпали «Дело врачей».

Вспомнилось, как однажды схлестнулись за столом, когда праздновали двадцать пять лет окончания института. Жена Вовки Иванова, черноокая красавица-еврейка, которая три года проработала с мужем на Кубе, а потом столько же в Чехословакии, вскинулась, когда кто-то стал жаловаться на притеснения на работе по национальному признаку.

— Бросьте эти глупые разговоры! — прикрикнула она на Рувима Сапожникова. — Ты, вот, кандидат наук, начальник лаборатории, твои друзья-евреи сидят начальниками в цехах и конструкторских бюро, и в закрытых организациях. Вы слышите, когда кто-то кому-то сказал «еврей», но пропускаете мимо ушей, когда кругом говорят с презрением «армяшка», «татарская морда», «чукча». Это говорят одни и те же люди — импотенты и неудачники, пьянь и рвань. Так устроен человек, что если что-то не по нему, то он тут же формирует образ врага. Всегда в неудачах легче винить кого-то, чем самого себя. А я, между прочим, и от наших евреев много раз слышала те еще эпитеты в адрес украинцев, русских и даже негров, которых они видели только в кино.

— Да, но недавняя историческая память... — начал было мямлить Игорек, но был встречен резким вопросом в лоб:

— Нет, ты лучше, Игорь, честно ответь, сколько ты имеешь в месяц? Четыреста пятьдесят? А за внедренные изобретения и прочее? Еще столько же? Ну, понятно, что с вычетами получается меньше. Я вам вот что скажу: «Если лично вас притесняют, и вы бедствуете, это одно, а если вы живете — не тужите и плачете над клубникой со сливками — это совсем-совсем другое».

До драки, как говорится, не дошло, но каждый ушел со своим мнением. Жена попросту сказанула сквозь зубы, что Лилька примазалась к русскому, вот и агитирует.

— Да прекрати ты, — озлился Аркаша. — СССР нарушает конвенцию о правах человека, не дает возможности людям выехать за рубеж, издевается над ними. Человек имеет право жить там, где хочет — вот в чем главный принцип.

Совпадения по месту и времени бывают не только в романах и пьесах. Через два с половиной года оба приятеля встретились в городе Л., куда их Карасик позвал, а Аркаше было всё равно, лишь бы хоть кто из знакомых был рядом. Городишко поразил его обилием мусора на улицах, обилием цветных и черных жителей и отвратительным состоянием мостовых. «Еще хуже, чем у нас на Щербаковке», — заметила жена. Город, насчитывающий менее ста тысяч населения, рассеялся одно- и двухэтажными фанерными строениями по огромной территории вдоль побережья Атлантики. «Юнион Стрит», одна из старейших улиц, была сплошь забита ресторанчиками и лавками, а по обилию парикмахерских напоминала Старгород Ильфа и Петрова. В салонах молодые латиноамериканцы плели немислимой сложности кружева на головах чернокожих красавиц. Внушительное здание в стиле «модерн» принадлежало банку. В офисе рядом, на первом этаже располагалась контора по устройству приехавших из бывшего СССР.

Важная, но любезная дама, наставлявшая приезжих, куда идти и где селиться, с гордостью сказала, что в Л. проживает семь тысяч евреев, а также, что в городе три действующие синагоги и масса церквей самого различного толка, в том числе и греческая ортодоксальная. Аркадию все эти религиозные конторы были, как выражаются новые русские, — *по сараю*, ибо он привык в пятидесятивосьмилетней борьбе за место под солнцем спасать тело, а не душу, да к тому же с детсадовского возраста знал, что никакой души не существует.

Карасик, прошедший все процедуры два года назад, здорово им помог на первых порах, каждый раз приговаривая: «В Америке больше всего ценят толковый совет!». Всю бес-

---

толковщину, которую несли порой приезжие, он презрительно называл *народными русскими песнями*. Он же и вывел Адика на *нужных* людей. Один из них, Самуил Борисович, обладатель густых черных бровей *a la* Брежнев, постоянно одаривал Алика газетными перлами типа «наука обладает большой производительной силой» и собственными находками, которые озвучивал с необыкновенным достоинством.

— Мм-э...так как ты не обладаешь статусом беженца, тебе предстоит за все платить самому... Но!.. Не спеши найти работу. Поезжай с Колей и подай заявление на материальную помощь.

Совет был весьма и весьма кстати, ибо Аркаша с женой ютились в небольшом помещении, где кухня отделялась от остального пространства невысокой перегородкой, а санузел вызывал у него приступы клаустрофобии. Платить за эту, с позволения сказать, квартиру приходилось пятьсот пятьдесят долларов в месяц, и супруги с тревогой подсчитывали, надолго ли хватит денег, оставшихся от продажи московского жилья.

Карасик, со своей стороны тормозил Аркашу:

— Иди, запишись на бесплатные курсы Английского. Больше внимания устной речи!

Он же и отвел его на курсы, где помог заполнить анкету. Аркаша начал заниматься языком с остервенением. Выяснилось, что он не понимает даже элементарных вопросов. Каждое утро, открывая почтовый ящик, он впадал в полубморочное состояние от количества писем, поступающих от самых различных организаций, названия которых он был не в состоянии перевести даже со словарем.

Несколько раз Карасик вытаскивал супругов на берег океана, где прохаживались приезжие и бегали, как угорелые, коренные американцы. Чтобы не выпасть из общего ритма, друзья тоже прохаживались, иногда останавливаясь со знакомыми Карасика. В глазах обтекающей их с двух сторон публики Аркаша читал острое желание подслушать, о чем *там у них* идет разговор. Некоторые даже присоединялись и тотчас вступали с полезными советами к вновь прибывшим.

— Послушайте меня, старую дуру, — влезла одна из крутившихся около и, наконец, дождавшаяся паузы. — Это я вам на опыте моей семьи подскажу. Пока у вас нет языка, никакой нормальной работы вы не получите, а черную работу будете делать вплоть до пенсии, до 65 лет! Нужно вам это? Так не идите на работу, а идите в поликлинику и жалуйтесь на бессонницу, на желание выброситься из окна, на какие-то страхи по ночам... я знаю? У них это называется депрессией. Да, вам-таки придется попотеть над бумагами, но это лучше, чем возить тележки в супермаркете. А устроиться на работу надо на «кэш». На наличные. Вам понятно?

— А ведь она права, — согласился Карасик. — Тебе скоро пятьдесят девять. Если упорно учить язык, все равно раньше, чем через год лепетать не начнешь, но главное для нас, *русских* — это понимать. А это от природы. Если нет таланта, никаким сидением не осилишь... Тут тебя Самуил спрашивал. Хочет взять тебя с собой в церковь в понедельник. Там раздают бесплатный хлеб. Только не делай гордых поз. Станешь на ноги — сам можешь помогать другим. В Америке, кстати, в очень большом почете филантропическая деятельность.

Понедельник выдался дождливым. Раздача хлеба началась в десять, но Самуил велел прийти к половине девятого к церкви Девы Марии. У входа в подвал уже стояла толпа человек в двадцать, все с зонтами и в плащах, с большими тележками. Разговор шел национальный по форме, но исключительно русский по содержанию. Говорили все сразу и громко.

— Видишь? — люди встали рано, пришли к восьми или даже раньше и теперь выберут самый свежий и самый дорогой хлеб, а нам достанется то, что останется, — в голосе Самуила чувствовалась досада. — Когда мы войдем, слева будет лежать ватный хлеб, который едят американцы. Они в него закладывают горячие сосиски или котлетки и едят с кетчупом и соленым огурцом. Это не для нас. Наш хлеб будет лежать справа в картонных коробках, если, конечно, достанется. — Самуил вздохнул: «Кто рано встает, тому сам Бог подает, как говорили в Советском Союзе».

Дождь усиливался, и раздатчики решили дать приют стоявшим на улице. В девять толпа влилась в подвальное помещение, где наиболее предприимчивые сразу заняли стулья. Большинству пришлось стоять до десяти. Самуил успел ухватить стул возле двери и теперь подремывал. Аркаша с любопытством рассматривал авангард, клубившийся у входа на раздачу. Картина очень напоминала очереди у автобусных касс где-нибудь во Владимире с той лишь разницей, что там толпа была молчаливо-угрюмой, а эти не закрывали рта ни на секунду. От громкой и глупой трескотни, прерываемой общим смехом, от влажной духоты у Аркаши разболелась голова. Самуил начал похрапывать. Время ползло черепашьям шагом. Аркаша обернулся. Очередь уже заняла всю лестницу и вилась по улице. Преобладали латиноамериканцы и черные. Многие женщины были с чудовищными животами и ногами непомерной толщины. Впрочем, комплексами неполноценности они по этому поводу явно не страдали, ибо носили футболки и джинсы *в облизку*. Стояли они группами вместе с малолетними детьми и на руках, разговаривали так же громко, только по-испански или по-английски, и тоже хохотали.

Ровно в десять стали пропускать жаждущих хлеба насущного. Первые двадцать *русских*, оснащенных огромными корзинами на колесах, весело и спорно наполняли их перещупанными на предмет свежести батонами, булками и бубликами. Очередь молча переминалась в ожидании, пока авангард отоварится. Наконец, последний *русский* двинулся к выходу, и очередь, дрогнув, поползла вперед.

Самуил на обратном пути сказал, что нужно как можно скорее получить карточку на фудстэмпы.

Сумма там небольшая — долларов двадцать, но с этой карточкой можно и *нужно!* — подчеркнул он, — пойти в церковь и встать на учет для получения раз в месяц продуктовых пайков. Напротив нас живет Цеховольский. Аркадий. Настоящий Аркадий, а не Абрам, как ты. Так вот. Он составил список всех церквей вокруг и в течение месяца объезжает их, так что практически не тратит деньги на еду, да еще и детям помогает.

— Да вы тут прямо профессора по выживанию в экстремальных условиях, — съязвил, не удержавшись, Аркаша-Авраам.

Самуил взглянул на него сурово.

— К слову сказать, мы не только сохранили привезенные доллары, но еще и прибавили к ним несколько тысяч, так что помогли сыну в покупке квартиры. Регулярно путешествуем. Я, например, был в Испании, в Париже, в Мексике, на Карибском море... В Италии. Недавно посетил древние Помпеи. Кхе! — тут он усмехнулся, полез во внутренний карман пиджака и вытащил открытку. — Вот, прямо из *Помпеев!*

На открытке, сделанной с помпейской фрески, мускулистый мужик положил огромный необрезанный пенис на чашу весов и перевесил мешок с деньгами на другой чаше. — Видишь? — дороже золота!

В целом поход оказался удачным. Отягощенный новым жизненным опытом и четырьмя увесистыми батонами Авраам возвратился под довольное воркование жены.

Пока вся страна от Атлантики до Тихого праздновала Рождество Христово, еврейская общественность организовала встречу Нового года в «русском» ресторане «Мираж». Русского, по правде сказать, там ничего не было, даже фальшивых вышитых рушников и рубашек *а ля рюс*. Икра и копченая колбаса присутствовали. Это был стандартный советский праздничный стол со стандартными тостами и оркестром из трубы, скрипки, электрогитары и ударника. Мощные усилители превращали аккорды гитары в грохот, напоминающий падающую с третьего этажа мебель. Все старались перекричать оркестр и друг друга. Жена Авраама была довольна, ибо «они засели в своей комнатенке, как прыщи», а тут она была нарасхват — свежая женщина, не старая, из Москвы. Местные ловеласы в чудесном безопасном возрасте от семидесяти и старше вполне её устраивали.

За столом после выпивки и закусок образовались «кружки по интересам». Все уже были знакомы тысячу лет, панибратства было, как на студенческой вечеринке, хоть от-

---

бавляй, а остроты и анекдоты явно были времен Очакова и Хрущева.

Авраам-Аркадий употребил свои двести, разнежился и загрустил. Нет, это была тоска не по Родине, а скорее, по оставшимся там коллегам и друзьям, по серьезным разговорам и метким подковыркам. Тут, напротив, царил какой-то собачье-обезьянный уровень. Хвастались, что прогуливают американских собак и кошек и зарабатывают тем самым на турпоездки на Карибы: «Ах, если бы вы знали, какое там круглосуточное питание!!»

— При таком изобилии и дешевизне продуктов и выпивки в Америке какие еще могут быть радости от круглосуточного питания? — хмыкнул Авраам, не заметив, что обращается к пожилому высокому господину с желчным лицом и золотым пенсне, — ни дать, ни взять — супруг Анны Карениной.

— Эдуард Домбровский, — неожиданно и с приятностью представился обладатель пенсне. — Вижу, недавно прибыли. Полгода? Я уже здесь девятый год. Сейчас на пенсии. Преподавал термодинамику в Университете в Айове, а сейчас решил поселиться поближе к детям... Ни за что не пришел бы сюда, если бы не брат жены. Вон он сидит слева. Настоял «повеселиться вместе».

— Фамилия у вас известная, — заметил Авраам.

— Да, один из моих предков был тот самый французский генерал Домбровский. Вот, фамилия сохранилась. А вы, Авраам, по какой будете части? — Имя он произнес с удовольствием, смакуя.

— Я — инженер-связист. Думаю, что устроиться на работу по специальности не смогу. Разговорный язык не идет, да и возраст к шестидесяти. Никто не возьмет, хотя у меня более тридцати авторских свидетельств.

Собеседник оказался настолько интересен, что Авраам твердо решил сойтись с ним поближе, а ведь лучший способ общения — проявлять интерес к собеседнику и пореже вставлять свои *пять копеек*.

Эдуард прошел в молодости хорошую школу в Институте Высоких Температур, потом осваивал теорию и прак-

---

тику синтеза полупроводниковых кристаллов. Для «расширения головы» закончил еще и мехмат в университете для инженеров. Сюда поехал вслед за детьми. После напряженной и насыщенной творчеством научной жизни в СССР приткнулся здесь преподавателем скромного университета, чтобы иметь возможность заниматься разумной деятельностью еще лет десять. За это время скопил достаточно денег на кондоминиум, который продал, когда переехал в Л. Сын подыскал им небольшую квартиру недалеко от океана.

— Как-то не удалось завести новых друзей. Возраст, что ли мешает... Да и местная публика не нравится, — говорил Эдуард. Авраам позвонил ему через месяц и пригласил пройтись перед сном. Они шли по набережной, наблюдая игру фонарей в легких плоских волнах, шуршащих по песку. — В шестидесятых в Академии ходила такая шутка, — продолжал он. — В чем сходство между морской свинкой и ученой женщиной? — Морская свинка не имеет никакого отношения к свиньям и к морю, поскольку едва ли умеет сносно плавать. А ученая женщина не имеет никакого отношения к науке, да и не женщина вовсе.

Прямо-таки напрашивается аналогичная шутка, что такое есть советский еврей, приехавший в США в около пенсионном или пенсионном возрасте? Во-первых, он никакой не еврей, так как не знает ни аза на иврите и на идише — ни писать, ни говорить, ни читать и чаще всего имеет очень смутные понятия насчет еврейской традиции и четырех тысячелетней истории. Во-вторых, какой же он советский? Он уже почти сорок лет не разделяет идеологию социализма и коммунизма и если носил партбилет, то только в корыстных целях. Он считался в СССР человеком второго сорта и вполне к этому адаптировался, — наш общественный строй способствовал формированию такой психологии. Вы не думайте, что я себя от них отделяю, — заметил Эдуард, взглянув на озадаченное лицо Авраама. — Я в некотором смысле везунчик. Язык освоил еще в семидесятых и поддерживал все время «спортивную форму». Поддерживать ведь

проще, чем осваивать почти с нуля? А идишь я более или менее понимаю, потому что жил с бабушкой на Урале с сорок первого.

— И все же у вас получается, что мы, лишённые языка и национальной культуры, как бы виноваты в невежестве и в своем совковом сознании.

— В совковости — безусловно! Потому что система, уродующая человека, скончалась. Мы все, кроме открытых борцов с режимом, представляем собой уже не политическую, а экономическую эмиграцию. Нам всем повезло. Так давайте очистимся. Давайте жить шире, не скаречничать, давайте волонтерить — учить, помогать, убирать мусор, не копить тоннами продукты, которые уже не в состоянии съесть. Давайте быть добрее друг к другу!

Сила приспособленчества сейчас сыграла со старшей группой советских эмигрантов злую шутку, потому что закаленные в режиме выживания в течение семидесяти лет Советской власти, наши евреи способны прокормить, одеть и обуть себя, получить деньги на жилье и медицинскую помощь, не сделав для простодушной страны-хозяйки ни на грош работы. Поверьте мне, что пройдет год, и вас тоже начнут раздражать дурные манеры соотечественников.

— И все же я совершенно не согласен с вашим обобщением касательно еврейской адаптации к режиму и стране. Сколько было борцов за свои права и сколько их пострадало, пока стали выпускать в Израиль! И диссидентов-евреев было полно, и в лагерях им доставалось хуже, чем русским. Нет, решительно с вами не согласен.

Авраам чувствовал, что недавний шарм от изысканной речи и манер Эдуарда теряет свою силу. Отсутствие согласия даже по теоретическому вопросу неизбежно приводит к ухудшению отношений. Такова жизнь.

— Вы не вполне меня понимаете, Авраам, — в голосе собеседника появилась нотка усталости. — Власть и окружение — это внешний враг, а совковая ментальность — это враг внутренний и одержать над ним победу крайне сложно, потому что он растет в мозгу с малолетства. Еще Герцен отмечал, что люди, ненавидевшие царизм и бежавшие

во Францию или Англию, втягивались в склоки, деля портфели несуществующих министерств, интригуя друг против друга. Ладно, оставим это... Помните Оруэлла 1984?

Авраам Оруэлла не читал, не привелось, хотя слышать — слышал. Признаться же перед Эдуардом не желал. Тоже мне экзаменатор нашелся!

— Жизнь по двойному стандарту, — продолжал Эдуард. — А как он воплощается здесь, в свободной стране, где никто ни на кого не имеет права давить?

— Но давят и еще как! — воскликнул Авраам скорее от злости, потому что примера в голове у него не было.

Эдуард отмахнулся. Ему хотелось закончить мысль.

— Вот пример. Некоторые эмигранты хотят приобщиться к вере отцов и начинают посещать синагогу.

— Это похвально.

— Что же *вы* не посещаете? — насмешливо спросил Эдуард.

— Я буду! Скоро начну посещать! — с вызовом ответил Авраам.

— Я не о том хотел вам сказать, — продолжил Эдуард. — Некоторые посещают, но надолго их не хватает. Тогда они ограничиваются возжиганием субботних свечей — дешево и сердито. Тору они не изучают. Скучно. Из десяти заповедей соблюдают лишь те, которые не требуют активной деятельности. И уж конечно не отдают седьмую часть своих доходов нуждающимся в помощи.

— А вы-то сами! — с некоторым даже ожесточением ткнул Авраам.

— И я почти такой же, — с легкой улыбкой ответил Эдуард, — но я не хожу в синагогу и не делаю вид, что поклоняюсь еврейскому Богу. Я для всех — агностик, хотя верю в божественное начало жизни.

Авраам настолько устал от разговора, что был весьма доволен, когда они распрощались и притом довольно холодно. Он жалел, что не сумел достойно противостоять Эдуарду, шел домой в раздражении, приговаривая: «Академик чертов! Спец по всем вопросам!»

Прошло еще полгода. Авраам с женой получили *дизабилити* — письменное подтверждение, что работать они неспособны. Да, пришлось попотеть над бумагами, но и только. Американцы оказались доверчивыми, как дети. Даже в комиссию не вызывали. Поверили заключению доктора из *русских*. Получили Авраам с женой по пять сотен зеленых на нос ежемесячно, подыскали себе неслабую квартирку из двух комнат на тихой улочке всего за сто восемьдесят долларов и стали жить-поживать и добра наживать.

А как же не наживать, когда такая куча денег каждый месяц остается!

Народ в комьюнити подобрался исключительно образованный. Каждый пятый — кандидат наук. Роскошная библиотека, даже две. В каждой — русский отдел. И что еще интересно — люди, приехав из СССР, стали писать стихи и прозу и издавать за свой счет книги. Можно сказать, что раскрылись творческие возможности, которые были завлены раньше советским строем и враждебной антисемитской средой. И какие разносторонние люди! Один доктор технических наук оказался не только талантливым поэтом, но еще и на гитаре играет, поёт вместе с женой. Жена Авраама даже прослезилась. Потом в постели рассказывала, что доктор тот бросил семью в Ленинграде и уехал с молодой и с двумя её дочерьми, и души не чаёт в ней. Вот, сочиняет в её честь любовные романсы. Недавно праздновали его юбилей в библиотеке. Оказывается он еще и знаменитый коллекционер. Выставил стенды с карманными календариками, которые собирал почти сорок лет. Да и другие не хуже, хотя и без ученых степеней.

Авраам с женой словно проживали заново медовый месяц. Вступили в общество «Хаверим». Взносы небольшие, а выгода огромная — все турпоездки за треть или полцены. А кто спонсоры? — Наверное, богатые американские евреи дают пожертвования. А что? У них, небось, денег — куры не клюют! Говорят, что те евреи очень хотят, чтобы приезжие ходили в синагогу, молились и соблюдали еврейскую традицию, изучали Талмуд, праздновали субботу. Никто, конечно, не давит. Это вам не СССР! Мы в свободной стране

живем. Жалко, раввины по-русски не говорят. Мы бы с удовольствием приобщились — а как их понять? Вот и получается, что придешь, посидишь раз, другой и что? Все встают и с книгой в руках начинают раскачиваться и бормотать. Авраам попробовал подражать — ну вылитая мартышка! Устыдился он и перестал ходить в синагогу. Да и жене не понравилось. Что это такое — мужики внизу, а баб наверх послали, как нечистых!

Еще ему было странно, почему это евреи все время ходят по церквям за пайками. Спросил он Карасика.

— Да потому, что в синагоге тебя в субботу попотчуют самой дешевой и вонючей водкой из пластиковой бутылки, да соленым печеньем в виде плетенки, словно вымоченном в Мертвом море. Не любят наши пастыри свой народ подкармливать. А любят они драть жуткие деньги за всякую услугу, особенно бармицвы-шмицвы и свадьбы. Очень хорошо также оплачиваются занятия с детьми по еврейской традиции. Богатенькие дают на это, не скупясь. Рэбаи жиреют на этом во всех смыслах. Некоторые едва в машину влезают. Но на плодовитости, слава *Б-гу*, это не сказывается. Каждый год по новорожденному — так *Г-дь* повелел.

— Да тебе-то что, чужих денег жалко? — спросил Авраам. — Или ты заплатил десять тысяч за обрезание? Сам-то, небось, седьмую часть дохода ближнему не подаешь!..

— Я — агностик, у меня с Богом свои счета, — резко ответил Николай. — А вот, ты...

— Еще один агностик! — с досадой воскликнул Авраам. Я — вообще атеист. Я и свечи не стану зажигать, особенно когда жара.

— Ну, вот и договорились! — весело подытожил Карасик. — Главное ведь чувствовать себя *своим* среди *наших* и не высовываться,... не то сожрут, — страшно прорычал он, наклонившись к уху Авраама. Даром, что всё у всех есть. — Тут у меня хороший коньячок во фляжке, давай по глотку — и на океан. Там сейчас хороший ветер, свежий, романтикой пахнет.

Коньяк приятно грел горло, высокие травы качалась, выписывали восьмерки, ветер срывал пену с волн. Навстречу

утиной походкой тяжело переваливались пожилые женщины, некоторые при мужьях в разноцветных кепках с длинным козырьком над темными очками. Это сочетание придавало им таинственно-зловещий вид, словно шли не мирные и пугливые евреи, а опасные арабские террористы. Авраам не замедлил поделиться с другом.

— Ничего удивительного, и мы, и они — семиты!.. Глянь, — захохотал Карасик, — все, как один, при ходьбе держат руки за спиной, как в тюрьме на прогулке... А туловище... наклонено к земле под углом семьдесят пять градусов. Почти все малорослые и потому страшно напоминают ворон, к тому же и носы вороны. Гляди, гляди!

Публика смотрела на веселых друзей весьма и весьма неприязненно, хотя комментариев, скорее всего, не слышала.

— Ты, того, потише. Неудобно так в лицо смеяться, — сказал Авраам, после очередного глотка из фляжки. — И потом, твои насмешки очень напоминают фашистские листовки про евреев. Там тоже советовали отличать нас по изогнутому носу, мясистой нижней губе, выпуклым глазам и развинченной походке. Я сам читал ...

— Да брось ты, не лезь в бутылку. Если ты на кого глянул, а тот в ответ улыбнулся, — сто рублей, что он американец. Наши будут идти навстречу и сверлить тебя глазами, как из двустволки. Сам заметишь.

— Так это у них российское, — бросил Авраам. — Вспомни-ка, как *там* на транспорте или в очереди люди друг на друга волками глядят. А относительно типичной еврейской внешности, то я тебе так скажу: она изменилась за последние сто лет и еще как! Не знаю, в результате ли мутаций, или влияния окружающей среды, но фашистский портрет еврея явно устарел.

— Мне пришло в голову, что если хочешь узнать, кто ты есть на самом деле и как ты выглядишь, послушай, что о тебе говорят враги. Друзья, как правило, тебя идеализируют. Согласен?

По средам Авраам стал наведываться в раздачу продуктов при церкви Девы Марии. Он смекнул, что с продуктовой

карточкой с Иисусом на первой странице незачем тащить к восьми утра, и приходил где-то к одиннадцати. Народу меньше, спокойнее. В этот раз в «предбаннике» было всего четыре человека. Прошло каких-то две минуты, дверь отворилась и в подвал спустился с корзиной на колесах товарищ Цыплянский, президент местного товарищества «Хаверим». Авраама он не узнал или не пожелал узнать. Станет еще сам президент здороваться с рядовым членом, да еще в таком пикантном месте — подумайте сами: «Хаверим» — и подвал церковного строения, где подают жратву именем Христа!

— Положено — отдай! Недвусмысленный пример пайковой психологии, — подумал Авраам, искоса наблюдая, как президент сел, уложив арбуз живота своего на колени, вытащил огромный бумажник и стал рыться, разыскивая продуктовую карточку с Христом, который всех страждущих и обремененных приведет к Свету.

А что нам положено? Ясно, что: квартира, деньги на проживание, фудстэмпы, бесплатная медицина и лекарства; даже дорогие услуги зубных врачей покрываются с помощью писем в «Медикейт». Авраам вспомнил лицо пожилого охранника, который дежурил у них в холле субсидального дома. У того во рту торчали только два верхних зуба, видимо, денег на протез не было, а американцы сами должны о себе заботиться и копить деньги на подобные расходы в течение всей жизни. Другое дело, мы! — Тут Авраам вспомнил Эдуарда и помрачнел. — Так, пожалуй, скатись на позиции эрудита-злопыхателя.

Товарищ Цыплянский тем временем понял, что карточки в бумажнике нет, и шагнул в комнату раздачи, где вежливые американцы тут же сделали ему новую и поставили в очередь за пайком впереди Авраама. Мелочь, конечно, но эта мелочь ожгла его сердце, и весь путь домой с пайком он злился на нахала-президента.

— Мало ему, что он там химичит с общественными деньгами; будь здоров, сколько к рукам прилипает! Так он еще таскается за пайками, сука такая!

А ведь есть в Л. чудесные люди. Вот, к примеру, Марк. Тоже с огромным пузом, но не вызывает неприятных мыслей. Трудяга и руки у него золотые. Сколько народу к нему ходит! — то сделай, это почини. Он в свои семьдесят лет работает уборщиком в синагоге и ведет непрерывный ремонт всего, что ломается. Уделили ему конуру, где он держит инструмент и пылесос. Стояли в очереди за пайком. Слово за слово — познакомились. Даже подружились. Пару раз Марк заходил к ним, выпивали по паре-другой рюмочек. К себе не звал. Жена у него строгая и властная. Сама не готовит, только дает указания: это помой и порежь, это посоли и добавь перец и чеснок. Марк стоит у плиты, готовит, исполняет приказы. За сорок пять лет брака привык, вроде так и нужно жить. Отпускают его только по делам, скажем, сидеть с внучкой, пока дочь и зять на службе, или в синагоге подработать, деньги лишними не бывают.

Так получилось, что ближе к осени Марк позвонил Аврааму и предложил сменить его на уборке мусора за детьми, которые учатся ивриту и Торе два раза в неделю по вечерам. Авраам согласился. Восемь долларов в час, два раза в неделю по четыре часа. Марк взял его с собой ознакомить с «оборудованием». Начали уборку вместе. Перетаскивали стулья, сдвигали огромные овальные столы, которые использовались для случая праздников. Потом спустились вниз, взяли пылесос и приступили к уборке холла и классных комнат. Обилие мусора просто поразило Авраама.

— Это что же, дети не приучены соблюдать чистоту? — спросил он. — Здесь два месяца не убирали?

Марк усмехнулся.

В четверг на прошлой неделе всё пропылесосил, вынес шесть мешков разного мусора. Дети бросают, а мое дело подбирать.

К концу уборки Авраам так устал, что хоть прямо ложись на серый *карпет* и спи. Как же Марк справляется один?

— Я о тебе говорил рэбаю. Он велел пойти к нему вместе. Хочет на тебя посмотреть. Да, пока не забыл. Деньги за работу он платить не любит. Я ему всегда напоминаю, а он спрашивает, сколько и никогда сразу не дает. Иногда

приходится два раза напоминать. Ну, это не страшно. Мы люди не гордые.

В четверг они опять пошли вместе на уборку. Обертки конфет, клочки бумаги, перепачканные красками, карандаши и ластик, мелкие монетки, куски веревок, крошки булочек и печенья, недопитые бутылки с подкрашенной водой опять покрывали пол, стулья, столы и подоконники. Кроме того, в холле высился холм из упаковочного материала. Прибыли игрушки к празднику. На столах вдоль стен холла там и сям были рассыпаны копеечные конфетки. Закончив уборку, Авраам решил взглянуть на конфетку в форме звезды. Протянул было руку — и тут же услышал резкий окрик на английском: «Конфеты только для детей!»

Оглянувшись, он увидел среднего роста мужчину в кипе на лоснящемся круглом лице с тройным подбородком и неохватного размера животом. Мужчина смотрел на Авраама с явной неприязнью.

— Это что за бочка с жиром? — спросил Авраам.

— Это помощник рэбая.

— Он что же, следил за мной, пока мы работали?

— Нет, пришел случайно, я думаю.

Они вынесли восемь огромных черных пластиковых мешков с мусором и стояли-блаженствовали, вдыхая свежий вечерний воздух. Решение пришло в секунду.

— Извини Марк, но я сюда больше ни ногой. Смотреть противно на этого жлоба. А хозяин, наверное, еще гаже. Прости, друг.

Марк посмеялся и похлопал Авраама по плечу: «Вольному воля...»

Авраам злился, в первую очередь, на то, что его — шестидесятилетнего старика, как мальчишку, подловили на желании стибрить конфетку. И он подчинился, положил на место, а должен был демонстративно сунуть в карман и послать толстопузого на три стороны света по-русски или крикнуть «Фак ю!». А еще противней было то, что жена, услышав об *инциденте* с конфеткой, сказала, что Авраам кругом не прав. Не твое — не бери!

Всегда-то у нас найдутся *понимающие* ситуацию, *объективно* рассуждающие. Приятель по Москве был в Иерусалиме и попал на день Холокоста. Ехал в автобусе и вдруг — сирена. Автобус встал, весь транспорт — тоже. Память жертвам. Внутри автобуса все стоят. Один-единственный еврей в пейзажах сидит как ни в чем ни бывало, читает книгу. Ему Холокост до лампочки. Знающие люди объяснили — он не один такой. Таких мудрецов целый батальон наберется. Они считают, что шесть миллионов жизней — это не преступление фашизма, а проявление Гнева Господня на евреев, которые Его то ли забыли, то ли стали забывать. И что всё правильно!

Авраам тогда сказал приятелю, что если бы в Питере во время Минуты Молчания кто-либо на транспорте остался сидеть и листать книгу, его бы вместе с книгой выкинули из автобуса, да еще морду бы расквасили. Тут приятель обозвал Авраама экстремистом, сказал, что надо уважать чужое мнение, даже если оно с твоим не совпадает.

— Послушай, — сказал в сердцах Авраам. — Если тому еврею не нравится Израиль, как страна грешников, пусть он едет в другую страну, которая ненавидит евреев и мечтает стереть их с лица земли, пусть поспособствует Гневу Господню. А этот жрет, читает и гадит на тех, кто его защищает и кормит. Он-то, наверняка, не вложил ни капли крови в Израиль. А ты, лично, должен непременно уважать мнение господина Гимmlера, будь последователен.

— Почему же он непременно *гадит*? — поморщился приятель.

— Как вы все не любите слово патриотизм! — воскликнул Авраам. — После старого дурака Толстого, который где-то брякнул, что патриотизм есть последнее прибежище негодяев. Слушай, если ты строил сорок лет эту страну своими руками и защищал её на фронте, тебе не может быть безразлично, если кто-то на неё плюёт, живя в ней и питаясь её соками, как вредная личинка. Почему вредная? Да потому, что он и многочисленных своих детей выстругает по своему образцу, и его умственная пакость размножится.

А теперь вот, еще жена стала *понимающей*.

— А то, что эти жлобы платят старику по восемь долларов в час за адски тяжелую работу, это как?

— А это — не твоё дело, а дело Марка. Раз он у них работает, значит, его эти условия устраивают, — ответила жена.

Карасик, узнав о происшествии, очень смеялся и советовал не брать близко к сердцу.

— Я не понимаю, — кипятился Авраам, — как можно учить Тору и при этом сидеть по уши в мусоре, ждать пока придет старик и за всеми уберет. Даже в нашей поганой советской школе обязательно после уроков была уборка класса. А тут!

— А тут — другая страна и другая ментальность, — спокойно ответил Карасик. — Хочешь здесь спокойно жить — приспособляйся.

— Ты вот что, — продолжал он. — Нечего дурью маяться. Поступай в колледж на курс английского для иностранцев, *English Second Language* называется. Возьми аттестат об окончании средней школы, о высшем образовании — ни слова! Понял? Пусть жена с тобой тоже ходит, легче будет домашние задания выполнять. Возраст? — А возраст здесь не имеет значения. До ста лет можешь учиться.

Авраам был человеком честолюбивым и, когда его послали на пробный экзамен для определения уровня английского, он постарался сделать всё — и грамматику, и понимание устной речи, и письменное задание — по максимуму. В результате его сразу же определили на седьмой уровень из девяти, в чем он через полтора года горько раскаивался. Конечно, будь на месте компьютера живой экзаменатор, Авраам оказался бы на третьем или даже на втором уровне. Карасик его тогда же спросил, куда он так торопится.

— Работать. Причем заниматься квалифицированным трудом.

— Ну-ну, давай, товарищ Блюмкин, жми. Поглядим, что из тебя получится.

Довольно скоро Авраам увидел, что отличные оценки совершенно не сказываются на умении говорить и понимать живой английский. Жена в рейтинге отстала и её

определили на пятый уровень. Группа у Авраама состояла сплошь из латиноамериканцев. Молодые парни и девушки, парочка из них на сносях, все они бегло тараторили на английском. Авраам с завистью слушал, как они перебрасываются с учителем шутками, и думал, что их способности ему вполне хватило бы, чтобы занять достойное место среди американских инженеров, да вот, бодливой корове бог рогов не дал. У жены группа подобралась сплошь из *русских*. Жена приходила после занятий накаленная, словно после перебранки на коммунальной кухне и с долгими подробностями доказывала, что среди *этих выскочек* ей совершенно невозможно заниматься. Все лезут со своими замечаниями, как в очередь на последний автобус, кричат, разве только не отпихивают локтями друг друга. Бедная Сандра стала приносить на занятия увесистый колокол и когда страсти особенно накаляются, начинает звонить. Особенно там две противные особы Муза Киссина и её старшая сестра Любовь Киссина, незамужние. Младшая окончила когда-то двухгодичные курсы английского и всем-всем об этом доложила. Если кто отвечает на вопрос Сандры, она тотчас начинает поправлять, не дожидаясь ответа преподавателя, а если доходит очередь до сестры Любы, она просто её съедает заживо. Та обижается, разгорается скандал, и все должны это слушать! Есть еще одна, бывшая учительница литературы с голосом иерихонской трубы; когда ей что-нибудь неясно, может крикнуть на весь класс «Стоп!» и начать по-русски пытаться Сандру. Та останавливается и не понимает, что эта иерихонская труба от неё хочет. Шум подымается, как в пивной.

— Ты подумай, — продолжала жена, — пожилые люди, лысые, седые, морщинистые, согнувшиеся, а так себя ведут. Совсем всякий стыд потеряли.

К концу семестра Авраам получил от колледжа чек на четыреста пятьдесят долларов и уведомление, что если он бросит посещать занятия, то чек придется вернуть. В полном счастье он пришел домой и похвастался перед женой. Вот что значит Америка! Ничем не хуже России! Не только учит, но и стипендию дает! Четыреста пятьдесят долларов!

— Подумаешь, — пожала плечами жена, — мне выпи-
сали восемьсот пятьдесят. Ты лучше пойди да выясни, поче-
му тебе дали меньше.

Замечание жены вмиг испортило солнечное настроение Авраама. Действительно, с какой стати ей заплатили боль-
ше? Учится она хуже, уровень ниже...

— Никуда я не пойду, — решил он, поразмыслив. — На-
чну качать права, так у тебя деньги срежут, а мне не доба-
вят, и получится, что мы, дураки, просвистели четыреста
долларов из-за собственной жадности.

Со следующего занятия жена пришла ликующая.

— Послушай, как я их всех умыла! Пришла в группу,
а там страсти кипят. Стоят, сбившись в кучу. Глаза сверка-
ют от жажды узнать от каждого входящего, сколько ему на-
числили. Ко мне сразу трое кинулись — сколько тебе дали?
Я возьми и скажи: тысячу семьсот пятьдесят два! И тут ра-
зыгралась прямо-таки немая сцена из «Ревизора». Наши
«добродушные» еврейские лица — перекосило от зависти.

Один крикнул: «Как это может быть!», другая крикну-
ла: «Надо пойти выяснить, почему такая несправедливость!
Что я — хуже её учусь?» Третья догадалась: «Она врет!
Пусть покажет чек! Пусть покажет!» Тут я взорвалась и ска-
зала: «Не имеете права смотреть мой чек. Мы в Америке, а
не в вашем Союзе! Не хотите — не верьте!» Тут вошла Сан-
дра и никак не могла понять, отчего у всех такие красные
озлобленные рожи. Она даже немного растерялась...

Безнадежно отставая от темнокожих ребят в общении
на английском, Авраам брал реванш на письменных уп-
ражнениях и осмыслении текста в учебниках. Выяснилось,
что *болтуны* совершенно лишены способности мыслить ло-
гически, читают с ужасными ошибками и мало понимают
прочитанное. Авраам, напротив, всегда на контрольных
имел высший балл, но увы, — ни один магнит на свете
не поднимет твой язык, сколько бы ты не съел железа.

Три семестра протекли сквозь сито времени незамет-
но, а привычка получать два раза в год денежки осталась.
Чем бы заняться дальше? Молодой мужик, который вел

у них последний семестр, исчеркал красным карандашом сочинение Авраама и поставил Би-минус. Протягивая ему листы, он настойчиво не советовал идти на расширенный английский.

— Что же мне делать? — растерянно спросил Авраам.

— Это уж вам решать, — ответил преподаватель.

Перед женой Авраам хорохорился — видали, мол, мы таких специалистов! Однако получать низкие баллы, позориться на шестьдесят втором году жизни не хотелось, да и программа становилась всё труднее.

— Чего киснешь? — спросил один из студентов явно за семьдесят, ковыляя по коридору колледжа с палкой. — Английский не потянешь? На кой черт дался тебе английский? Иди и запишись на математику, пока не поздно. Там уже полно наших.

— А разве можно?

— В Америке все можно и возможно! Поторопись.

«Наши» уже захватили все нижние уровни по математике. Группы оказались укомплектованными. Пришлось идти и сдавать экзамен на *«Precalculus 1»*. Впрочем, Авраам был доволен. Он любил строить графики, а гиперболические функции он вообще в свое время пропустил, так что теперь, у гробовой доски можно было и потренировать свой склеротический мозг. В середине семестра он столкнулся в коридоре с нестройной толпой соотечественников, ковыляющих на занятия по элементарной алгебре. Среди них выделялись две старухи явно за восемьдесят. Эти вообще ползли еле-еле. Посмотрел на них Авраам и пронзило его чувство острого стыда за них, за всех с крепким высшим советским образованием, прикидывающихся «шнурками» целый год ради тысячи долларов. Откуда эта патологическая страсть к деньгам. Это что — генетика?

Молчаливое шествие по коридору напоминало средневековую графику о *«Смерти»*. Одну из старух он знал. Это была Анечка Рувимчик, тёща удачливого зятя-миллионера, который позволял себе снимать в Нью-Йорке квартиру в престижном районе за сто двадцать тысяч в год (сама хвалилась), тогда как сама она жила в Л. в доме для неимущих.

Чувство стыда вылилось в раздражение, которое он сорвал на своей жене.

— Что ты к ним прицепился? — крикнула она. А ты чем лучше?

— Я не хожу на элементарную алгебру и потом, мне не восемьдесят шесть, а шестьдесят два! Ты не видишь разницы?

— Не вижу! Ходит и ноет. Завалил квартиру вонючими книжками с барахолки. В квартире дышать нечем. Посмотри лучше, как они хорошо и ласково друг к другу относятся. Никто не брюзжит, никто не лает, все друг другу помогают.

— Помогают убивать время. Все бездельничают, умирают со скуки. Даже в магазин на своей машине не поедут. Нанимают службу из *русских*. Обеды им на дому готовят преподаватели консерватории, инженеры. Живут не по совести. Я тогда разозлился на Эдуарда, а теперь вижу, что он кругом прав. Я тебе так скажу: Если евреи действительно самый талантливый и умный народ в мире, то они должны показывать примеры достойного человеческого поведения, платить добром за добро, помогать стране, которая их приняла и всем обеспечила...

— Вот и помогай. Чего сидишь? Пойди волонтером ухаживать за стариками. Болтун. И всю жизнь болтуном был. Как до дела — так нет его. Посуду помой, теоретик!

Поразмыслив, Авраам понял, что истоки его раздражения кроются в недовольстве собой. Это он, еще вполне сносный специалист, не смог за четыре года реализовать свой потенциал и вместо того, чтобы пропадать по десять часов в день на работе, занимался ерундой, наблюдал за соотечественниками, которые тоже были людьми незанятыми. Кроме того, это были давно примелькавшиеся лица. Он их встречал то в магазине, то в очереди к врачу, то на концерте. Они всегда что-нибудь потребляли. Это было поколение потребителей. Когда он поделился настроением с Карасиком, тот ответил, что все правильно, так оно и есть, и должно быть. Просто Аврааму, выросшему в огромном городе, тяжело крутиться в маленьком мирке с его микроскопическими событиями.

— Вот, представь, что у тебя через лестничную площадку живет хороший мужик. Ты встречаешь его то на лестнице, то по дороге к дому и пока раскланиваешься, шутишь. Потом случилось, что ты стал его встречать в бассейне, в очереди к врачу, в магазине, в кино и, наконец, он стал регулярно сидеть у тебя на кухне. Ты пришел с работы или из колледжа, а он уже там. Курит, травит байки с твоей женой, морочит тебе голову последними новостями из газет. Я уверен, что вскоре ты взбесишься и станешь его избегать всеми силами.

— Я был в среду на похоронах Лёни-архитектора, — сказал Карасик, помолчав. — Мы с ним общались изредка. Хороший мужик. В войну командовал танковым взводом.

Наверное, полгорода собралось в похоронном доме на Вест-Стрит. Для нашей *комьюнити* каждая смерть — интереснейшее событие! Думаешь им Леня шибко нужен? — Им развлекуха нужна. Они все нарядились, особенно бабы, сидели в зале, сплетничали, слушали в четверть уха воспоминания сына и дочери об отце, а тем временем изучали, кто во что одет и кто с кем сидит. Зачем дети Лёни надрывались перед этой совершенно равнодушной толпой, ума не приложу. Выкатились после панихиды всем скопом на улицу, расселись по машинам. Все на машинах! Все! Доехали до кладбища, теснота, припарковаться негде. Вылезли. Вылупили зенки. Кто шепчется, кто хихикает. Забыли, зачем приехали. Одна дубленкой хвастает — дешево купила, другая о телесериале дудит подружке. Ни один не вышел, доброго слова о Лёне не сказал. Никто горсти земли в могилу не кинул. Вдова с детьми обходит всех, приглашает помянуть в ресторане. И едут, потому как — продолжение спектакля.

Я, лично, считаю, что горе надо делить только с самыми близкими. Вот если ты счастлив — не стесняйся, показывай, веселись, корми и пой! Пусть жрут, пусть завидуют, пусть сплетничают. От тебя не убудет. А в горе надо спрятаться и пережить его самому. Вот я *так* думаю.

— Я сейчас вспомнил своё детство в Харькове, — сказал Авраам. — Мы тогда жили недалеко от вокзала и от кладби-

---

ща. Иногда мимо дома проезжала медленно-медленно трехтонка с покойником. Родные сидели в кузове по обе стороны гроба, за машиной шел оркестр и несколько друзей и знакомых. Ну, люди выходили из ворот, смотрели минуту и шли по своим делам. Но всегда было несколько человек, которые шли до самого кладбища и глядели, как опускают гроб в могилу, и слушали, как родные рыдают по усопшему. Так говорили взрослые. Потом, через много лет я убедился, что это правда. Это, наверное, отклонение в психике от нормы...

— Приятели помолчали.

— Знаешь, что это за контора? — спросил Карасик, когда они проходили мимо внушительного здания на «Честнот Стрит».

— Ну, судя по тяжелым бархатным шторам на окнах, это должна быть солидная страховая компания.

— Ошибся, друг мой! Ошибся! Это культурно-оздоровительный центр «Будь Здоров», где многие наши соотечественники проводят добрую половину дня. Давай пойдем. Посмотришь, как о них заботятся.

— Так нас же выгонят.

— Никак нет! Мы скажем, что хотим стать клиентами заведения «Будь Здоров».

Они пересекли асфальтированный двор и вошли через двустворчатые неприметные двери в «предбанничек», где за конторкой сидела длинноногая леди лет сорока.

— Вам к кому?

— Мы хотели бы узнать, как оформиться в ваш центр.

У вас есть *медикейт*? Хорошо. Пройдите налево и спросите Аллу Беленко.

Приятели прошли конторку и оказались в огромном зале, где за шестиугольными столами в тишине сидело и жевало человек сто, не менее. Вдруг тишина взорвалась боем столовых ложек по столешнице. Три старухи вполне пристойного вида колотили громко и вразнобой, и потому их стук особенно терзал уши. Публика за столами реагировала вяло. Авраам удивленно посмотрел на Карасика:

— Так это дом умалишенных? Мне, вроде бы, туда пока не надо.

— Это нормальный дом отдыха с двухразовым питанием и развлечениями, а что мы видим, я объяснить не могу.

К старухам с двух сторон уже шло несколько человек обслуги с пышногрудой дамой во главе, очевидно, начальницей. Старухи перестали колотить ложками, состоялся тихий успокаивающий разговор и обед продолжился.

Алла Беленко оказалась симпатичной белокурой со слегка вздернутым носиком. Таких любят помещать на американские открытки с пупсиком на руках. Она с охотой показала будущим клиентам соседний зал человек на сто, с креслами вдоль стен, музыкальную установку и рояль, компьютерный зал (совершенно пустой), множество шахматных столиков, уютную библиотеку и небольшой бильярдный зал, где расхаживало трое игроков.

— У нас двухразовое питание семь дней в неделю, поездки в бассейн, на экскурсии и прогулки в лес, выступают приезжие артисты и своя самодеятельность. Жизнь у нас бьет ключом. Вот буклеты, посмотрите потом.

— А сколько же стоит пребывание у вас? — поинтересовался Авраам.

— Ничего не стоит. Всё оплачивает *Медикейт*. — она пожалала плечами и улыбнулась. В первый раз, мол, слышу такой наивный вопрос.

— Если не секрет, как часто у вас происходят выступления с ложками? — спросил Карасик.

— Да вы что! Просто эти дамы не хотят сидеть спиной к туалету, потому что мимо них все время ходят, и потребовали ротацию, неделю они, неделю другие и так далее. Мы, разумеется, пообещали исполнить.

Любезно распрощавшись, друзья вышли на улицу.

— Постой-ка, — недоумевал Авраам, — это что же получается? Восемьдесят человек, не менее, живут в бессрочном доме отдыха повышенного типа совершенно бесплатно? А денежки, которые им штат дает на проживание, они складывают в чулок? Так что ли? А во что обходится каждый человек, посещающий «Будь Здоров»?

— Точно не скажу, но где-то сто долларов в день набегает, но, может быть, и поболее... Эти милые старички и ста-

---

рушки уже почти сожрали деньги, отпущенные штатом на поддержание здоровья наших детей и внуков...

— Погоди. Так. Это примерно четыре миллиона долларов в год спускается в унитаз в буквальном смысле слова! И это при том, что состояние улиц у нас даже в центре города хуже, чем в Москве в районе Преображенского рынка. Что же за лохи сидят в правительстве штата! Нет, я решительно отказываюсь понимать такое транжирство. Старики выглядят бодрыми, ездят в бассейн и на прогулки, денег у них не меряно. Полтинник на автобус — и езжай, купайся.

— Так сам бассейн денег стоит! А денег жалко! — ощерился Карасик. — Ты не волнуйся. Всё рассчитано. Одна семья взяла на себя труд устроить такой дом отдыха, выбила у штата деньги, обеспечила двадцать рабочих мест, если не более. Чего ты кипишь? Ты мыслишь советскими понятиями дележа общего пирога *по справедливости*. Так я тебе скажу — такого нигде в мире нет и никогда не будет. И слава Богу!.. И не бери на себя решение экономических проблем Америки. Надорвешься.

— Тогда ты, такой умный, скажи, почему в «Будь Здоров» ходит всего сто человек? У нас ведь пожилых под тысячу наберется. Чем эти сто отличаются от остальных?

— Скажу. От природы или от воспитания некоторые люди хорошо чувствуют себя в коллективе, их соседи не раздражают. А другие более комфортно чувствуют себя в одиночестве. Вот, к примеру, я даже с женой разъехался. Мне приятно ходить по квартире голым, есть что хочу и когда хочу, не слушать замечания и поучения. Даже в присутствии жены, которая знает мое тело наизусть, мне голышом ходить по квартире некомфортно.

— Получается, что коллективисты образуют меньшинство?..

— Не знаю. Возможно. Вот, к примеру, в кибуцах работает не так уж много народу. Да не в том дело. Не в том, что они всё получают по первому требованию, а в том, как они при этом ведут себя. Нагло и некрасиво! Впрочем, почти всё окружающее нас большинство ведет себя так же.

В среду Авраам по пути к врачу столкнулся с Самуилом Борисовичем. В последнее время тот стал его раздражать страшно деловым видом и нудными назиданиями. Сейчас Самуил загружал в багажник «Форда» не менее полусотни банок с солеными огурцами и побряхтывал от удовольствия.

— Чего глядишь? Иди, покупай, пока *сэйл в Стоп-энд-Шопе*.

— Куда вам столько? Где это всё хранить?

— Это уж моя забота, — в голосе Самуила появились начальственные советские нотки. — Экономика должна быть экономной! Помнишь, кто это сказал? Нет, не Маркс. Брежнев это сказал и правильно сказал, хотя, — скорее всего, повторил за умным человеком.

— За таким, как ты — подумал Авраам, но промолчал.

— Значит так, — голос Самуила приобрел особую значительность. — Мы с супругой решили пригласить вас на мой семидесятипятилетний юбилей в воскресенье. В субботу мы, как евреи, стараемся ничего не делать. Вина не приноси. Здесь все дарят деньги. Но лучше, если ты принесешь букет цветов.

Самуил арендовал зал и позвал человек шестьдесят гостей, людей пожилых и совсем старых, так что Авраам с женой сошли за молодежь. Знакомых не было, хотя со многими они сталкивались очень часто. Рядом сидел малорослый, но весьма упитанный господин с необъятного размера супругой, который, едва успели принять первую рюмку, стал заваливать Авраама вопросами: «Давно приехали? Где живете? На каком этаже? Кем работали раньше? А где дети? Почему в Москве?..» Авраам чувствовал, что начинает накаляться:

— Что ему, постороннему, до моих дел, до моих детей? — он стал отвечать все неохотней, и сосед тут же с обидой изрек:

— Не хотите отвечать, — так не надо! — и повернулся к своей «снежной бабе».

Торжество было задумано с большим размахом. Между второй и третьей рюмками в центр зала вышло человек

восемь женщин в бумажных поварских колпаках и один мужчина-запевала. Все они держали листочки с текстом. Солидная дама с высокой седой шевелюрой села за кейборд, и представление началось:

*Снова годовщина
Опять у Самуила.
Снова все мы — за столом,
И летят телеграммы,
Только нет папы с мамой,
Но их память в сердце мы несем.
Годы пролетели
Все мы поседели,
Кто-то даже польсел,
Но вставными зубами
В жизнь вгрызаемся жадно,
Нам и девяносто — не предел.*

Авраам вспомнил из Шолома-Алейхема:

*У нашего рабэ реб Шмуел Габе
Пухлый и мягкий живот.
Он сидит у стола
И тащит из котла —
Прямо-таки пар идет...*

А певцы приступили к припеву:

*Зажги же лампу Муля,
Пусть ярче светит.
Ведь за столом сегодня — все друзья!
И наши дети с нами — какое счастье!
Вот, видишь, дожили — и ты, и вся семья.*

Авраам наклонился к жене:

— Это здорово у них получилось как они вставными зубами жадно...

— Тише ты, критик!

А октет тем временем создавал эпическую картину семейного счастья Самуила:

*Марик стал программистом,
Идочка — нёрс-ассистэнт,
Боря наш компьютер одоле-ел,
Аня школу кончает
И свой путь выбирает,
А Сёмочка в футболе преуспел.*

И мы здесь не скучаем, английский изучаем,
(тут Аврааму стало неловко — оказывается он с ними заодно, а хотел было дистанцироваться...)

*Молодым бы нашу прыть!
Ярд-сэйлы, и фильмы, и турпоездки, и интернет —
Океан мы можем переплыть!*

— Чтобы поцеловать родную землю, — добавил Авраам и получил локтем в ребра от любезной супруги.

Величание Самуила продолжалось. Последовал «оригинальнейший» тост за супругу. Что-то подобное полуспущенному воздушному шару возникло над столом. Очки блеснули над ястребиным носом, тонкие губы раздвинулись, обнажив блестяще-белый американский протез. Как шар под ветром, она завертелась, раскланиваясь на три стороны под стихки на мотив «Чариты»:

Ай, как стройна! Прямо красotka...

Четвертая рюмка попала в цель. Авраам почувствовал блаженство и, заметив через три стула миловидную брюнетку, решил обязательно к ней подойти в антракте. К ужасу супруги, он довольно громко пропел своё окончание стихка:

*И задницей вертит и крутит она,
Как будто у ней чесотка...*

О счастье! Он был услышан брюнеткой. Она расхохоталась так искренне, что он почувствовал себя на двадцать лет моложе.

Чествование шло к концу. Перед горячим пожилая пара, держа перед двумя парами очков листок, продекламировала под аплодисменты сидящих:

*Мы милому Муле
Желаем здоровья.
Пусть Мулю минуют ненастья!
А также всем сердцем
Желаем мы Муле
Побольше еврейского счастья!*

— Послушай, *еврейское* счастье всегда принималось, как среднего калибра неприятность! За что же они его так?

— Набрался, пьяница! — в голосе жены зазвучали злые нотки.

Между тем, зазвучали советские песни. Публика ожидалась, и вот уже появились первые пары. Самуил, видимо, считал участие в танцах ниже своего достоинства, сидел и рассуждал перед двумя серьезными стариками, а его супруга, тем временем, плыла в объятиях коротышки, который вцепился в оборки её платья, как в стропы парашюта. Как только нашелся кавалер для жены, Авраам быстро шагнул к незнакомке и с низким поклоном пригласил к танцу.

— Вы здесь в качестве кого? — спросил Авраам, стараясь прижаться к прекрасному бюсту. — Я знаком с Самуилом четыре года, но не пойму, за что мне оказана такая честь.

— Я — жена его непутевого племянника. Зовут меня Нина, и я не люблю, когда меня кличут Ниночкой, Нинулей, Нинусей и прочим с уменьшительными суффиксами.

— Понял. Всё понял. Я здесь — Авраам.

— То есть, *отец всего еврейского народа?*

— Почти. Наблюдая этот мир в течение пяти лет, я решил отказаться от отцовства.

В танце они поплыли мимо группы мужчин, откуда слышалось хвастливое:

— Между прочим, я — единственный во всей Америке, который получил в свое время *дизабилити* по моей болезни.

Нина не выдержала и расхохоталась, закинув голову. К счастью, они уже отделились шага на три-четыре.

Музыка кончилась. Гости сидели, лениво ковыряя остатки гастрономии. Кто-то еще хорохорился, подначивая допить остатки водки. Разговор утратил былую живость и всеобщность, подобно тому, как большой огонь распадается на малые очажки, в котором дотлевают отдельные поленья. Дама с седой шевелюрой сидела за кейбордом, старательно играла «Мурку» и напевала:

Там сидела Мурка, и у ней под юбкой дробом был зараженный наган...

Авраам почтительно попросил «телефончик» у Нины и был осчастливлен. Настроение у него улучшилось, он стал мечтать о звонке и планировать свидание. Жена на него косилась время от времени весьма подозрительно. Чаши весов семейных отношений пришли в движение.

— Слушай, а ты был прав, когда озлобился на служащего синагоги. Тут в газете на русской странице одна американка чеховстит рэбая, — Николай вытащил четвертушку листа. — Вот: *...руководство синагоги использует авторитарные методы управления, игнорируя демократические принципы. В синагоге уже долгое время не проводятся финансово-отчетные и перевыборные собрания, все решения принимаются за закрытыми дверями. Администрация не заинтересована в привлечении молодых семей. Возникает угроза закрытия синагоги...* Ну, и так далее.

— Всё понятно. Рэбай ворует по-черному и не хочет, чтобы его проверяли.

— Самое интересное на закуску, — перебил Карасик. — Курсивом: *Письмо также подписали несколько русскоязычных членов синагоги, попросившие не публиковать их имена.* Как это похоже на наших!

Кстати, здание синагоги было в свое время выкуплено у церкви. Колокольня, как ты видел, огромная. Что с ней

делать — не разрушать же. Вот рэбай и придумал поставить вместо креста менору.

— Прямо как в старом анекдоте, где соревновались раввин и священник. Священник купил «Волгу», а раввин — «Запорожец», священник окропил машину святой водой, а раввин отрезал ножовкой по металлу радиатор...

— Я слышал, что новую церковь при открытии освящают, а что делают с новой синагогой?

— Наверное, благодарят *Бга* за содействие в строительстве...

В одну из суббот Авраам провожал жену в двухдневную экскурсию в Филадельфию и с большой радостью наблюдал, как битком набитый евреями ковчег отчаливает от тротуара. Впереди было почти три дня свободы. Дома он тщательно побрился, постриг волосы в носу, помазал дезодорантом подмышки и позвонил по заветному мобильному телефону Нине. Стараясь скрыть волнение, он небрежно сказал, что рад бы встретиться, чтобы освежить первые впечатления и набраться новых. Нина без кокетства ответила, что она назначила свидание с подругой в кафе «Панера», что на площади в Ньюпорте, и если для него это расстояние не препятствие, то она с удовольствием с ним увидится часов в двенадцать, не ранее. Нет, он не мечтал об интрижке. Зеркало не врало — он выглядел бодрым стариканом шестидесяти трех лет, и шансов завоевать сорокапятилетнюю миловидную женщину у него не было. Ведь он не был артистом, художником, музыкантом, писателем или поэтом. Он был *бывшим* инженером-связистом. Его остроумия, которое он накопил за последние пятьдесят лет, едва хватило бы на пару часов, а потом она посмотрела бы чуть внимательнее на засушенного Геркулеса и передернула плечами. Однако он был мужчиной, потому что чувствовал себя мужчиной и знал, что должен явиться в кафе с букетом цветов. И с небольшим опозданием, чтобы дать женщинам пообщаться.

Нина сидела с подругой у окна.

— Знакомьтесь, это Таня. Мы с ней подружились десять лет назад. Она работает в одном замечательном заведении,

---

которое мы назовем «Мистер и Миссис Икс», и там обслуживает наших престарелых. Очень смешно и одновременно грустно слушать, как эти люди, которые в России были тише воды и ниже травы, стали воображать, что здесь им всё дозволено.

— Я все время удивляюсь, — продолжала Таня, — откуда взялась эта пена? Вот, приходит бывший начальник автобазы. Ему восемьдесят шесть лет. Требуется, чтобы ему дали тридцать тысяч долларов на зубы. Он явный агрессивный алкоголик, разговаривает совершенно безобразно. Мои девчонки плачут от унижения, а я должна его успокаивать, звать к его разуму, совести.

— Давайте мне распечатку, куда вы тратите мои деньги! — орет он. — Это мои деньги, и вы обязаны дать отчет!

— Я ему объясняю, что «Медикер» такие расходы не покрывает, а он начинает стучать кулаком по столу. Хорошо, что не по морде!

Другой, чуть помоложе, пришел требовать «Виагру». Я ему говорю, что Медикер запретил выдавать без рецепта врача, потому что участились смертные случаи, а он кричит, что найдет на меня управу. Понимаешь, они осмеливаются на нас кричать! Они! Что я должна ему сказать? Я и говорю: «Ищите управу».

— Вот пакость! Вы правильно назвали их пеной.

— Нет, вы не представляете, что это такое. Звонит один тип и говорит:

— Так! Чтoб негров ко мне не присылали возить меня в госпиталь!

— Как вам это нравится! Это говорит человек, который в России при слове «жид» готов был сквозь землю провалиться.

— Знаешь, Таня, я готова понять этих скандальных стариков. У них каждый день что-нибудь новое болит...

— А как же они там жили? С кем они там скандалили? Кого они там унижали?

А вот два совсем свежих анекдота. Звонит один ко мне:

— У вас есть сервис, чтобы возить меня в лес?

— Нет.

— Так создайте! Я — жертва КГБ!

Другой звонок от не очень старого мужчины:

— Запишите меня к невропатологу, но *цито*. Знаете, что такое *цито*?

— Я знаю, что такое *цито*. Срочно можно записать вас только к психиатру и гинекологу.

— Вы закажите мне *аппойнтмент*, а я сам разберусь!

— Мы не заказываем *аппойнтмент*. У вас есть сын или дочь?

— Моя дочь работает. Ей некогда! Это *вы* должны нас обслуживать!

— И так почти каждый день. От этого нахальства устаешь в сто раз сильнее, чем от работы, которую с тебя требуют.

— Что-то у нас слишком грустный разговор получается. Авраам, раз пришли, начинайте развлекать милых дам. Расскажите, чем живет община города...

— Недавно приезжал Александр Городницкий. Выступал в синагоге у Зайчика...

— Оказывается, не только у евреев есть синагога! — Замечательно! — засмеялись женщины.

— Что значит приятное общество! — с воодушевлением воскликнул Авраам. — Экспромты рождаются сами собой. Так вот, народу набилось под завязку, хотя его песнями в России увлекался далеко не каждый десятый. Я имею в виду и возраст, вполне преклонный еще в те времена, и вкусы тех времен. Наш бард превратился в красивого седого джентльмена. С него картину бы рисовать — лорд Городницкий с детьми и собаками. Жаль только — Гейнсборо нет. Послушали мы его, погрустили...

У меня был начальник, доктор технических наук Марк Колтун. Светлейшая голова. Английский знал, как нам и не снилось. Когда разрешили выезд, я спросил его, чего он не едет. Он был известен и в Европе, и в Америке. А он ответил:

«Аркадий (я там в Аркашках ходил для удобства населения), только на русском я могу выразить себя максимально».

Что же касается нас, то почти все вообще английским не владеют, а литературным языком даже вы не владее-

---

те, я уверен. Только не обижайтесь. На правду обижаться нельзя...

Не могу до сих пор привыкнуть к тому, что кофе пьют в Америке из такой примитивной посуды, — типичная химическая фарфоровая кружка на триста миллилитров. Теперь рассказывайте вы, Нина, у вас круг общения шире.

— Моя мама стала ходить в «детский садик». Как раз в вашем городке, Авраам. Уже через неделю она стала свидетельницей комического скандала. Аня Юдович каждый день приходила в новой кофточке. Её соседка по столу Ида Портнова возьми и скажи:

«Ты что же, каждый день покупаешь новую кофточку, а на следующий день сдаешь в магазин обратно?»

Что тут началось! Ида, оказывается хулиганка и хамка, и её кофта, в которой она ходит целый год, уже воняет, она — неряха, у неё еда валится изо рта, она чавкает. И вообще она, Аня, никогда больше с этой грязной старухой не сядет. Пусть её пересадят немедленно! В противном случае она перестанет сюда ходить.

Администрация тут же на цыпочках побежала улаживать конфликт, а моя мама затосковала и вечером робко так спросила меня, неужели в этой затхлой атмосфере ей суждено пробыть до конца жизни? Я её утешала, как могла, и попросила подождать еще немного и если ей станет невмоготу, мы откажемся от этого «садика». Все-таки, там хорошая библиотека, концерты бывают, поездки в парк и прочее.

— А я там однажды был, — вспомнил Авраам и описал, как три старухи колотили ложками по столу. Тут они расхотались так, что Таня закашлялась.

— Самое неприятное в том, — сказала она, отдышавшись, что все наши евреи, посещающие «садик», уверены, что всё окружающее их великолепие им *положено*. За что положено, за какие заслуги, их не интересует. Тот, кто взял на откуп у штата эти «садики», делает хороший бизнес и вопросы морали его не интересуют. Чем больше людей посещает его заведение, тем больше у предпринимателя денег, так что механика его бизнеса проста. Поэтому персонал лезет вон из кожи, чтобы угодить каждому клиен-

---

ту. А некоторые клиенты уже и ноги на стол закинули, как в известной русско́й поговорке.

— Я тут мимоходом открыл один из законов истории: максимальными привилегиями пользуются не те, кто отдал за них силы, а те, кто сумел выжить и прожить долгую жизнь. К примеру, мой знакомый, которому сейчас восемьдесят пять лет, в войну служил в артиллерии стратегического назначения и ни разу не вступил в контакт с противником. Он благополучно закончил войну и стал театральным деятелем. Сейчас у него огромная пенсия участника войны, к его услугам госпитали и санатории высокой категории и прочее, и прочее. То же можно сказать про наших евреев от шестидесяти и старше. В семидесятых годах евреи боролись за право выезда из СССР. Их подвергали травле и издевательствам, выгоняли с работы, сажали в психушки. Но они, в конце концов, победили. И вот, теперь те, кто не внес в дело освобождения ни грамма, пользуются неисчерпаемыми привилегиями. — Авраам помолчал, вспоминая. — Когда я был в девятом классе, в Москве на одной из выставок демонстрировалась картина Ларионова «Обеспеченная старость». Среди баранок, сушек и самовара — улыбающиеся лица ветеранов сцены. Им бы, бедолагам, взглянуть на сосредоточенные, хмурые лица наших евреев за обеденным столом и спросить: «Чего же еще вашей душевненьке угодно?»

Минуты встречи истекали. Авраам чувствовал, что он малоинтересен им, работающим и озабоченным своей карьерой и своими детьми, что второго свидания с Ниной, тем более, наедине — никогда не будет. Ему стало грустно. Надо было проститься поскорее и с достоинством.

— Леди, — сказал он, поднимаясь, — к сожалению, я вынужден вас покинуть. Сегодня я должен закончить очерк о космической связи для журнала «Вестник». Всего вам доброго.

— О, вы сотрудничаете с журналами! — воскликнула, правда довольно вяло, Нина. — Это интересно. И вам всего доброго. Где-нибудь и когда-нибудь встретимся. Мир те-сен.

Наступил очередной еврейский Новый год — Рош Ха-шана. Авраам встретился с Карасиком у синагоги. Николай протянул ему синий с золотом томик древних молитв «Махзор».

— Дарю, — сказал он величественно, словно дарил полцарства. Прочти внимательно сто шестьдесят первую страницу и прими к сведению.

— А что там?

Карасик ткнул пальцем:

— Смотри: «Ибо Бог Всевышний грозен — Царь великий над всей землею. Он подчинит нам народы и племена (повергнет) к ногам нашим!» — Какие чувства, по твоему разумению, эти народы и племена питают к евреям, особенно тем, которые считают, что всё изложенное есть абсолютная истина?

— Антисемиты всего мира принимают эти слова всерьез, ты их и в Торе можешь найти. Знаешь, кстати, как Самуил доказывает превосходство евреев над всеми народами? Он говорит:

— По числу Нобелевских лауреатов евреи занимают первое место.

Я ему отвечаю, что среди англичан и немцев Нобелевских лауреатов не меньше.

— Да, — признаёт он, — но в *процентном* отношении к числу людей данной *нации*...

— И знаешь, — он прав, добавил Авраам. — Евреи умнее других народов. Это статистика, а не пропаганда.

— В середине шестидесятых годов я слышал от одного крупного физика о проведенном социологическом исследовании, где было показано, что только четыре процента работающих в науке имеют творческий потенциал, остальные могут быть только исполнителями и идей не генерируют. Евреи с их тягой к образованию, как одному из немногих отпущенных им средств сделать карьеру, наверное, значительно превышают пропорциональный процент в научных коллективах, будь то научно-исследовательские организации или университеты. Отсюда и творчески мыслящих евреев в науке больше в переводе на проценты к остальным

нациям. Статистикой, мой милый, тоже можно жонглировать да еще как!

— Ты что же, стал читать «Еврейский Мир»? — спросил Авраам, взглянув на газету, торчащую из кармана куртки Николая.

— Читать там нечего. Забавно, как они ругаются между собой и травят инакомыслящих. Тут один парень признался, что он стал христианином, хотя мать его еврейка. Что тут началось! Как посмела еврейская газета печатать письмо выкреста, «выродка»! Выгнать главного редактора! Это слюнтяйство есть угроза существованию еврейского народа! Одна образованная женщина осмелилась напечатать в «Вестнике» свое мнение: «Почему мы ожесточенно клянем человека, выбравшего не ту религию?» Кто или что поможет выздороветь тем, кто нетерпим к чужому мнению, не щадит чужого самолюбия, не чувствует чужой боли? — Так её тоже смешали с навозом.

Помню, Кончаловский Андрон где-то писал, что российские евреи — своеобразная порода, что советская система оставила на них несмываемую печать. Это не просто евреи, — пишет он. — Это *юдо советикус*.

— Блюстители еврейской чистоты издают газету «Еврейский Мир» на русском языке! Это ли не парадокс? Помню, мой знакомый сочинил целый цикл пародий «Песни пересмешника», и там был стишок:

Да будь я хоть негром преклонных годов
И то без унынья и слез
Я иврит бы выучил только за то,
Что им изъяснялся Христос.

— А скажи-ка, Адик, почему еще до революции издали «Еврейскую энциклопедию» на русском языке?

— Не знаю, но не исключаю — для того, чтобы показать русскому народу, как велик вклад евреев в мировую и в русскую науку и культуру.

— Может быть, ты и прав...

— Я вот что хотел сказать. Нетерпимость евреев сегодня связана не только с советским режимом, который, ра-

---

зумеется, воспитывал все народы в духе «кто не с нами, тот против нас». Вся история евреев — это сплошной раздрай. На крошечной земле Иудеи никогда не было покоя и согласия. Исключение — короткий период правления трех царей. После Соломона опять началась свара. И я думаю, что тут виноват еще бешеный еврейский темперамент. Вот, люди с Кавказа, или как их кличут — люди «кавказской национальности» тоже очень темпераментные, и бывшие югославы тоже. Не зря у них до сих пор нет мира. Отсюда и нетерпимость, и зло к инакомыслящим, к инородцам.

«Люди, которые живут в пустыне, всегда интересуются Богом. А если очень жарко, им даже кажется, что они его видят. А если им сильно напечет голову, они начинают с ним разговаривать». — Это слова одного великого еврейского писателя, в которых, как мне кажется, видны истоки еврейского первенства в поисках Бга. Темперамент ведь не есть только секс и свары, это еще и интенсивность работы ума...

Карасик посмотрел на Авраама с веселым удивлением:

*«Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Адик, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.»*

— А не пойдете ли *Ви к Бениной маме?! —* столь же весело осведомился Авраам.

— По поводу новой теории и Нового года надо выпить и немедленно! — воскликнул Николай, вытаскивая заветную фляжку с коньяком.

Друзья забежали во двор синагоги и, втиснувшись между пристройками, сделали по хорошему глотку.

— А теперь к океану, чтобы омыл наши истосковавшие вдали от отчизны души!

Постепенно, шаг за шагом Авраам приспособился к жизни в русской коммьюнити. Выходки соплеменников уже не так раздражали его, как в начале эмиграции. Теперь он много времени отдавал высшей математике. Его восхищало

качество и содержание учебников, отпечатанных на потрясающей глянцевой бумаге. Он гордился, как мальчишка, получая высший балл на контрольных и экзаменах. Вскоре по совету одного физика, доктора наук из Петербурга он оформился на помощника преподавателя математики (тьютора) и стал прирабатывать по пять сотен долларов в месяц. Студентами его были в основном выходцы из Африканских стран и Центральной Америки. Начальной подготовки у них совершенно не было, и он учил их четырем действиям арифметики, потом десятичной системе счисления, потом простейшим уравнениям с одним неизвестным и неравенствам. Когда его студент бурно радовался, самостоятельно построив график прямой линии по уравнению, Авраам радовался вместе с ним.

Жена Авраама, окончив курсы английского, прочно осела дома. Весь день лежала на правом боку, смотря бесконечные американские фильмы и программы путешествий. Она очень расплнела, была недовольна собой, но отказать себе в удовольствии поесть острого или жирного не могла. Не умея разрядить накопленную энергию, она стала очень раздражительной, делала бесконечные замечания мужу, а он смотрел на сварливую, толстую, старую бабу и, чувствуя, что сам может вот-вот взорваться, старался побыстрее выскользнуть из дома. В колледже ему было комфортно. Он брал с собой книгу или учебник и заранее радовался нескольким часам, которые проведет в тишине и покое, сидя в удобном кресле.

Ему очень хотелось встретиться с Эдуардом и вновь поговорить без лишних эмоций о жизни, «о королях и капусте». Он ведь теперь стал мудрее, лучше понимает окружающий мирок... Наконец он собрался и позвонил. Эдуард вспомнил его и пригласил к себе домой — на улице дул свирепый океанский ветер с сырым снегом. Авраам вошел в квартиру и поразился аскетизму и роскоши, в которых жил Эдуард. Гостиную занимал огромный стол, за которым хозяин творил. Его творения — коллекции минералов, гипсовые скульптуры, графика стояли вдоль стен между книжными шкапами с книгами по искусству. Весь быт составляла скромная лежанка, покрытая лоскутным одеялом, письмен-

---

ный стол, на котором стояли плоский телевизор и компьютер и пара жестких деревянных кресел.

Эдуард сдвинул бумаги, поставил две чашки, две рюмки, бутылку французского коньяка и кофейник. Разговор завязался сам собой. Авраам рассказывал о постоянном раздражении, которое испытывает к окружающим, и о попытках доискаться до причин. О том, что одинок и не может завести знакомых. Что один-единственный друг Николай уехал вслед за детьми на берег Тихого океана, и теперь ему просто не с кем общаться.

— В России я презирал режим и тяготился окружающими меня людьми, но потом я встречался с друзьями и оттаивал душой. Знаменитая поэтесса сказала: «Друзей моих прекрасные черты...», вот так я вспоминаю своих далеких друзей. Но сколько можно прожить, питаюсь одними воспоминаниями?

— Я вас понимаю, — ответил Эдуард. — Вы здесь вошли в вынужденный контакт с людьми психологически вам неравноценными. В культурном отношении многие из них, как я думаю, ничуть не уступают вам, но они вам чужды. Они, со своей стороны, тоже чувствуют в вас чужака, индивидуалиста. При всём при том, учтите, что мы говорим о совершенно определенной возрастной категории — от шестидесяти и старше. Те, которые моложе вас на двадцать-тридцать лет, легко вписались в новое общество, заняли там прочные позиции, работают на износ, им ваши проблемы непонятны, а их дети стали американцами. У них будут американские проблемы, когда они вырастут.

— Знаете ответ на загадку, которую я придумал, — перебил Авраам: Кто это такие — не сеют, не пахут, а сыты бывают? — Наши евреи, которым за шестьдесят.

— Надо смотреть глубже, — ответил Эдуард. — Перед вами действующая модель коммунистического общества. Люди из формации загнивающего социализма одним скачком переселились в коммунизм, который предполагает высокий творческий потенциал каждого члена общества. Еврейство тут ни при чем. Любой национальный коллектив, поставленный в условия всемерного удовлетворения

всё растущих потребностей, начинает деградировать. Человек обязан трудиться. Всегда. До самой смерти. Речь идет не о хождении на службу, а о том, что каждый должен занять себя разумной деятельностью, не ограничиваться одним потреблением. В противном случае вместо Ренессанса мы будем иметь расцвет маразматического *Потреблянса*. Собственно, этим же порочным путем идет сейчас Америка и ведущие страны Европы. Грядущая экологическая катастрофа есть следствие всемерного и все растущего удовлетворения потребностей населения. Никто не скажет, что пора остановиться, начать экономить ресурсы, уменьшать количество мусора, что хватит жрать в три горла. Законодатели не понимают, что мы, как биологический вид, можем зайти в тупик, из которого не выйдем, что неисчерпаемы лишь духовные ценности и только их неограниченное потребление способствует истинному прогрессу.

Кстати, в Германии большие проблемы с бывшими Поволжскими немцами. Те приехали из бедных и грязных городов и деревень бывшего СССР, и свалившееся на них изобилие в виде пособия привело к их форменной деградации. Пособия им вполне хватает на еду и выпивку, работать они не хотят, учиться тоже. У них свой коммунизм. Без духовных потребностей.

Нетерпимость же имеет своим корнем национальное высокомерие, которое раньше было загнано вглубь и не смело высовываться. В сочетании с бывшим рабством оно образует гремучую смесь — ксенофобию, которую раньше все осуждали у великих (по числу) народов. Для изменения ментальности должно пройти длительное время, которого у старшего поколения наших евреев нет. Такими, какие они есть сегодня, им и помирать суждено.

— Мой друг Николай говорил мне:

«В крошечном Израиле двадцать разных конфликтующих партий. О каком единстве нации можно говорить при таких условиях?»

И высказал прямо-таки крамольную мысль что война Израилю нужна не меньше, чем арабам. «Война способствует сплочению евреев»...

— Забавно, — откликнулся Эдуард. Видно было, что тема ему наскучила и слушает он лишь из вежливости. — Мандельштам писал о своем еврейском учителе, от которого впервые узнал о чувстве еврейской гордости, но не поверил ему, потому что учитель, едва выйдя на улицу, тут же о своей гордости забывал.

Видно было, что он додумывает свои мысли, и присутствие Авраама ему несколько мешает. Они опять простились с холодком.

Отсутствие желаний делает время тягостным фактором. Старость компенсирует это ощущение тем, что человек движется и работает медленнее, чем в прежние годы. Замедляются и мыслительные процессы. А вот, эмоции не стареют. Старые обиды жгут так, словно всё случилось буквально вчера.

Приезжала в гости дочь с мужем и двумя внуками. Авраам из кожи вон лез, чтобы поводить их по столице штата, съездили на Ниагарский водопад, в казино, гуляли по берегу океана. Гости, каждый год отдыхающие в Италии, Испании, Греции, только фыркали. Еда невкусная, дороги в плохом состоянии, жалкие домики — а они-то думали, что в Америке всё-всё высшего класса. Музеи приличные только в Нью-Йорке. Правильно они сделали, что остались в Москве. У них дача в пять раз больше, чем халупы за четыреста тысяч долларов, а сделаны из прессованного картона. У Авраама от обиды на этих пижонов кривились губы. Он давно стал патриотом Америки и находил её идеальной страной для проживания. А недостатки есть у всех стран. В России, например, хорошо живут одни жулики. Дети приняли последнее замечание на свой счет и страшно обиделись. Расставались холодно. Жена целый год пилила Авраама и понуждала послать дочке покаянное письмо. Он же уперся, как осёл, и чем дальше, тем становился упрямее.

Жена каждый год ездила в Россию. Один год — к дочке, другой — к сыну. Вдвоем было бы очень накладно, да Аврааму и не хотелось. Наконец, собрался повидать друзей, благо стал гражданином Америки, упростилась процедура

поездки. Поехал на двадцать пять дней. Приехал и увидел, как мало по существу за десять лет изменилось. Злобные и усталые люди в метро, грязные подъезды и забытые мусоропроводы, ужасающие общественные туалеты. Неописуемая черная грязь на улицах, жуткий загазованный воздух. Старики-друзья, перебивающиеся кое-как на крошечные пенсии. На ремонт жилья нет денег. Садовые участки стали палочкой-выручалочкой. Музеи, правда, остались столь же прекрасными. Появились новые памятники. В центре прямо-таки эпохальное строительство. Небоскребы налезают друг на друга. Торжество помпезности. Архитектура взбесившихся тортов с кремом. Хотел пройтись по переулкам своего детства, попрощаться навсегда. Оказалось, не только переулков — даже следов от улицы не осталось. Уехал с щемящей болью в душе, чтобы никогда больше не возвращаться.

Вернулся — и как обухом по голове, — у жены опухоль мозга. Нужна срочная операция. После операции жена так и не оправилась. Через полгода схоронил её на местном еврейском кладбище. Опять сбежалось полгорода, глазели, шушукались. Авраам никого на поминки не позвал. Прямо на могиле сказал спасибо всем, кто пришел, сел в машину и поехал домой. Плевать он хотел на них, на всех. Плевать в их любопытствующие, бесстыжие, холодные глаза. Дети на похороны не приехали, да он и не ждал. Сидел неделю дома, не выходил на улицу. Вспоминал прошедшую жизнь. Потом сел за стол и начал письмо воображаемому брату. Решил не щадить ни себя, ни родственников, ни друзей, ни врагов. Смысл был один — жизнь, как бы ни была привлекательна, несет в себе тяжкое проклятье расплаты, и потому ни черта она не стоит, сколько ни проживи.

Став бобылем, Авраам оказался неожиданно предметом пристального внимания престарелых дам. Он и помыслить не мог, что в их городке столько нежных сердец желает вновь соединить свою судьбу с мужчиной, хоть и преклонного возраста. Сначала он даже не понял, что на него пошла охота. Подруги жены стали зазывать его в гости, причем за столом обязательно оказывалась некая очередная особа, тщательно

выкрашенная и причесанная, намазанная и припудренная, эрудированная в области литературы и искусства, любительница хорошо покушать и чуточку выпить. Почти у всех претенденток дети жили в Америке, но с *милой мамой* общались в основном по телефону. Дети были хорошо устроены, жили в собственных домиках, платили ренту и без усталости летали по всему миру, когда выпадало несколько свободных дней.

Авраам смотрел на увядшие губы, утянутые, но выпирающие к подбородку животы и груди, ощущал запах тления и тосковал от безысходности бытия. Спасала четвертая рюмочка водки. Он становился общительным и остроумным. Претендентки были в восторге, но проходил легкий хмель — и словно огонь в нем потухал. Он вставал, быстро раскланивался, несмотря ни на какие уговоры, и уходил к океану развлекаться.

В течение двух лет после смерти жены он видел с перерывами один и тот же сон. Он шел по знакомой до малейшей трещины в камнях набережной и всюду встречал застывшие фигуры знакомых, которых видел на кладбище. Полуоткрытые в улыбке рты и совершенно неподвижные глаза вселили в него, спящего ужас. Он просыпался с сердцебиением и долго не мог успокоиться.

Да, в одиночестве способен жить не всякий. Кончилось тем, что он пошел в ближайший «детский садик». Два дня он помогал студентам в колледже, три дня развлекался в «садики». Выходные были самыми тяжелыми днями недели. Жизнь остановилась подобно зависшему фильму в Интернете. Прямо хоть отключай компьютер.

Отсутствие расходов позволило ему уже через год отправиться в круиз по странам Европы. Он плыл на тринадцатипалубном лайнере, купался в бассейнах, сидел в сауне, листал русские и английские журналы, заходил в бесчисленные магазины, но на покупки не было аппетита. В Риме он послушно шел за русскоговорящим гидом и думал лишь о том, что жизнь прошла, что ничто уже не радует и понастоящему не интересует. Всё это должно было случиться раньше лет на двадцать, а лучше — тридцать.

«Развалины бродят по руинам, — усмехался он, оглядываясь на подружек из «детского садика».

Так прошло еще три года и вдруг произошло событие, которое разделило старых евреев, *знатоков политики, мировой экономики и мировой истории*, на два враждебных лагеря. На пост президента впервые в истории Америки вышел чернокожий. Молодой, энергичный, прекрасно образованный против дряхлого, вялого, сидящего на гормональных уколах белого претендента.

Общество в «садике» поляризовалось. Большинство ма-разматических старичков и старушек решительно осуждали тех, кто решил голосовать за *черного*. На вопрос: «Почему?» следовал категоричный ответ: «Потому что он черный!» Нетерпимость евреев в «садике» дошла до того, что *меньшевики* боялись рот открыть. Местные русскоязычные средства массовой информации развернули кампанию по науськиванию еврейской массы против черного кандидата. По сути и духу они копировали российские СМИ и пованивали советским «патриотизмом». Израильская русскоязычная печать подливала масла в огонь, утверждая, что евреи из России, проживающие в США и работающие в масс-медиа, оплачиваются Российскими спецслужбами и являются пятой колонной.

Но по *большевицкому* сценарию не вышло! Молодая Америка избрала чернокожего президента, доказав всему миру, что равенство всех граждан существует не на бумаге, а на деле.

Авраам сидел перед компьютером и листал интернетовские страницы. Его внимание привлек политический обозреватель Евгений Майбурд. Благообразного вида господин в шляпе поверх копны курчавых волос и с мягкой улыбкой, очевидно обращенной к будущему читателю. Такому человеку просто хотелось верить. Авраам перевернул страницу:

«Первый в истории черный президент — он беспрецедентен во всех своих проявлениях, включая публичное вранье. Ни один президент этой страны не врал в глаза своему народу так много и так вдохновенно, как Барак Обама».

— Да, внешность обозревателя оказалась обманчивой...

А поток помоев продолжался:

«Чикагский стиль... Фабрика политических проходимцев... Он о политике ничего не знает. И по другому не умеет. И не хочет уметь... Аксельрод, Эммануэль и Обама — вся троица — законченные негодяи, не признающие норм ни закона, ни морали»...

— Послушайте, да это же калька с газеты «Правда» тридцать седьмого года! — крикнул Авраам в экран монитора. — Один к одному!

Поток помоев, всё нарастал:

...«Какое будущее могут готовить Америке отпетые мерзавцы у власти? Вот именно: мерзопакостное».

Авраам вырубил компьютер. Кулаки у него зудели от желания встретить благообразного господина в тихом переулке и превратить его физиономию в навозную кучу, чтобы форма соответствовала внутреннему содержанию. Судя по упитанности, *его мерзопакости* неплохо оплачиваются. Если бы статья была опубликована на английском, автора можно было бы привлечь к суду за клевету и оскорбления, но еврей Майбурд лил грязь на русском. Аврааму было стыдно за то, что еврей пишет такие гадости. Он вспомнил фразу из воспоминаний Веры Набоковой:

«Мне ненавистны пронырливые люди, и еще отвратительней, если это евреи, ведь для нас — дело чести не давать повод клеветникам считать, будто это чисто еврейская черта».

Авраам мучился одиночеством, но пересилить себя не мог. Он утешал себя строками из Омара Хайяма «*Ты лучше голодай, чем что попало есть, И лучше будь один, чем вместе с кем попало*», подумывал даже вернуться в Россию, хотя знал, что не поедет. Детям не нужен, друзьям достаточно телефонного звонка или *Е*-мэйла. Благополучная, сытая жизнь, жизнь без забот и тревог всё продолжалась и продолжалась, и не было той жизни конца...

САРКАСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ

*Правдивые мемуары позволяют
понять движущие силы Истории*

Россия и окружающий мир

В мае 2005 вышла в Бостоне книга В. Снитковского «Россия: взгляд с Востока и с Запада». С любопытством я прочел центральную главу «Всегда агрессивная Россия». Прочел и задумался, отчего это так получается, что одни государства порабащают другие. По Марксу-Ленину основой насильственных захватов является экономика, а вовсе не злая воля отдельного человека или группы лиц. А если верить Гумилеву, то основой является термодинамика — возрастает внутренняя энергия какого-либо народа (что-то вроде перегрева воды в котле) и вот, глядишь, он уже полез на соседей. А чем тогда Россия хуже Англии, у которой почти до середины двадцатого века полмира числилось в колониях и доминионах?

А что, если взять итоги внешней политики от шумеров до начала Второй Мировой войны, выделив отдельным куском события в России в 1917 году? Итоги таковы, что ни одной минуты за всю шести тысячелетнюю историю государства планеты не жили в мире. Воевали пастушеские племена, города-государства, феодальные княжества, античные республики, рабовладельческие, монархические, республиканские разных мастей — с конституциями и без, с парламентами и без, с королями и президентами во главе.

...Но вернемся к России. Пока страны Западной Европы прибирали к рукам другие континенты, Россия расширяла

свои границы на юго-восточном и северо-западном направлении. И никто тогда не возмущался этими фактами. Все хапали по максимуму, и Россия хапала в меру своих возможностей. А тем временем, сами понимаете, неравномерность развития, то-сё, короче — появились новые претенденты на лакомые куски, а где их взять? Значит, будем снова воевать, переделывать политическую карту планеты.

Всем известно, что правителями европейских стран, поделивших мир, были близкие родственники — кузены и кузины, братья и сестры. Этот факт чрезвычайно раздражал Ленина. Думаю, это и нас раздражало бы до крайней степени. Родня не могла договориться между собой толком и гнать своих подданных на убой. Безумный мир!

...Безумный мир? — Можно подумать, что он был когда-нибудь иным! Если взглянуть на совсем-совсем далекое прошлое, то ведь и Каин убил родного брата Авеля, и Ромул убил родного брата Рема.

Возьмите средневековье. В России князья шли войной друг на друга, брат на брата, русские на русских. И жестокости были явлены те еще! А в Европе разве было иначе? Немцы на немцев, французы на французов. Под всех объединяющим и примиряющим знаменем Святой Церкви Христовой. Знаю, знаю, что забубнят профессиональные историки — тогда еще, мол, не сложились национальные государства и понятия общей отчизны еще не было...

Хотя для многих из нас Ленин есть фигура одиозная, его заявление что рабочим и крестьянам войны и на фиг не нужны, а нужны они тем, кто на войнах наживается, — мне, лично, нравится. Когда найдешь виноватого, как-то легче на душе становится.

Когда началась заваруха в августе 14-го, то никто не ожидал, не предвидел, чем это всё кончится. Ленин надсаживался, кричал, что раз война не нужна народам, то народы должны подняться и свергнуть правительства, которые эту бессмысленную войну начали. «Превратим империалистическую войну в войну гражданскую!» — ни хрена себе лозунг! Но пока оставим Ленина в покое. Прави-

---

тели-братья совершили тягчайшее преступление против цивилизованного человечества и всего человечества в целом. Потерявший власть и жизнь Николай Второй ничуть не больше виноват, чем его брат Вильгельм или господин Пуанкаре. Всех их надо было бы связать и на дно, а прихлебателей разместить в тюрьмах пожизненно. Итоги Первой Мировой (по числу жертв и масштабу разрушений) были столь ошеломляющи, что решили создать Лигу Наций, которая впредь решала бы острые вопросы дипломатическим, а не военным путем.

Вот тут-то и начался отход России и некоторых других государств от генеральной линии внешней политики, провозглашенной Лигой Наций. А началось всё с того, что Ленину удалось вырвать власть из ослабевших рук Временного правительства. Оружие при этом осталось у народа на руках. Управлять государством, в котором пять миллионов здоровых мужиков ходят с ружьями и пулеметами и не желают работать, чрезвычайно сложно. Мужики сколачиваются в банды и желают создать государство на манер запорожской вольницы. Ленин, конечно, такого развития событий предвидеть не мог. Он мечтал о Швейцарской республике, о всемирном братстве, а пришлось расстреливать и расстреливать, чтобы самому с друзьями-единомышленниками спастись.

А логика событий вела всё дальше. Победили помещиков и буржуев у себя, потом освободили братьев в бывших Российских колониях. А что делать с огромной революционной армией? Заводы разрушены, поля запущены, школы и институты сожжены, церкви разграблены. Где работать? Чем добывать хлеб насущный? Значит, надо перемолоть в войнах большую часть человеческой массы с тем, чтобы оставшихся в живых держать в горсти, а тем временем срочно строить и восстанавливать. В Лигу Наций Россия, конечно, вступила, но при этом воевала, где могла. Поскольку Англия, Франция, США и некоторые другие оказались победителями, то никому они своих колоний не отдали, и решили жить так, как жили до войны. Но Россия в лице своего правительства, равно как и поверженная Германия были

не удовлетворены итогами войны. Одной пришлось расстаться с Польшей и Прибалтикой, и на Дальнем Востоке кое-что потеряли, а за что? За то, что хотели избавить весь мир от кровопийц-правителей. Другая испытывала чувство глубокого национального унижения и мечтала о реванше.

Прав Суворов (который не полководец, а писатель): армия, которая не воюет, начинает гнить. Не знаю, думал ли так Отец народов, но при нем Россия непрерывно воевала и тут далеко ходить в архивы не нужно. Всё было напечатано в газетах. Царская Россия освобождала братьев-славян, а Советская Россия освобождала всех трудящихся, до которых могла дотянуться. Как там, в Лиге Наций, Литвинов отбрёхивался от желающих уличить Россию в вероломстве сейчас уже не важно. Важно, что мир в целом потерял стабильность, стал *термодинамически* неустойчивым, и Россия была основной персоной, раскачивающей лодку и желающей, чтобы эта лодка (то есть мир) перевернулась. Голодная и нищая Советская Россия вела беспрецедентную подрывную деятельность против наиболее стабильных и благополучных стран Европы и Америки, раздувала мировой пожар.

В это же время в Европе пришли к власти люди с деспотическими замашками и это было реакцией человечества на никчемность социалистических партий, не сумевших предотвратить Первую Мировую войну. Мир после 1918 года всё более и более радикализировался. Как говорил Бисмарк, крикуны-политиканы способны погнать политическую машину по опасному уклону, грозящему катастрофой, и люди во спасение жизни отдают власть диктатору, лишаясь элементарных демократических свобод, лишь бы он навел в стране порядок. Но наведение порядка в стране путем затыкания всем рта есть лишь средство загнать болезнь общества вовнутрь. И такая ли большая разница, под каким соусом давить народ, лишь бы возникала иллюзия единства. Ради идеи «мировой революции» Россия фактически пожертвовала своим социальным развитием. Голодная и раздетая страна почти все деньги тратила на содержание и вооружение гигантской (по численности) армии.

Параллельно, якобы ради спасения белой расы, фашистская Германия претворяла идею расширения жизненного пространства за счет уничтожения неполноценных рас. История вскоре показала нелепость обеих концепций, выведя Японию и Германию в число самых передовых стран послевоенного мира. Оказалось, что наука и техника способны привести к экономическому и культурному расцвету без захвата территорий и рабского труда побежденных. Россия же оказалась в числе стран-победительниц, что и сыграло с ней злую шутку. Потребовалось еще сорок лет, чтобы в недрах национального сознания появилась и окрепла мысль — «мы куда-то не туда идем, товарищи!» За это время Россия, используя протухшую идеологию классовой борьбы, влезла во все возможные внутри- и международные конфликты, и с каждым разом ей приходилось терпеть всё большее унижение и потери. В результате, как мы знаем, одна из акций чуть не кончилась ядерной катастрофой.

Однако было бы нелогичным обвинять во всех неприятностях одну Россию. Противостояние есть противостояние. Бывают времена, когда «ястребы» берут власть над общественным мнением и тогда международная обстановка становится взрывоопасной. Но опыт истории учит, что агрессора можно остановить только силой оружия, а идеологическая работа хороша лишь при условии победы оружия. *Si vis pacem para bellum!* — справедливо для всех времен. Так что в вечно горячей и взрывоопасной человеческой лаве вечным является вопрос о сохранении баланса сил.

Зададимся вопросом. То, что Россия почти восемьдесят лет дестабилизировала мир, создавая национальные движения, прикармливая зарубежных коммунистов, терроризируя или подкупая политиков, свергая правительства других стран и выдвигая своих марионеток, это хорошо или плохо? С точки зрения религии — это очень плохо, потому что ценной являются миллионы человеческих жизней. А с точки зрения мирового развития? Не дало ли это страшное противостояние с цивилизованным миром необыкновенный энергетический толчок научно-техническому развитию? Люди скажут — не надо нам прогресса такой ценой! Но даже

если все люди планеты так скажут, от этого объективная закономерность развития не изменится. И не надо ставить Госпожу Историю в сослагательное наклонение. События происходят таким путем, каким они происходят. Мы можем доставить себе интеллектуальное удовольствие, найдя из тысяч компонентов, двигающих Историю, один, как нам покажется, самый убедительный и побудительный, отвечающий на немислимый по сложности вопрос: «Почему же так произошло?» В этом нет ничего унижительно-смешного. Если мы не будем задаваться такими вопросами, то никогда ничему не научимся.

В конце концов, этот метод диалога с природой вывел естественные науки на такие высоты и за такой короткий период исторического времени! Ну, естественникам-то легко, у них метры (или нанометры), секунды (или пикосекунды), грамм-моли (или микромоли) и прочее. А у истории? Со шкалой времени еще не научились справляться!

События происходят таким путем, каким их движут исторические силы. Известно лишь, что человек, в принципе, способен дать толчок некоему движению, последствия которого он предсказать сегодня не в состоянии. Скажем прямо — у Ленина никаких научно-исследовательских институтов под рукой не было. Кроме двухпудового труда Карлы-Марлы, никаких ориентиров в историческом времени. Исторический прогноз, что, мол, скоро вся планета будет НАША, продержался лишь до первого серьезного эксперимента с роковыми последствиями. Что бы там хулители не говорили, а башка у Ленина варила, будь здоров. Другой не смог бы отыграть назад, к НЭПу и, если бы не пошатнувшееся здоровье, то, пожалуй, пролив бездарно моря крови и растеряв многовековую культуру, Россия выгребла бы (простите за сослагательное наклонение) к цивилизованному обществу лет на сорок-пятьдесят раньше.

Но вот вопрос, который В. Снитковский ставит перед нами, вопрос страшно интересный. Является ли внешняя политика страны следствием её внутренней политики? Ответ у меня уже готов — и да, и нет! Я даже в библиотеку не пойду рыть доказательства. Дам первый попавшийся

пример из головы. Китай со своим режимом коммунистической диктатуры, с расстрелом демонстраций и маоистскими внутренними революциями почти не участвовал в международных войнах, кроме ограниченного контингента добровольцев в Корею и Вьетнаме, были еще пограничные стычки с Индией и с Россией, но это несерьезно. А ведь по человеческим ресурсам и доли в мировом валовом продукте мог бы себе позволить что-нибудь вроде Афганистана... С другой стороны, республиканская Франция в шовинистическом угаре участвовала в развязывании Первой мировой войны.

А вот Россия... В чем же её уникальность? — В безграничной дурости правителей? В исторической неvezучести? Никому не нужны гении на вершине власти. Любой нормальной стране достаточно трех сотен трезво мыслящих, не страдающих пороками ущемленного самолюбия людей. Их нет в России? Почему на место тирана приходит лысый идиот?

Вернемся не к Карибскому кризису, а к началу эпохи холодной войны. Кто полез свергать послевоенные правительства по всему миру? — СССР. А кто пришел помогать Европе и другим странам восстанавливать экономику? — США. Кто стал грозить всему миру атомной бомбой? — СССР. А кто стал создавать военные базы вдоль границ потенциально-страшного агрессора? — США. А как следовало поступать всему цивилизованному миру, если из-за бугра всё время ухают атомные испытательные взрывы, и никто не знает дня и часа, когда у генсека живот схватит? И всё же, несмотря на все предосторожности международной политики, несмотря на усилия ООН, мир оказался на волосок от гибели. Трудно прогнозировать игру, когда имеешь дело с идиотами (я имею в виду Хрущева и Ленинское политбюро), но что-то в политике США тоже было неадекватно ситуации. Общая вина за гибель цивилизации (если вообще осталось бы кому подсчитать) составила бы, наверное, 70:30 при всем уважении к президенту Кеннеди.

Ведь что более всего раздражает во внешней и внутренней политике бывшего Союза и нынешней России, так это неопишное дуболомство. Европа любит изображать

Россию в виде медведя, но медведь — зверь умный и хитрый, а здесь просто какое-то сплошное носорожество — разозлился и затоптал насмерть. И если бы этого носорога совершенно не волновало, что о нем подумают. Нет, он очень желает выглядеть чуть ли не благородным. Лагеря для политически неблагонадежных? Кто вам сказал? У нас только пионерские лагеря! Хлеб по карточкам спустя 20 лет после окончания войны? Это чтобы скот белыми батонами не кормили! События в Венгрии? Польше? Чехословакии? Нас народы этих стран сами позвали на помощь! Так же, как в свое время Прибалтийские. Нет и не будет у России никогда французской эlegantности. А ведь Франция не так давно вела колониальные войны в Алжире и Вьетнаме, правда с отрицательным для себя результатом. А Великобритания очень резко обошлась с Аргентиной в связи с Фолклендскими островами. Сразу стало ясно, кто хозяин в Атлантическом океане. А Соединенные Штаты не очень-то стеснялись, свергая ненадежных диктаторов в Панаме, Гондурасе, Никарагуа... Правда, следует оговориться, что Россия через Кубу и другие «дружественные» страны уже туда влезла, но закрепиться не смогла.

Но вот, именно Россия почему-то вызывает наибольшее раздражение у всего цивилизованного мира. К примеру, полезли в Афганистан. Нет, чтобы вести тонкую дипломатическую игру, как Великобритания. Полезли, нагадили, разорили и без того нищую страну. Был там чудесный король, который в 1919 признал молодую Советскую республику. Чем было плохо иметь спокойного и слабого соседа на границе? Это же мечта мировой дипломатии! И ладно бы устроили гадость только себе. Всем насолили. Сегодняшний разгул мусульманского фанатизма есть непосредственный результат вчерашней российской дуболомной политики. Весь мир страдает, и Россия со своей незаживающей чеченской раной в брюхе справедливо расплачивается за ошибки КПСС. Однако справедливости ради следует сказать, что горячо любимые мной Соединенные Штаты тоже хорошо над этим поработали, подкармливая и обучая будущих террористов. Это ведь как с лесным пожаром, когда загоре-

---

лось — только успевай тушить то в одном месте, то в другом. А где были светлые аналитические головы, когда влезли в югославский конфликт и стали активно помогать мусульманским экстремистам? И чем всё кончилось? И все наши беды от того, что не умеем мы договариваться друг с другом мирно, от того, что не верим мы друг другу ни на грош. А кто здесь первый соврал, разве установишь? Нас учили, что в мире существуют две противоборствующие системы. Либо они нас, либо мы их. Страны третьего мира тогда годились лишь в качестве военных полигонов. Успехи внешней политики СССР после Второй Мировой войны были ошеломляющими. Из-под ведущих капиталистических стран были выбиты скамейки, на которых они сидели. Коммунисты в правительствах и парламентах стран всех континентов. Крах капитализма, как системы, близился. Если бы не застойные явления в экономике, которые, как острое белокровие, поразили Россию и опекаемые ею страны, гореть бы нам с вами и детям нашим, и детям детей наших в коммунистическом аду, дорогие товарищи по планете.

Естественно, что самым болезненным для нас, беженцев с пятой графой анкеты, являются вопросы ближневосточной политики. Так уж исторически сложилось, что Россия стала опекать арабов, а США — евреев. Оглушительные победы маленького Израиля над бандитами всех мастей в белых козыночках и кальсонах мы должны были осуждать, как империалистические притязания наших братьев по крови. На экранах телевизоров бы видели лобызания тупомордых русских генералов с насерами и хусейнами и награждения, награждения этих грязных ублюдков святыми для тех, кто проливал кровь за Отчизну, орденами! Сколько сотен евреев награждены званиями Героя Советского Союза с вручением Золотой звезды и ордена Ленина! И вот, грязная свинья — Генеральный секретарь ЦК КПСС, который прятал свою жирную задницу в тылу, награждает этим званием подонка.

И если бы только ордена... Эшелоны оружия в обмен на «братский» поцелуй и обещание строить социализм. Тут, конечно, надо сделать оговорку. Оружием торгуют все. Биз-

---

нес есть бизнес. Но на этом другие страны хоть нажились. А русские потеряли только в одном Ираке семь миллиардов долларов. С уходом КПСС от власти у всего мира появились шансы на эволюционное мирное развитие, хотя вялотекущая Третья мировая война всего цивилизованного мира с терроризмом уже идет. Хочется, конечно, верить, что бешенство оболваненных мусульман со временем ослабеет, и в этом, разумеется, в первую очередь, будет экономическая и военная заслуга США.

И, наконец, о российском менталитете.

Устойчивый антисемитизм, который культивировался властью в течение последних столетий и был передан в наследство государству победившего социализма, стал государственной политикой. Ничего похожего на комплекс вины и на стремление к покаянию нынешняя власть в России не проявляет, стало быть, все мерзости, творимые предшественниками, принимаются за норму. Достойные потомки недостойных отцов. Менталитет власти и народа был и остался таковым, что массовая эмиграция диссидентов и евреев из страны, кричащей на всех углах, что она самая благополучная страна на свете, рассматривалась властью и народом не как клеймо позора на веки вечные, а как предательство эмигрантами интересов социалистического отечества.

Об исторической дальновидности

А теперь давайте подумаем о дальновидности тех, кто правит миром, о предвидении последствий принятых и воплощенных решений.

Признаем, кстати, что с примерами, которым можно было бы следовать, совсем не густо. И это не случайно!

Сам Господь Бог наш обещал народу Своему земли, обжитые другими народами! Можно ли считать такое обещание дальновидным? В божеском масштабе времени, не в человеческом. При том, что Ему были известны малонаселенные и даже свободные земли на юге Франции, Италии, Германии, Польши, Украины, России (речь идет о географических координатах). Вместо того, чтобы сорок лет бол-

---

таться в пустыне, погибая от голода, жажды и нестерпимой жары, шли бы себе и шли в долины Дуная, Рейна, Вислы, Кубани. За сорок лет как-нибудь дотопали бы...

Ну ладно. Пусть с Господом еврейские мудрецы разбираются, а вот, скажем, господин Гитлер кричал в микрофон, что закладывает основы тысячелетнего райха. Ценой проекта были неисчислимые страдания соседей, оскотинивание людской массы, невыносимая жестокость. А продержался режим всего-навсего двенадцать лет. Тысяча — и двенадцать! Какая недалёковидность!

А вот вам примерчик не хуже. Товарищ Сталин утверждал в тридцать шестом, что социализм победил в СССР полностью и *окончательно*. Оказалось, тем не менее, что *дальнейшее укрепление социализма* (чувствуете логический промах?) требует, чтобы шестая часть граждан страны пребывала в концентрационных лагерях, а остальные пять шестых тряслись «на свободе» от страха быть посаженными. Было ли решение товарища Сталина дальновидным? Ответить однозначно трудно, и поэтому историки продолжают копаться в этом вопросе. Но пойдём дальше. Нарушившая сценарий товарища Сталина война стала событием, на которое и тридцать лет спустя сваливали все экономические и политические провалы.

А вот что интересно.

Когда товарищ Сталин в сорок пятом году гнал на убой победоносную армию, чтобы захватить как можно больше стран в Западной Европе, был ли его план дальновидным? Если считать четыре десятка лет достаточным сроком, чтобы оправдать любую политическую авантюру, то — да! Товарищ Сталин был выдающимся по дальновидности политиком. Но если сама жизнь, спустя сорок лет, изменилась настолько, что от социалистического лагеря остались лишь прогнившие столбы с символикой редьки хвостом вниз, да тысячи километров ржавой колючей проволоки..., что сама сверхдержава осыпалась, как сухая рождественская елка, то получается, что достижение временных целей путем уничтожения своих граждан есть, мягко говоря, недалёковидность.

Кстати, утверждение, что пролетариат будет править миром, потому что ему нечего терять, кроме своих цепей, тоже является исторической недалёковидностью, поскольку те, которым нечего терять, ничего, кроме новых цепей, не приобретают. Такова жизнь.

Говорят, что товарищ Сталин в сорок восьмом году в тесном кругу сказал про недавно учрежденное решением ООН государство Израиль: «На этой земле никогда не будет мира». С сокрушенным сердцем признаем, что выдающийся тиран был прав, то есть дальновиден, ибо с течением времени противостояние крошечного Израиля и необъятного арабского мира всё нарастает.

Вспомним теперь хронику Отечественной войны двенадцатого года. Царь сетовал Кутузову на приказ отступить после Бородинского сражения, на что Смоленский князь, человек дальновидный, ответил: «Важно выиграть не битву, а кампанию». Так оно и получилось. Более того, вытеснив французов за пределы России, полководец советовал царю встать заслоном на границе — и пусть Европа сама себя освобождает! Царь был человеком недалёковидным, войска взяли Париж, но произошло усиление Германии, которая сорок лет спустя разбила в пух и прах Францию, а потом устроила мировую войну. Говорили, царь Александр I еще тогда просил прощения у постели умирающего Кутузова, а тот, простерши руку, сказал: «Я прощаю Ваше Императорское Величество, но История...». Скорее всего, это театр, но выглядит красиво.

Возвращение на землю отцов было вечной мечтой, лелеемой в шатрах скотоводов, в гетто, в крошечных местечках. *Сегодня здесь, а в следующем году — в Иерусалиме.* Фраза стала крылатой. Её повторяют из года в год даже те, кто совсем и не собирается ехать в Иерусалим.

Но вот, свершилось, о чем мечтали. Дальновидны ли были Тео Герцль, Вл. Жаботинский и другие, посвятившие себя идее построения еврейского государства? Ответ неоднозначен, как бы защитники идеи не проклинали даже тень сомнения в этом вопросе. Что важнее — сохранить народ, как национальное единство и национальную обособ-

---

ленность, или (насколько это возможно) сохранить людей, человеческий генетический материал. Где больше вероятность выживания — в государстве, окруженном со всех сторон смертельными врагами или в диаспоре, которая успешно смешивается с другими нациями, передавая по наследству и генетические особенности. Так ли уж важно, чтобы музыкальный или математический гений писал в пятой графе «еврей»? Представьте себе, что Израиль в 1939 году находился в Западной Европе в районе Кишинева. И что бы от него осталось после нападения фашистской Германии?

Продолжим историческую прогулку.

Вторжение в Афганистан было, безусловно, недалеко-видным деянием, ускорившим крушение советской империи. Америка, решившая использовать выгоду от неверного хода противника, тоже, мягко говоря, поторопилась и совершила недалековидные действия, вооружая и обучая всех желающих воевать против России. Несомненно, что и без помощи Америки партизанское движение постепенно-постепенно выдавило бы советские войска за пределы страны. Нетерпение в политике никогда не приводило к устойчивому успеху. СССР и США совместно способствовали развитию и укреплению терроризма, как международной силы, то есть поступили недалековидно.

Пойдем дальше.

Страны Европейского Содружества открыли границы не только для своих граждан, но и всего мира. В результате в эти благополучные страны хлынул поток из Африки и Азии. В большинстве случаев это были люди необразованные, со средневековой ментальностью и с присущей многим из них неблагодарностью, ибо если человек тяжело работает физически (на умственную работу его не берут), он чувствует хроническое неудовлетворение от жизни, особенно на фоне благополучных сословий. Этот человек начинает ненавидеть своих работодателей. Когда люди такого рода входят в тесный контакт друг с другом, они не планируют вернуться к себе на родину. Они хотят переделать тот мир,

---

в который их пустили по благодущию и недалновидности, и установить там свои порядки. Во Франции, к примеру, мусульманская диаспора настолько окрепла, что совершенно, до потери воли запугала гражданина-обывателя. Некоторые предполагают, что в недалеком будущем Франция станет мусульманской страной. Такой вот процесс мирного завоевания.

Тут к месту, пожалуй, привести свежий пример европейской тупости, заимствованный из Интернета. Привожу без сокращений: «В Багдаде после реконструкции под новым названием открылась... *(Нет, не мечеть!! Не дом для сирот! — А. Т.)* — тюрьма «Абу Граиб». Тюрьму полностью обновили — в ней появился спортзал, компьютерная комната, современное медицинское оборудование, а также новый центр посещений. Новая тюрьма соответствует мировым стандартам (!) и сможет вместить до 15 тысяч заключенных» (Все восклицательные знаки — *мои* — А. Т.). «Хочу в Абу Граиб!» — заплачет воспитанник детского сада из поселка Сусанино Костромской области...

Может сложиться впечатление, что История нафарширована сплошь недалновидными решениями и деяниями лиц, стоящих у кормила власти. Наверное, это не так. Просто если решение короля, президента, парламента дальновидно, общество воспринимает его, как должное и идет к дальнейшему прогрессу. И только потомкам дано оценить это давнее решение по достоинству.

К примеру, решение Петра Первого «прорубить окно в Европу» и тем самым приобщить Россию к Западным ценностям следует считать дальновидным, ибо в противном случае Россия продолжала бы отставать и отставать в культурном, научном и экономическом развитии. Что же касается политического развития, то царь не мог не мыслить по-царски. Заслуга Петра Первого в успехах России в освоении космоса ничуть не меньше, чем товарища Хрущева, горячего сторонника космических программ и горячего патриота социалистического отечества.

Еще один маленький примерчик. Григорий Распутин был дальновиднее Николая Второго, когда предостерегал

царя от вступления в мировую войну. Война погубила Россию и престол.

В отличие от истории, которая занимается угадыванием «назад» (на самом деле историки заняты бесконечным поиском движущих сил и механизмов их действия), естественные науки не могут жить без предвидения, предсказания последствий экспериментов, от механики до квантовой механики, от селекции до направленного клонирования. Мы к этому привыкли, а ведь сотовый телефон сделал в плане освобождения человека больше, чем все революции и войны вместе взятые. Да, наука обязана быть дальновидной. Поэтому руководители науки в США, как люди дальновидные, тратят немалые средства на исследование космоса и прогнозирование опасности столкновения Земли с большим небесным телом. И великий физик современности Хокинг призывает немедленно начать освоение Марса, дабы спасти цивилизацию в случае космической катастрофы.

О праве на бесчестье

Теперь поговорим о праве на бесчестье именно в том плане, что правители-временщики, в том числе и президенты демократических государств и их аппарат, широко пользуются этим правом. Вроде бы, монархам это право ни к чему, они и так сидят на троне на легитимном основании и могут просидеть на нем лет тридцать и более, однако история кишит примерами о кровавых битвах между претендентами на трон, а у разночинной публики появляется еще один нюанс — у права на бесчестье есть некий торговый оттенок. Просто поражаешься прозорливости Достоевского («Бесы»).

Бесчестье — понятие широкое. Оно может трактоваться, как бессовестность, бесстыдство и как самое ординарное бытовое свинство.

Был ли Ленин бесчестным? — Безусловно. Вся деятельность вождя состояла из бесконечной цепи предательств, шельмований и даже физического уничтожения соратников «в интересах дела». А после захвата власти — грабеж не только буржуев, но и крестьян поголовно. Тех самых крестьян, которых сманили на лозунг «Земля — крестьянам».

Кушать швейцарский шоколад и курить английские папиросы, укрывшись за кремлевской стеной в голодающей России — грязное свинство.

Отец народов был изощреннее своего учителя. Он сразу после января 1924 стал строгать и лакировать икону Ленина, как образца порядочности и личной скромности. Кто из еще живущих россиян не помнит вождя в 1918 году со стаканом чая, кусочком сахара и ломтиком черного хлеба! Кстати, куда подевалось море продуктов за один какой-то год? Невозможно представить, чтобы голодающие подчистую сожрали весь хлеб, всё мясо, всё растительное масло, всю соль и сахар, даже если они каждый день обжигались. У новой власти всё текло сквозь пальцы, портилось, гнило, горело, сознательно уничтожалось, разрывывалось.

Итак, Ленин и Сталин были людьми бесчестными. Но не мелкими. Спускаясь по вертикали власти, мы столкнёмся с уменьшением масштаба бесчестия, а у тех, кто никогда не знал, что такое честь, бесстыдство и свинство есть норма повседневной жизни.

Вожди сделали из диктатуры пролетариата «священную корову». Никакой критики! Клеветников — к стенке! И это работало. Все дела и делишки проводились в полной темноте, в абсолютной безгласности. Жрали друг друга, как пауки в банке, а на демонстрациях стояли на мавзолее среди моря знамен под ликование репродукторов.

Так оно и шло, пока само собой не сгнило. Пришла «новая власть», набранная из старых партийных кадров, и объявила принцип гласности. Начались разоблачения. Хотели знать правду? — Так вот она! И тут все стали свидетелями чуда, которое никто не мог предвидеть. Разоблачения ни к чему не привели. Раньше-то как было? — После критической статьи в газете «Правда» бывало и головы летели. А тут — ничего. Никто не собирался отвечать за совершенные в прошлом политические и экономические преступления, никто не собирался отвечать на жгучие вопросы. И власть, и появившиеся на свет олигархи, и бандиты быстро сообразили, что гласность есть лишь рупор для дураков. Бизнес *должно* вести в строжайшей тайне. А зарвавшихся крику-

---

нов следует время от времени отстреливать и концы прятать в воду.

Этот рецепт с незапамятных времен известен западной демократии. Судите сами. Реформы Дж. Кеннеди были некоторым магнатам не по вкусу — вот его и убрали. А кто именно заплатил за убийство, мы никогда не узнаем.

Кто-то еще, может быть, помнит имя убитой журналистки Политковской, но вскоре всё забудется, я вас уверяю, разве что новая группировка начнет рваться к власти и поднимет шум.

Запомнилась одна из рядовых передач на телевидении, когда два тележурналиста заспорили, сколько миллионов долларов заработал господин Путин на посту президента. Всё в открытую! А что Путин? Путин молчал. Никаких санкций не последовало. И это умно!

А вот, вышел чуть ли не документальный фильм о президенте Буше-младшем — «Фаренгейт 9/11». Выходит, что господин Буш — мерзавец и коррупционер, каких не сыскать. А гибель башен-«близнецов» в центре Нью-Йорка есть часть огромной аферы с примесью терроризма. Если создатели фильма врут, то их следует отдать под суд за клевету, если говорят правду, то мистер Буш должен сидеть в тюрьме пожизненно. Но все молчат! Зачем нужно было уничтожить три тысячи ни в чем не повинных людей, мы не знаем и никогда не узнаем. Важно лишь понять, что «темные силы» действуют так, как они считают нужным, а общественное мнение есть такая же мишура на елке, как лозунги о равенстве и братстве.

Прав, тысячекратно прав Достоевский: переступают через тысячи жизней наполеоны и сталины, а раскольниковы сидят по тюрьмам вне зависимости от того, убивали они старух или просто вышли на улицу с требованием своих прав.

О значимости современных нам событий

Начнем с цитаты. Великий умник Анатолий Франс утверждает, что в истории «нечего искать правды, ибо правда заключается в раскрытии необходимых связей между явлениями, а историк не в состоянии установить эти связи, ибо

он лишен возможности проследить всю цепь причин и следствий. Заметьте, что всякий раз, когда причиной какого-нибудь исторического события является событие неисторического масштаба, история не видит этой причины... история не только не наука, но по свойственному ей несовершенству, неизбежно должна тяготеть к неопределенности вымысла. Ей всегда будет недоставать той связности и последовательности, без которых немислимо истинное познание... из летописей какого-нибудь народа нельзя вывести никаких предубаждений на будущее»

Ну, если полезные выводы для будущих поколений сделать невозможно, а заниматься историческими наблюдениями очень хочется, то можно подсчитывать исторические неточности, которые допускаются коллегами-историками. Это занятие выглядит и солидно, и наукообразно.

Вот, скажем, выпустил А. Солженицын книгу «Двести лет в месте». Следует из неё, что автор любит монархию и не любит еврейский народ, который спаивал и спойл-таки великий русский народ, причем до такой степени, что вверг его в социалистическую революцию.

А вот что, кстати, пишет Вера Набокова, супруга великого писателя: «Революция повлекла за собой новую волну погромов, куда более мощных, чем в годы царизма. К концу 1919 года даже либеральные партии были заражены антисемитизмом, так как евреев обвиняли в том, что это они всё в России перевернули вверх дном. Таким образом, евреев намеренно приравнивали к коммунистам...»

Читать Солженицына, обильно цитирующего Всемирную еврейскую энциклопедию, немного гадливо и смешно, но нашлись «Историки», которые с лупой в руках, не жалея времени и собственных глаз, стали проверять построчно цитаты, приводимые Солженицыным, и поправлять его, поправлять и укорять его, укорять. Короче — полезли, как свора лилипутов на Гулливера. Но самое забавное, что нашлись многочисленные читатели, которые никогда в глаза не видели цитируемых источников, но с великим вниманием читали труды обвинителей и обвиняемого, тоже не жалея времени и собственных глаз. В результате, знаний

о мире совсем не прибавилось, а понимание исторических закономерностей осталось на том же низком уровне.

Трагическая новейшая история Израиля пишется буквально у нас на глазах, но свойство любого из нас — видеть одни и те же события по-своему. В результате возникает абберация, которая будет всё усиливаться со временем, и это хорошо! Потому что все частности, как информационный шум, съедят друг друга и в будущем контуры исторического процесса проглянут более отчетливо. Вот, вышла книга Бориса Тененбаума «Арабо-израильские войны в эпизодах и биографиях». Автор создал несколько литературных портретов, в том числе и генерала Моше Даяна. Книга написана эмоционально и талантливо. Но историк, давший положительный отзыв на книгу, не преминул отметить исторические погрешности: автор «...где-то назвал Ицхака Садэ первым начгенштаба армии обороны Израиля (тот служил первым командиром ударных рот... первым начгенштаба в Израиле считают Дрори)». Ах, ах, как это важно знать всем историкам Израиля! Не задаться ли уважаемому историку другим вопросом: почему Моше Даян никак не проявил себя в войне «Судного дня», что за странный столбняк на него напал? В смысле историческом — это тоже суцций пустяк, но в смысле справедливости оценки действий крупной личности... кто знает?..

Если рассматривать историю, как процесс, который начался в незапамятные времена, продолжается до сих пор и будет продолжаться, пока существует человечество, то осмысление значимости исторического события есть задача практически невыполнимая ни для современников, ни для потомков (в силу бесконечного множества одновременно действующих или действовавших факторов). Однако мысль требует давать оценки событий в основном в категориях Добра и Зла, которые настолько безобразно двусмысленны, словно их придумал сам Сатана.

К примеру, изобретения, улучшающие качество жизни, есть Добро, а если они используются в военных целях или для борьбы с инакомыслием — то Зло. Политическая деятельность, повышающая благосостояние общества, есть

Добро, а если при этом натравливают один слой общества на другой или один народ на другой, то это Зло. То же самое можно сказать о воспитании в духе патриотизма и ненависти к соседям, и о многом-многом другом.

Всем известны опросы общественного мнения о самых ярких событиях ушедшего года. Люди называют множество из них, и каждое напрямую или опосредствованно влияет на последующие, но если запуск адронного коллайдера или посадка исследовательского аппарата на Марс несомненно являются важными событиями в истории естествознания, то избрание очередного президента или смерть престарелого патриарха Алексия есть лишь звенья в цепи политических событий и предугадать их последствия не представляется возможным. Можно лишь предположить, что военные действия в Ираке или Афганистане будут сворачиваться, экономика начнет выходить из кризиса и т. д. Но с другой стороны, этот результат (или прямо противоположный) может оказаться следствием активности определенной группировки, которая возьмет верх над другими.

Новый патриарх всея Руси может начать (или препятствовать) сближение с католической церковью, что, в свою очередь, как-то повлияет на расстановку сил в христианском и мусульманском противостоянии.

Люди, целиком полагающиеся на волю Творца, находятся в оптимальном, с точки зрения пищеварения, состоянии. Всё в руке Божьей — и точка! А то, что исторический процесс в таком случае есть тупое хождение по кругу, то это и хорошо. Взял главу Екклесиаста и читаешь: приходит ветер и уходит ветер, есть время собирать камни и есть время разбрасывать камни... Глянешь вокруг — ничего не изменилось в человеке за последние шесть тысяч лет. Так на кой дьявол нам вообще нужна история!?

Что же такое Движущие силы истории?

Мы говорим о движущих силах истории, а движется ли она сама? Если верить царю Соломону, то всё уже было. Нет, не совсем прав Соломон. Изменение формы есть движение, а форма меняется непрерывно и это есть первопричина,

---

что люди не узнают старое в новой оболочке и непрерывно наступают на те же грабли.

А почему они не узнают? Ну, во-первых, по невежеству и нежеланию думать. А во-вторых, головы заняты сиюминутными эгоистическими целями — как бы выдвинуться наверх и порулить, как бы побыстрее разбогатеть, как бы, не обучаясь мастерству научного исследования, получить сокровенное знание, складывая количество букв «Шин» на странице Торы и деля их на число строк. Но и это не всё. Отыскание истинных причин даже недавних событий лучше всего воспринимается, как чья-то благая или злая воля.

Однажды, лет в тридцать пять вздумалось мне перечитать «Войну и Мир». Подойдя к эпилогу и упершись лбом в поставленный Львом Толстым вопрос, я просто зажмурился от удовольствия: Вот сейчас мне-неучу он покажет, откуда всё пошло, началось. А вопрос, на который хотелось получить ответ умного человека звучал так: «Какая сила движет народами?»

Толстой сам и ответил — Власть!

— А что такое Власть? — снова спросил Толстой и ответил:

— Власть есть совокупность воль масс, перенесенная выраженным или молчаливым согласием на избранных массами правителей... Власть есть власть. То есть Власть есть слово, значение которого нам непонятно.

Тут мы должны поправить великого писателя. Власть есть функция управления народом, осуществляемая с помощью силы, страха, подкупов, лести, дутых обещаний и других средств, в том числе, с помощью молчаливого или открыто проявляемого одобрения большинства. Но последнее касается в основном демократических государств нового времени, когда власть избирается в форме президента и парламента.

Не сумев найти движущие силы истории и ответить на вопрос, по какой причине людские массы отправились в поход на Восток в 1812 году, Толстой полез в дебри философской схоластики о соотношении свободы и необходимости, и пришел к выводу, что причиной похода была не злая

и свободная воля диктатора, а некая необходимость, заставлявшая его совершить это нехорошее деяние.

А мы, думается, ничуть не умнее Толстого. Спросим, почему во главе СССР оказался именно Сталин, определивший на тридцать лет всю жизнь страны? И где разумный ответ?

Но вернемся к войне Двенадцатого года. Марксисты-ленинисты объясняют эту войну экономическими причинами. Дескать, французские текстильщики нуждались в новых рынках сбыта, а Россия предпочитала торговать с Англией... Можете вы себе представить Наполеона, который собрал шестисоттысячную армию, чтобы задобрить французских текстильщиков? Наполеон Первый был исключительно одаренным полководцем, диктатором по должности и по характеру. Война была его профессией, и он успешно решал некоторые политические и экономические вопросы с помощью штыков. Он любил и умел воевать. Говорится, что истина всегда конкретна, то есть, привязана ко времени и месту. Всегда и во всем.

Вода кипит при ста градусах Цельсия — а на вершине Эльбруса? Ускорение свободного падения равно 9,81 метра в секунду за секунду — а на Луне?

Водород реагирует с кислородом, образуя воду. — Оказывается, что совершенно сухие газы не реагируют между собой. Необходимо присутствие следов воды.

Железо растворяется в соляной кислоте. — Однако химически чистое железо не растворяется. Для протекания реакции необходимы примеси.

Так вот, талант корсиканца Наполеона, его азарт и заносчивость, его положение диктатора, его популярность в армии и народе были причиной похода 1812 года. *Он* в тот момент времени был движущей силой истории.

А почему грузин Джугашвили стал движущей силой истории СССР на долгие тридцать лет, мы пока внятно объяснить не можем, хотя бы потому, что до сих пор не знаем, в чем он был истинно талантлив. Одиозная Нина Андреева якобы цитирует Черчилля, что *«Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной муд-*

ростью». Любой здравомыслящий человек сразу скажет, что такой мудрости не бывает, ибо мудрость есть мудрость, и Черчилль никогда бы такую ахиною не придумал. Надо же — логическая и осмысленная мудрость!! Мне, скорее, кажется, что Сталин, словно паук, высосал из российского народа все жизненные соки, сделал из народа тряпичную куклу-марионетку, способную лишь голосовать поднятием руки и аплодировать, лезть под танки с гранатой в зубах и закрывать своим телом пулеметы. Это тоже кусок истории Российской империи, хотя она больше напоминает тридцатилетний ночной кошмар.

В эпилоге «Войны и Мира» есть одно примечательное место, которое не мешало бы ведущим политикам цивилизованных стран никогда не упускать из памяти: «...Если цель — распространение идей, то книгопечатание исполнило бы это гораздо лучше, чем солдаты. Если цель — прогресс цивилизации, то весьма легко предположить, что, кроме истребления людей и их богатств, есть другие, более целесообразные пути для распространения цивилизации». Это прямо-таки не в бровь, а в глаз правителям наших любимых Соединенных Штатов, которые пытались решить внутренние проблемы Югославии путем бомбардировки Белграда. О позорной, с военной точки зрения, войне в Ираке и говорить нечего.

Толстой отмечает также, что новая история заменила богов древней истории и вместо целей, угодных богам, поставила целью *благо* народа или даже *всего* человечества. И это было написано почти за сорок-пятьдесят лет до того, как Гитлер провозгласил приоритетом своей политики *благо* немецкого народа за счет всех остальных, а Ленин выдвинул лозунг освобождения *всего* человечества от кровавый-капиталистов! Ленин прав, что выдвинутый лозунг, понятный массам и потому внедренный в сознание, является движущей силой исторического события, и оно совершается чаще всего вопреки разумному меньшинству, а последствия, как правило, имеют мало общего с поставленной целью. И тогда, по Толстому, наступает пора оправданий, которые «снимают нравственную ответственность с людей,

---

производящих событие... Без этих оправданий не мог бы быть объяснен самый простой вопрос: «Каким образом миллионы людей совершают совокупные преступления, войны, убийства и т. д.?»

Всё очень хитро продумано в государственной структуре. Войска принимают присягу, согласно которой они обязаны беспрекословно повиноваться начальникам. Эта обязанность совершенно снимает с войск ответственность за самые тяжкие (по гражданскому кодексу) преступления, и потому на уровне солдат и младших командиров происходят «разборки» не только с противником, но и с населением, которое почему-то называют «мирным». В результате, люди забывают они — люди, и наступает время обоюдного озверения. Тут уж не до Мадонны Рафаэля и не до финала девятой симфонии Бетховена. Переход к нормальной мирной жизни может занять целое десятилетие и даже больше, когда вид калек и свихнувшихся на военной почве то и дело врывается в быт, напоминая: «Это не должно повториться!» Это заклинание родилось в новые времена и, как все заклинания, совершенно бессмысленно, поскольку «*Это*» бесконечно повторяется.

А, может быть, всё дело в «темных силах»?

Раз уж мы занялись поисками движущих сил истории, нам никак нельзя обойти вниманием темные силы, или силы Зла, которые связаны с Сатаной, в отличие от сил Добра и Света, которыми управляет Господь.

В истории они являются источником, причиной творимого зла.

Власть всегда есть насилие независимо от конечной цели. В бесчисленных фильмах нам показывают, что конечной целью темных сил является уничтожение ключевых властных фигур, демократических институтов, чтобы утвердить свою, как правило, деспотическую структуру или же овладение огромным богатством, или достижение абсолютной власти над миром, или физическое уничтожение целых народов, якобы мешающих исполнению конечной цели.

Диктатор сам создает или объединяет вокруг себя темные силы, чтобы беспрепятственно творить зло.

Если же мы всенародно избираем президента, то по опубликованным материалам создаем для себя образ некоего праведника, который вместе со своим кабинетом ограждает нас от сил Зла. Такие же надежды мы питаем, избирая представителей власти разного уровня. Очень часто мы бываем обмануты в своих ожиданиях, наверное, потому, что вокруг нашего избранника начинают скапливаться представители *темных сил* и искушают его, и влекут его на порочную дорогу забвения наших интересов, а порой запугивают его приказами вышестоящего начальства, которое они уже успели к тому моменту соблазнить.

Почему-то светлые силы не могут похвастаться успехами соблазнения жуликов, бандитов, растлителей, бездельников, выводя их на дорогу Добра и Справедливости. Такова сила тяготения, всегда направленная вниз, к центру Земли, а не вверх — к Свету. Заметьте, как поразительно слитны законы нравственности с законами механики!

Стопроцентно прав Достоевский, сказавший, что «Зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекари-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнуть зла».

Тут, пожалуй, будет уместно вспомнить один анекдот касательно исторических прогнозов. Встречаются пессимист и оптимист. Пессимист говорит: «Всё так плохо, что хуже некуда» — «Будет! Будет хуже!» — отвечает оптимист.

Вы знаете, а ведь оптимист прав. Он прав, потому что движущими силами истории являются на каждом определенном крошечном отрезке времени жадность, подлость, тщеславие, эгоизм, невежество, жестокость и в каждом отдельном человеке, и в толпе, ворвавшейся во дворец Медичи по наущению Савонаролы и оскверняющей бесценные коллекции и шедевры искусства, и в толпе, науськанной большевиками и гадающей в античные вазы Эрмитажа.

Был в человеческой истории всего один человек, который старался подвигать людей на добрые поступки, на любовь и самопожертвование ради ближних своих, но и тот, по свидетельству учеников, оказался сыном Божьим.

Какою ценой?

*...вернула своё, но какую ценой!
(опера «Пиковая дама»)*

*...мы за ценой не постоим!
(Булат Окуджава)*

Полагаю, вопрос — из основополагающих (и для историков, в том числе). Вот, скажем, Петр Первый приказал построить на болотах будущий Петербург. И город был построен, как говорится, на костях и крови крепостных и государственных иванов. Сколько их полегло от болезней, несчастных случаев, недоедания! — Не счастье. Но город стоит и сейчас во славу Петра и России. Понятно, тогда человеческая жизнь не стоила и полушки. Наверное, никто и не собирался подсчитывать расходы, да и методик еще не было.

А во что, скажем, обошлась Первая мировая война? Если систематически проводить перепись населения, то можно ответить, примерно, так: В войне погибло всего — десять миллионов, из них солдат — пять миллионов, гражданских лиц — пять миллионов. Немцев — три миллиона, русских — четыре миллиона, французов — два миллиона, англичан — полмиллиона и так далее... Разрушено мостов на 500 млн., железных дорог — на 1500 млн. долларов, жилья — на 15000 млн. и так далее. Цифры я взял с потолка. «Точные цифры» помогают ответить и на частные вопросы, например, о таланте или бестолковости командования, о качестве вооружения, о степени защищенности мирного населения.

Возьмем в руки томик «Истории инквизиции» и прочтем: «За триста лет своего существования инквизиция в Европе и в странах Нового Света подвергла смертной казни триста тысяч мужчин и женщин» (то есть по тысяче в год). Масштабы по сравнению с жертвами фашизма и коммунизма крошечные, но атмосфера страха и вытекающие отсюда доносы, злоупотребления властью, как светской, так и церковной, мучительства духовные

и физические и многое другое легко себе представить. Если даже поверить в цифры жертв, остаются за скобками сотни тысяч или даже миллионы с изувеченной психологией.

А сколько стоила народу Франции Великая Французская революция?... Наверное, это закономерность, что вслед за великими революциями неотступно следует гражданская война. Товарищ Ленин называл их локомотивами истории. И куда же локомотив завез Россию? — В Большой коммунистический тупик! (была до недавних пор такая улица в Москве в районе метро «Таганская»).

Если я не ошибаюсь, данные переписи населения в России после революции 1917 составляли большой государственный секрет. Думается, НКВД — КГБ отлично понимал, какая взрывная сила таится в этих страшных по сути своей цифрах. А уж «Отец народов», наверняка, отдавал приказы, как жонглировать этими цифрами.

Увы! Ничего мы толком не знаем ни убыль-прибыль населения, ни возрастной, ни национальный состав, ни экономические потери. А как было бы важно, скажем, для Франции знать динамику роста населения за счет мусульманской диаспоры, знать, в каких слоях общества она оседает. Впрочем, не исключено, что правительство и народ Франции знают. Это *мы* о России ничего толком не знаем.

Роют историки глубокие траншеи, стараясь вытащить из пучины забвения *реальные* цифры потерь в процессе построения самого справедливого общества, а ведь только они и являются значимыми для истории и поучительными для всего человечества. Если в 1945 году фашизм был разгромлен, то какой ценой? Если в 1936 году социализм победил в России, то какой ценой? Во что обошлась гражданская война? Сколько осталось в живых чеченцев, крымских татар, немцев Поволжья после переселения?

А в современном мире?

На Западе и в Америке, по крайней мере, есть люди и организации, которые в рамках Конституции, обязаны и могут задавать вопросы власти и требовать правдивого ответа.

И последнее.

Культура Запада поставила превыше всего гуманитарные ценности, права отдельного человека и равенство перед законом. В этом величайшее достижение цивилизации и одновременно — источник её слабости, когда она сталкивается с агрессивным средневековым менталитетом. Чем более цивилизованно общество, тем более оно уязвимо. Тому есть примеры из истории: падение Рима под ударами варваров, завоевание Средней Азии Тимуром. Гитлер завоевал спокойные и благополучные страны Европы, забив головы немцев средневековым мракобесием. Ислам побуждает людей отдать свои жизни ценой уничтожения неверных, и мусульмане легко идут на смерть. И они победят, если Запад будет по-прежнему бороться с этим злом, не снимая белых перчаток. Варваров всех мастей — фашистов, исламистов следует бить их же оружием — жестокостью в ответ на жестокость.

Тут, пожалуй, уместно привести цитату на латыни, но лучше, если это сделает сам читатель.

О ПРАВЕ ЧИТАТЕЛЯ НА ИНТЕРЕСНУЮ КНИГУ

Должна ли обычная книга быть интересной большинству читателей?

Давайте сразу договоримся. Гениальные книги могут быть совершенно неинтересны подавляющему большинству читателей, и их ценность определяется мнением профессионалов, работающих в литературе, как мы работаем в науке, технике, медицине и сельском хозяйстве. Поэтому мы предпочитаем после трудового дня или в отпуске получить удовольствие, развлечение, тренировку памяти и сообразительности, испытать эмоциональный подъем от чтения художественной литературы. Да, мы потребители и ничего в этом позорного нет. Поэты и прозаики пишут для нас, а ценность ими созданного пусть определяют специалисты. Однако хотя мы потребители, мы не идиоты и вполне способны постичь идеи, заложенные в художественном произведении, у нас есть право принимать или не принимать концепцию автора, считать роман или поэму скучной, принимать или не принимать суждение литературной критики. Поэтому, когда некий филолог позволяет себе сказать, что мы *не доросли* до понимания какого-то новоявленного «шедевра», мы должны воспринимать это, как оскорбление читателя, ибо слово «понимать» очень емкое и в нашей деятельности всегда проверяется опытом, а в искусстве — только временем.

Приехавшие из России эмигранты последней волны остро интересуются поэзией, что вполне объяснимо хотя бы тем фактом, что большинство из них относятся к интеллигенции, и влечение к поэтическим книгам поощрялось в се-

---

мье. Но мало этого. Многие сами начали писать стихи, посылать их в интернетовские сборники, издавать за собственный счет. По-видимому, скопившаяся и нерастратченная в пору молодости и зрелости эмоциональная энергия нашла себе выход в стране, где свобода самовыражения записана в конституции и в мозгу многих поколений. Как это не удивительно, но пишущие стихи уверены, что это и есть поэзия, и они ничем, кроме известности, не отличаются от профессиональных поэтов. Окружающие их родственники и знакомые не жалеют похвальных слов творцам домашней русской поэзии, охотно собираются в библиотеках или на частных квартирах, чтобы самим выступить и других послушать, хотя выступать куда предпочтительнее.

Я бы сказал, что такое времяпрепровождение делает честь им всем, ибо они могли бы сидеть в барах, выпивать на троих в парках, забивать «козла» и т. д. и т. п.

Профессиональные поэты всех их презрительно величают графоманами. Никому из них или литературных критиков не придет в голову рыться в вавилонах интернетовской поэзии или пролистывать самодельные сборники. Они, наверняка, правы, но только отчасти. Возьмем, к примеру, книжицу любимого мной писателя Милана Кундеры «Неисполненные заветания». Там он, кстати, очень злобно пишет о графоманах. Однако книга его невероятно скучна за исключением страниц о Кафке. Он признанный писатель, но как музыковед и музыкант мне совершенно неизвестен. Как он сам признает, он брал уроки композиции у одного еврея в гетто. Не являются ли его писания о музыке Плачека и других композиторов своеобразным дилетантством и графоманией? Его печатают, что бы он ни написал, отдавая дань его популярности. Вот вам и критерий! Если вас печатают, то вы — писатель, если нет — графоман.

С другой стороны, почему Ромену Роллану писать о Бетховене можно, а Милану Кундере о Плачеке нельзя? Успокойтесь, уважаемый читатель. Писать можно. Только читать скучно.

А что если одному издателю понравятся повести Н. Н., и последуют публикации одна за другой?

Если большой группе читающей публики незнакомой лично с вами интересны ваши стихи или проза, то вы, скорее всего, есть среднего уровня литератор, писатель, поэт. Если неинтересно, скучно, вы есть кто угодно, только не литератор. Это в мире науки всё определено. Наука имеет право быть безгранично скучной для подавляющего большинства просто в силу сложности научных построений, и дело не только в признании профессионалов, но и в предсказательной силе. Еще раз оговорюсь, что интересность, как верный признак писательского мастерства, относится к авторам, одаренным, возможно, весьма скромно, но ценным читателем среднего уровня, скажем, знакомым с полусотней выдающихся произведений мировой литературы.

Если художественное произведение интересно лишь узкому кругу лиц, чаще всего профессионалов, оно доходит до массового читателя путем расшифровки, разъяснения, разжевывания сути. Значение её для мировой литературы может быть сколь угодно велико, но эстетическое наслаждение могут получить лишь немногие. Согласитесь, что вкус разжеванной кем-то духовной пищи есть нечто, потерявшее первоначальный вкус и аромат.

За примерами далеко ходить не нужно. Возьмите книгу Рабле. Читайте и не лукавьте. Вам действительно смешно? Прочтите знаменитую книгу Бахтина. Он рассказывает, что было смешным в средневековье. Возвратитесь к Рабле. Еще раз перечитайте. Станет понятно, над чем люди смеялись давным-давно. А вы тут при чем? Между прочим, мы, русскоязычные, неспособны понять и современный американский юмор. Куда уж нам до юмора четырехсотлетней давности! А американцы не могут оценить юмор Михаила Жванецкого, одного из лучших юмористов века.

В искусстве всё расплывчато, ни одно из положений строго не доказуемо, Микеланджело соседствует с Муром, Вермеер с Малевичем, Маяковский с Манделштамом. Алогичность даже приветствуется. Чем запутаннее, рыхлее, бесформеннее мысль, чем она гуще нашпигована оксюморонами, тем, по современным меркам, интереснее творчество поэта. Если вы не понимаете, о чем идет речь, вам уничижи-

---

тельно говорят: «Значит вам не дано!», то есть *они* обладают неким эзотерическим знанием, а вы — нет. А речь идет на самом деле о разнице вкусов, а не разным уровне мышления, как *они* хотели бы внушить вам. Да, художественный вкус может быть неразвит, недоразвит. Но не как следствие специального недо-образования. Говорят, Максим Горький обладал уникальной способностью отличать талант от посредственности, а ведь академий не заканчивал.

Поскольку художественная литература есть явление эстетическое, то и мой тезис о главном требовании к среднему литератору создавать произведения интересные, тоже весьма и весьма слабо обоснован.

Однажды со мною случай произошел. Я возвращался из залитой дождями Словакии через Польшу в Москву. Поезд опаздывал на сутки. Еды не было никакой, духовной пищи тоже. Чтобы развеяться, я вышел в коридор. Рядом со мной стоял высокий парень лет двадцати из соседнего купе. Разговорились. Он работал вратарем в футбольной команде города Рыбинска и сейчас возвращался после просмотра в Братиславе — им понадобился вратарь для городской команды. Я спросил, нет ли у него книжки на пару-другую часов — уж очень тоскливо сидеть одному в купе. Оказалось, книга у него была, но какая! — «Улисс» Джеймса Джойса. Он эту книгу так любил, что всюду с собой таскал и готов был читать с любого места (как я «Графа Монте-Кристо»). Я лично, с трудом осилил сотню страниц в «Улиссе» и понял, что эти мучения не для меня. Вдумайтесь! Парень с образованием десять классов, не читавший Вольтера и Достоевского, «Одиссеи», «Иосифа и его братьев» и тысячи других драгоценных книг, влюблен в «Улисса»!

Когда ученый растолковывает нам суть проблемы и возможные пути её решения, мы становимся вслед за ним чуточку умнее, особенно если избираем путь исследований в будущем, а не тешим пустую любознательность. Когда же литературовед помогает нам понять сущность замысла автора стиха или романа и пути реализации замыслов, мы не становимся умнее, потому что конечный вывод из любого сочинения — всё есть лишь суета и томление духа. Ничего

в этом заключении обидного для литературы и литераторов нет, поскольку литература в сумме есть дисциплина, рассматривающая различные аспекты человеческого поведения при различных внешних или внутренних обстоятельствах, иными словами её можно было бы назвать этологией человека.

Мой добрый знакомый Я. Г. сказал однажды за преферансом, что читает «Доктора Фаустуса» Томаса Манна и ужасно мучается скукой. «Когда я делаю скучную работу, то знаю, что за неё мне платят деньги, а здесь за что я наказываю сам себя?» Могу добавить, что мой знакомый окончил в своё время музыкальную школу с отличием, но Д. Ойстрах в ученики его не взял, к другому Я. Г. не хотел и, в конечном итоге, он стал ученым, достаточно известным, чтобы попасть в книгу «Who is who?».

Но возвратимся к «Улиссу». Известный историк, писатель, исследователь Умберто Эко обожает «Улисса», а многие исследователи — филологи с сожалением признают, что в «Улиссе» больше загадок, чем ответов. Может быть, Умберто Эко знает ответы и потому ему очень нравится эта книга? А мы, подавляющее большинство рядовых читателей, ответов не знаем, но старательно разыгрываем старую сказку о голом короле.

Я возвращаюсь во времена моего детства, когда девочки играли с мячом в считалки: «Я знаю пять овощей — свекла, картошка, морковка, капуста, огурец, я знаю пять фруктов — слива, яблоко, груша, клубника, виноград, я знаю пять городов — Москва, Ленинград, Киев, Минск, Саратов, я знаю пять цветов — красный, синий, зеленый, желтый, фиолетовый и так далее под пять ударов мяча об асфальт.

И вот, перед нами таблица со структурой романа. В ней восемь колонок. В первой название главы, а в третьей время действия с восьми утра до двух часов ночи. Всё понятно. Да и во второй колонке, где названа сцена действия, мы можем допустить любой произвол автора, будь то ванна, кровать или библиотека.

Четвертая колонка уже озадачивает названием — «Орган», у Калипсо — почки, у лотофагов — гениталии, у Сцил-

---

лы и Харибды — мозг, у Сирен — уши, у Циклопа — мышцы (это немного понятнее) и так далее. Пятая колонка под названием «Цвет» содержит пять цветов радуги и на все восемнадцать глав его не хватает. У Телемаха — белый, золотой, у Нестора — коричневый, у Протея — зеленый, у Калипсо — оранжевый и так далее. У шестой колонки название «Символ». Телемах — наследник, это понятно. Нестор — лошадь, у Листригонов — констэбль, у Сирен — бармен, у Кирки — проституция и так далее. Следующая колонка называется «Искусство». У Телемаха — геология, у Нестора — история, у Калипсо — экономика (!), У Лотофагов — ботаника, химия и так далее.

Нет, даже самое прилежное изучение структуры романа в силу явно стохастического набора элементов не позволяет докопаться до сути, ради чего мы столь долго трудили глаза. Великолепный врач-психиатр, философ и литератор Карл Юнг тоже сетовал на невообразимую скуку при чтении, говорил, что эту книгу можно читать и задом наперед, поскольку у нее нет ни начала, ни конца, ни верха, ни низа*, и, наконец, пришел к выводу, что в основе романа голое, инфернальное отрицание всего и вся, и именно этим, явной беспредметностью и бесцельностью человеческого существования восхищаются толпы модернистов в литературе. Действительно, средний человек приходит в мир из ничего и уходит в ничто, и дни его наполнены суетой и скукой, *но единицы*, избранные Богом или Случаем, создают теорию относительности и открывают черные дыры, приручают ядерную энергию и расшифровывают геном человека. Их работа для вас, уважаемые читатели, невообразимо скучна, но из неё вытекают все блага (к сожалению, и многие несчастья) современного мира. Религия, со своей стороны, оскoblена книгой Джойса, потому что Бог не может быть в ответе за каждого недоумка, который не желает ра-

---

* ...Все могло произойти до того, а может произойти и после. Любой разговор вы можете с равным удовольствием прочесть задом наперед, поскольку суть каламбуров все равно остается непонятной. Каждое предложение — каламбур, но взятые вместе они бессмысленны...

ботать, ничего не умеет делать, страдает невыразимой скукой бытия и обесмысливает человеческое существование.

Заметим, что Джойс главной фигурой избрал еврея Леопольда Блюма. Кому-нибудь сие избрание покажется явно символичным. Еврей в мире есть фигура самая скептическая, одновременно самая страдающая, самая одинокая. За это мы, евреи, очень благодарны Джойсу и кому же, как не нам, первым признать в нем гения, хотя читать его мучительно скучно.

Да, есть великие книги в литературе, которые широкому читателю неинтересны. Не надо этого стесняться. Если инженер-электрик спросит у литературных дам, как работает трансформатор, они с идиотическим хихиканьем ответят, что понятия не имеют и знать об этом не хотят. Да потому не хотят, что не могут, что это сложно, что нужно знать математику и физику, надо соображать, уметь решать задачи сначала в учебнике, а потом в практической жизни. То ли дело эзотерическое знание! А главное, — никто на свете проверить не может. Этакая дымовая завеса.

Что же вы — электрики, конструкторы, биологи, химики, строители мостов стесняетесь сказать, что вам такая-то или такие-то книги скучны и вам жалко на них время тратить!

Ну, если уж вы поставили целью читать только скучную заумь, дело ваше, только это может сказаться на настроении и, соответственно, на пищеварении. Не забывайте только, что великих, но обжигающе интересных книг куда больше. Это ведь, как с Сикстинской Мадонной кисти Рафаэля — у её ног склоняются романтики и модернисты, идеалисты и материалисты, кто угодно.

Разумеется, всё вышесказанное касается и поэзии, но у последней, как бы это сказать помягче, больше прав на непонятность, загадочность, на непереводаемость на язык прозы.

Я уже вижу, как читатель скривился: «Да кто ты такой, чтобы судить о Великой литературе!» Ну да, ну да, диплома об окончании филфака у меня нет...

Возьму-ка я себе в союзники Михаила Веллера, который в цикле своих лекций коснулся «Улисса». Начал он с Льва

Толстого, который однажды в дневнике описал, как он направился с прогулки домой и собрался надавить на звонок, чтобы ему открыли. Написал он по этому поводу пять страниц. Там и облако, и сапог на ступеньке, и фарфоровая кнопка звонка, и звук звонка в глубине дома... Многовато, хотя и высоко художественно. Толстой — это вам не Джойс. А Джойс написал 800 скучнейших страниц и вполне может стать, что не высоко художественно. Поскольку не на русском, судить трудно. Переводчик кинется на меня с криком «Художественно!», иначе зачем переводить?

Веллер утверждает, что ничего на этих 800 страницах нет, сколько бы вы ни искали, и для наглядности приводит пример с «Черным квадратом» Малевича. Он сам видел, как у этого манифеста супрематизма стояли люди и изучали квадрат. Многие потом говорили, что *видят* и презирали тех, кто не видит. Опять повторение сказки о голом короле.

Означает ли всё вышесказанное о Джойсе, что он графоман? — Ни в коем случае! Он показал всему миру, что так писать можно. И второе, самое главное — его текст напечатали и будут печатать впредь. Так сложилось. Есть ли у него почитатели из профессионалов? — Есть! Мнение любителей мы опустим, поскольку оценить такой труд им не по силам. Надо самому вариться в литературе, чтобы прочувствовать, как можно написать 800 страниц ни о чем. Повлиял ли роман Джойса на развитие литературы в целом? — Не знаю. Веллер считает, что Пруст, Кафка, Камю и Джойс — это вершины литературы 20 века, но читательским спросом они не пользуются — не интересно. Кстати, Кафку и Камю лично я читаю с интересом.

Относительно Малевича — знаю, что супрематизм открыл новые горизонты в изобразительном искусстве и дизайне, и мне это течение близко по духу.

Теперь я хотел бы для наглядности привести высказывания мастеров о нас с вами и о собратях по профессии. А судить — вам! Хотите — принимайте, не хотите — отвергайте!

Поэты о поэзии и читателях

Никакого общественного престижа в наше время чтение стихов не обещает, а напротив — требует, как и во все времена, серьезного душевного усилия.

Да и в другие времена их никогда особенно не читали. Поэзия вообще — для немногих. Востребованность её, сравнительно с другими приманками цивилизации, совсем невелика.

...А десятки тысяч стихотворений, «вывешенные» в Интернете, только уж совсем наивного новичка введут в заблуждение: сколько-нибудь сносные творения в этих вавилонах — иголки стогах графомании. Никто их там не найдет.

«Быть знаменитым некрасиво» — хорошо писать, когда ты знаменит. А если безвестен и живешь в Туле или Астрахани? Да, по совести, и Москва с Петербургом не многим в этом отношении лучше. (*Ал. Алексин: Поэт без читателя. Арион №51, 2006, с.15–18*)

В девяностых самым неожиданным оказалось то, что не произошло ничего неожиданного. Слишком долго скапливался пар в тесном пространстве идеологически регламентированной словесности. Содержательность формы была понята по конвойному: шаг вправо, шаг влево. Потом власти стало не до литературы, и котел, естественно, рвануло.

Когда дым рассеялся, обнаружилось, что взрыв этот, в общем-то, обманул эстетические ожидания, обернувшись очередным витком борьбы за право писать плохо...

...Стихи должны быть хорошо написаны. По определению... А что такое хорошо и что такое плохо, оценивают только **мастера**. То есть, оценивать, конечно, волен всяк, кто пожелает, но только **их** слово имеет реальный вес. (*Вадим Перельмутер. Фрагменты о книге поэта. Арион №45, 2006, с.33*)

Устойчиво бытовавшее многие десятилетия мнение, будто нет поэта без поэмы, хотя бы одной, причинило, на мой взгляд, массу убытков российской изящной словесности.

Думаю, что поэмы Пастернака или Ахматовой не выдерживают сопоставления с их лирическими стихами и циклами. Лирика Сельвинского и Кирсанова несравненно значительнее их эпосов... (*Там же. с.43*)

Поэзия достаточно жестокий род занятий. Она требует от решившего посвятить себя ей рискованного самопожертвования: целой жизни, причем безо всяких гарантий. Грех на том, кто соблазняет. Кто внедряет мысль, что стихи можно не написать, а построить — если следовать достаточно остроумной концепции. И жаль соблазненных, целыми табунами переезжающих нынче с фестиваля на «конференцию» и обратно на фестиваль, бубнящих там и тут свои «тексты» и, кажется, всерьез верующих, что они — участники «поэтических практик» в «эпицентре поэтического бума». — Речь идет об авторах «пост-неподцензурной литературы», то есть о тех, кого и безо всякой цензуры никто печатать не хочет и которые «по сей день обделены вниманием литературной элиты». (*А. Алехин. Арион №41, 2004, с.16*)

А начинается эта статья остроумно по-алехински:

Минувшей осенью на головы тем, кто так или иначе занимается поэзией, свалился кирпич: без малого шестисот страничный том «специального» (поэтического!) выпуска «НЛО». Вообще-то за такое чтение надо бы выписывать мо-локо...

У поэзии тем — раз, два и обчелся, главное, это угол зрения, так что поэзия — явление скорее оптическое. Поэт и читатель пользуются одним оптическим прибором (назовем его подозрной трубой), только наблюдают с разных ее концов. Нетрудно догадаться, что поэт часто становится заложником собственной дальновзоркости, а читатель — близорукости.

...Да, быть судьей самому себе, тем паче другим, — задача не из легких, а результаты крайне субъективны, и всегда есть вероятность ошибки. Но если для редактора это обязанность, то автор-поэт частенько даже не считает нужным об этом задуматься. Присутствие хоть тушкой, хоть чуче-

---

лом на страницах различных изданий оказывается самоцелью. Один из признаков «соблазненных печатью» — глухота по отношению к коллегам и абсолютная зацикленность на себя.

...Все-таки поэзия еще и ремесло...

Зачем пишут стихи? А почему некоторые удят рыбу, когда она в магазине продается? Видимо, мир, пойманный своими руками, имеет особую ценность и существует в единственном экземпляре... (Д. Тонконогов «Никаких соблазнов», *Арион* №46, 2005, с.15)

Для подавляющего большинства поэтов сегодня, как и 50, и 100 лет назад, стихи — нечто эфемерное. Поиск философских истин и фиксация ощущений. (Ян Шенкман. *Арион* №45, 2005, с.18)

Объективное качество книги — её художественного уровня — очевиден только профессиональному поэту, критику. Читатель всё равно ничего не понимает. А тот, который понимает — не важен, поскольку немногочислен. Ну а тот, кто ничего не понимает, всегда слушает авторитетные мнения... (Анна Кузнецова. *О книге поэта замолвите слово*. *Арион* №49, 2006, с.42–46)

Г. Ш.:В университете нам открылась эпоха Серебряного века. В то время — конец 80-х — мы ею очень увлекались. Всё вдруг стали переиздавать. И мы читали эту серебряную чепуху — Брюсова, Бальмонта, Вячеслава Иванова, Белого. Читали в основном из-за ауры, атмосферы. Нам она казалась чрезвычайно актуальной. Может быть, потому, что не только мы — вся читательская Москва переживала тогда заново свой Серебряный век. А потом обаяние прошло. И я понял, что от эпохи остаются три-четыре имени. Те же Пастернак, Мандельштам, Кузмин, Георгий Иванов, Ходасевич — хотя это уже поздние дела. Дамы — Ахматова и Цветаева, куда же без них. Хотя ни тогда, ни сейчас к их стихам особой любви я не испытывал и не испытываю.

Д. Т.: В юности все эти имена, включая Мандельштама и Пастернака, я воспринимал, как притоки огромной и единственной поэтической Волги, что впадает, как известно, в Каспийское море. А Хармс, Заболоцкий, Маяковский и Хлебников пытались повернуть её вспять и этим купили с потрохами. Впрочем, меня интересовала Ахматова, как персонаж. Я читал все воспоминания о ней, что попадались, и пришел к выводу, что она удивительно хитрая тетка и многих обвела вокруг пальца.

Г. Ш.: Но у меня стихи Хармса шли по разряду «курьезное, забавное». Потом эту линию курьезного, кстати, продолжил Пригов. В общем, у меня было четкое разделение. Потому что на фоне Хармса Пастернак — идиот. И, соответственно, Хармс на фоне Пастернака — олигофрен. Я и не смешивал. Поскольку во мне их стихи отзывались в разных секторах «душевной мембраны». И вызывали абсолютно разную эмоциональную реакцию. (*Глеб Шульпяков, Дмитрий Тонконогов* На новые квартиры. Арион №50, 2006, с.62–72)

Тут я (А. Т.) решил вмешаться, дабы уважаемые читатели не подумали, что меня не коробит подобное амикошонство. Когда Маяковский называет Некрасова Колей, он, по моему мнению, имеет на то право по своему статусу Поэта, а здесь ребята из поэтического цеха выступили в роли Хлестакова — ну что, брат Пушкин, всё пишешь?.. Простим, однако, их невоспитанность, поскольку мысли у них, при всей грубости формы, чего-то стоят. Итак, идем дальше.

Книга стихов — вещь жестокая. Часто даже у замечательных поэтов стихи, собранные в книгу, начинают взаимно обесцениваться, склеиваться, как неразмешанные пельмени, в один неаппетитный ком. То, что было незаметно на уровне одного-трех стихотворений: однообразие, монотонность настроения, тем, приемов — на уровне книги оказывается убийственным. (*Е. Абдуллаев. Бревно в пустыне. Арион №50, 2006, с.51–56*)

«Новый язык» рассчитан на посвященного, на члена той же компании, заранее настроенного на ту же волну. Бывает, что группа людей, оказавшись в одной ситуации, заражается одним и тем же смешливым настроением — достаточно палец показать, чтоб засмеялись. Что-то подобное связывает новейших сочинителей с их аудиторией. Впрочем, по моим наблюдениям, аудитория и состоит в основном из сочинителей. То-то главный редактор журнала НЛО Ирина Прохорова удивляется, как изобретательно они сами себя комментируют.

И какую же глухоту к искусству слова, какое отсутствие поэтического слуха (вместе с изворотливостью ума) изобличают эти *самокомментаторы!* (Пример: Влад. Гандельсман «Шахматный этюд»).

...Как, вы думаете, можно представить осмысленной эту, простите, какофонию? (*Е. Невзглядова О современном лиризме. Арион №41, 2004, с.65*)

Поэзия — результат удивления:

«Лежащее в основе поэзии отвлечение от здравого смысла... и есть та глуповатость, о которой говорит Пушкин» (Ходасевич)

Пушкин: «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата»

(Цитирование авторитетов. Если великий поэт сказал, то, значит, так оно и должно быть. А. Т.)

Стихи ведь не то, что о них думают, не чувства (чувства приходят рано). Стихи это опыт. (*Р.М. Рильке*)

(*Арион №48, 2005*)

Прогулка по одному интервью

Судьба Марины Цветаевой, пожалуй, не уступит по трагизму судьбе Марии Стюарт.

В Марине, как в адском котле, кипели бесконечные страсти, которые доходили до последнего предела много раз в течение её жизни, так что её состояние порой балансировало на грани нормы и ненормальности, выплескиваясь в столь же нервные, импульсивные стихи.

О стихах: большинство их, если не все, носят столь индивидуальный отпечаток её личности, что абсолютно узнаваемы даже читателями, слабо разбирающимися в поэзии. Её поэтический язык — весь в постоянном новаторстве и словотворчестве. Трагическая судьба и необычность поэтического языка создали ей среди людей послевоенного поколения устойчивый миф о гениальности, который всё более укрепляется и подпитывается мнениями таких авторитетных собратьев по перу, как Пастернак и Бродский. Последний в интервью с Соломоном Волковым назвал её первым поэтом XX века. Имел ли он в виду русскоязычную поэзию или всемирную, выяснить уже невозможно. Толпы читателей идут вослед мнению мэтров, и если кто-нибудь в дружеской компании скажет, что некоторые стихи Цветаевой ему не понятны или не нравятся, ему тотчас же ответят, что он не дорос до их понимания, хотя этот человек, может быть, состоялся как крепкий физик, или талантливый конструктор, или удачливый бизнесмен, щедро поддерживающий искусство и постоянно читающий современных и несовременных поэтов, поэтические антологии и работы литературных критиков.

Погружение в творчество Цветаевой, в её мир личных пристрастий, между тем, как ветряная оспа, легко заражает её почитателей нетерпимостью и агрессивностью, так что неприсоединившиеся к её ценителям испытывают страх быть осмеянными и потерять реноме интеллектуала. Коллективное обожание, должен вам сказать, всегда наводило на меня тоску и вызывало желание противодействовать, потому что мне претит российская соборность, которой хвалятся не нахвалятся славянофилы, подсчитывая с радостью, как много молится рядом «наших».

Поскольку я лично не участвую ни в каких «тусовках», а книжки читаю иногда очень внимательно, хотелось бы для любопытствующих привести фрагменты интервью Соломона Волкова с Бродским о взгляде великого поэта на творчество Цветаевой. Сразу подчеркну, что, анализируя этот текст, я уловил некое неприятие, некий негатив, в котором Волков, возможно, никогда бы не признался на-

---

прямую. Короче — разрешите пригласить вас, уважаемые читатели, поучаствовать в моем разборе.

Волков в своем интервью подыгрывает Бродскому. Ему хочется раскрутить Мастера на более пространные суждения, но это удастся плохо. Казалось бы, о чем спрашивать, если одному только стихотворению «Новогоднее» Бродский посвятил 25-страничный разбор. Вот сколько он увидел в нем глубины и необычности. Однако мне не столько были интересны ответы Бродского, сколько вопросы Волкова (**даны курсивом**), которые часто звучат отнюдь не вопросительно, а как констатация некоей данности. Они в скрытой форме дают представление о том, как мы с вами в действительности иногда воспринимаем стихи и поэмы Цветаевой, но скрываем наше истинное отношение, истинное недопонимание, ибо стыдимся искреннего высказывания.

Ответы Бродского я намеренно не привожу, чтобы не запутать читателя.

С. В.: *Нехарактерно для поклонника Ахматовой восхищаться Цветаевой...* — Логично. Лично я как раз являюсь давним ценителем Анны Андреевны, предпочитаю её кристально прозрачный, Пушкинский стиль, подобный глубокому озеру, в котором всё видно до самого дна. У Цветаевой поэзия — это вулканический поток, который несется по камням и тащит с собой глыбы и облака мути. Приходится останавливаться, вглядываться, перечитывать, ловить смысловые тонкости в искаженных порядках слов с обрубленными окончаниями, с образцами речи скорее далекого будущего, чем настоящего. И, кстати, успех в расшифровке смысла приходит далеко не всегда. (Это совершенно не касается её потрясающей, поэтической прозы)

С. В.: *Повышенный эмоциональный тонус Цветаевой должен скорее отпугивать...* (здесь и в дальнейшем ответы Бродского таковы, будто собеседники не слышат друг друга. Бродский отвечает на незаданные вопросы). — Полностью согласен с Волковым. Только называется *это* не повышенным эмоциональным тонусом, а истеричностью. — Читатели газет! Что вы жуете ваши дурацкие газеты, когда я создаю

гениальные стихи, которые вы обязаны купить и прочесть! Вы все проходите со скукой мимо, а моим стихам, как драгоценным винам настанет свой черед! Увидите!

Ну что поделатъ! Время было такое — не до стихов. Жизнь была архитяжелой. Голодали и мерзли. Да еще и хамская-воровская малина — диктатура пролетариата. Вот, стало чуть теплее, мягче — нашли и напечатали, и стали драться за право прочесть и передать другим. Настал черед!

С. В.: *Эмоциональная взвинченность Цветаевой достигает того же, что нейтральность Одена...* Этот вопрос задан для усиления интереса Бродского к интервью, но ключевое слово «взвинченность» сказано!

С. В.: *Меня отпугивает дидактичность Цветаевой. Её указательный палец.* Тут Бродский возражает, что как раз Пастернак дидактичен: «Жизнь прожить — не поле перейти». Раз уж зацепили Пастернака, то скажу, что более дидактичного стихотворения, чем «Быть знаменитым некрасиво...», трудно, наверное, отыскать во всей русской поэзии XX века. Вот уж где указательный палец разросся с колонну Александрийского столпа.

С. В.: *У Цветаевой афористичность, как у Грибоедова. Она меня отпугивает!..* О, если бы можно было отыскать хоть единый афоризм равный по остроте ума Александру Сергеевичу! Потому и отпугивает, что «взвинченность» не дает необходимого для афоризма сосредоточения мысли и приходится гадать о смысле сказанного, словно выслушиваешь Дельфийского оракула.

С. В.: *Цветаева малоэротична...* Бродский это отрицает, а мне, собственно, наплевать. Я в стихах ищу совсем даже не эротики, а скорее, утонченности и игры

Ронсара, если речь идет о любовной теме. А неистовые признания Цветаевой перед многочисленными избранниками меня попросту раздражают, хотя наверняка это чистой воды литература, а не физиология.

Читающая публика очень любит «клубничку», ибо без неё остаются лишь голые литературные достоинства и недостатки, то есть материал для профессионалов. Ну кто, скажите, будет читать длинное интервью, в котором нет

ни намек на частную жизнь! Я помню, как дальние знакомые и близкие друзья пытали сестру моего троюродного брата после выхода его первой книги, правда ли, что у неё был роман с морским офицером. Вы что же, господа, отказываете автору в праве на вымысел? Тогда нужно закрыть художественную литературу и публиковать лишь анкетные данные.

Хотим мы или не хотим, но литература — это рынок, как и всё остальное искусство. Поэтому приходится развлекать публику. И вот, появляются вопросы, скорее относящиеся к личной жизни и личным пристрастиям Цветаевой:

С. В.: *Её самоубийство — результат накапливающихся несчастий...* И неуравновешенной психики, и неумения ладить с людьми. Думается, что она была в общении человеком малопривлекательным. Но вообще предмета для дискуссии нет, поскольку прогулка посвящена поэзии.

С. В.: *Цветаева и афера ГПУ. Она знала всё...* Бродский считает, что её этика — верность Эфрону. Не очень-то сильный аргумент. Она барахталась с мужем в паутине, сотканной ГПУ, которое играло на светлых чувствах людей, вынужденных покинуть Россию и мечтавших вернуться. Неприятие Цветаевой здесь уже распространяется за рамки поэзии. Я считаю, что судить её, как личность, может лишь сам Господь Всемогущий, а приговор приводит в исполнение она сама.

С. В.: *Цветаева восхищалась Маяковским...* Полувопрос рассчитан на негативное отношение к Маяковскому и опосредствованно — к Цветаевой. Скажи кому-нибудь сейчас, что любишь Маяковского, так могут и от дома отказать! Ведь он же продался большевикам! А вы, господа, прожившие всю жизнь при коммунистах и успешно двигавшиеся вверх по служебной лестнице, и участвовавшие во всех этих карнавальных выборах властей, не считаете, что вы сами — продались и притом по дешевке! Он хоть в Париж ездил, в США, в Мексику. Он ошибся, потому что жаждал деятельности, а человек действия может скорее ошибиться, чем философствующий бездельник. Возможно, он был недостаточ-

---

но образован и не очень умен. Но он был гениален. И ваши дети, если не потеряют русский язык, еще придут к его книгам. Настанет *их черед, как драгоценным винам.*

С. В.: *Цветаева самый искренний русский поэт...* Это мнение нельзя доказать логически. Можно только верить этому или не верить. Искренними могут быть дети, если не боятся наказания, и поэты, если живут не в реальном, а выдуманном ими мире. Впрочем, в конце нашей прогулки я намерен дать одно из доказательств верности оценки Волкова.

С. В.: *Цветаеву легко невзлюбить именно из-за её кальвинизма...* О чем тут речь? О человеке или о его поэзии? Тут Волкову было бы недурно расшифровать, что он имел в виду. Может быть, Цветаева требовала от читателей и почитателей следовать за ней, как за лидером (Кальвин был жестким лидером). Она сама чувствовала в себе, по мнению Бродского, поэта-трибуна.

Однако есть и еще один аспект, связанный с кальвинизмом, если она была кальвинисткой. Была ли её судьба абсолютно predetermined Богом в смысле души погибшей, и она знала-чувствовала это. Или же она в последний час уверовала, что спасется и оказалась, подобно Маргарите, спасенной. Тут мы с вами опять уходим от оценки поэзии Цветаевой в область, где ответ скорее мог бы дать Александр Мень.

К высокой чести Цветаевой, её слово не разошлось с делом. Не соглашаясь с Богом, она предпочла устраниваться: ...«На твой безумный мир Ответ один — отказ». И в этом смысле более искреннего поэта действительно найти почти невозможно.

В заключение вы можете меня спросить, как всё-таки я отношусь к поэзии Цветаевой. Мне в её поэтическом наследии нравится далеко не всё. У нас слишком разный темперамент. В русском языке для меня драгоценно наследие Пушкина, Лермонтова и Гоголя, но я считаю её безумно талантливой и талантливой в её безумии. Можете ли вы пред-

---

ставить «Поэму горы» размером с «Демона»? Я бы, прочтя такую гору, оказался бы в доме умалишенных. А вы?

В нашей короткой прогулке я лишь защищал своё (и, может быть, ваше) право читателя на выбор того, что мне лично доставляет удовольствие, используя материалы интервью как довод в свою пользу. Вот и всё. Прогулка окончена.

Что вам пожелать на прощание... Побольше смелости, друзья мои, поменьше ложного стыда и зависимости от чужого мнения. Если и ошибётесь, то ради того, чтобы доискаться до истины, можно и претерпеть. Уж очень хорошая штука — истина.

Алик Толчинский

москвич, по окончании МИТХТ занимался исследованиями в различных областях физической химии, доктор химических наук.

Печататься начал в конце 90-х годов. Автор нескольких сборников рассказов и повестей — «Мозаика жизни»,

«Окончательный вариант», «Два гения» и др., изданных в 2004–2009 годах бостонским издательством M-Graphics Publishing.

С 2000 живет в США.

Вот что он говорит сам о себе:

«...Люблю классическую музыку, живопись и скульптуру, вкусную еду и стопку водки, застольные споры и острые анекдоты.

Превыше всего ценю мастерство во всех видах и формах и сам очень хотел бы стать мастером.

Стараюсь воспринимать мир иронически.

Если люди, читая мои книги, смеются, значит, я старался не зря».

M-Graphics Publishing

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-934881-50-7

9 781934 881507

90000>